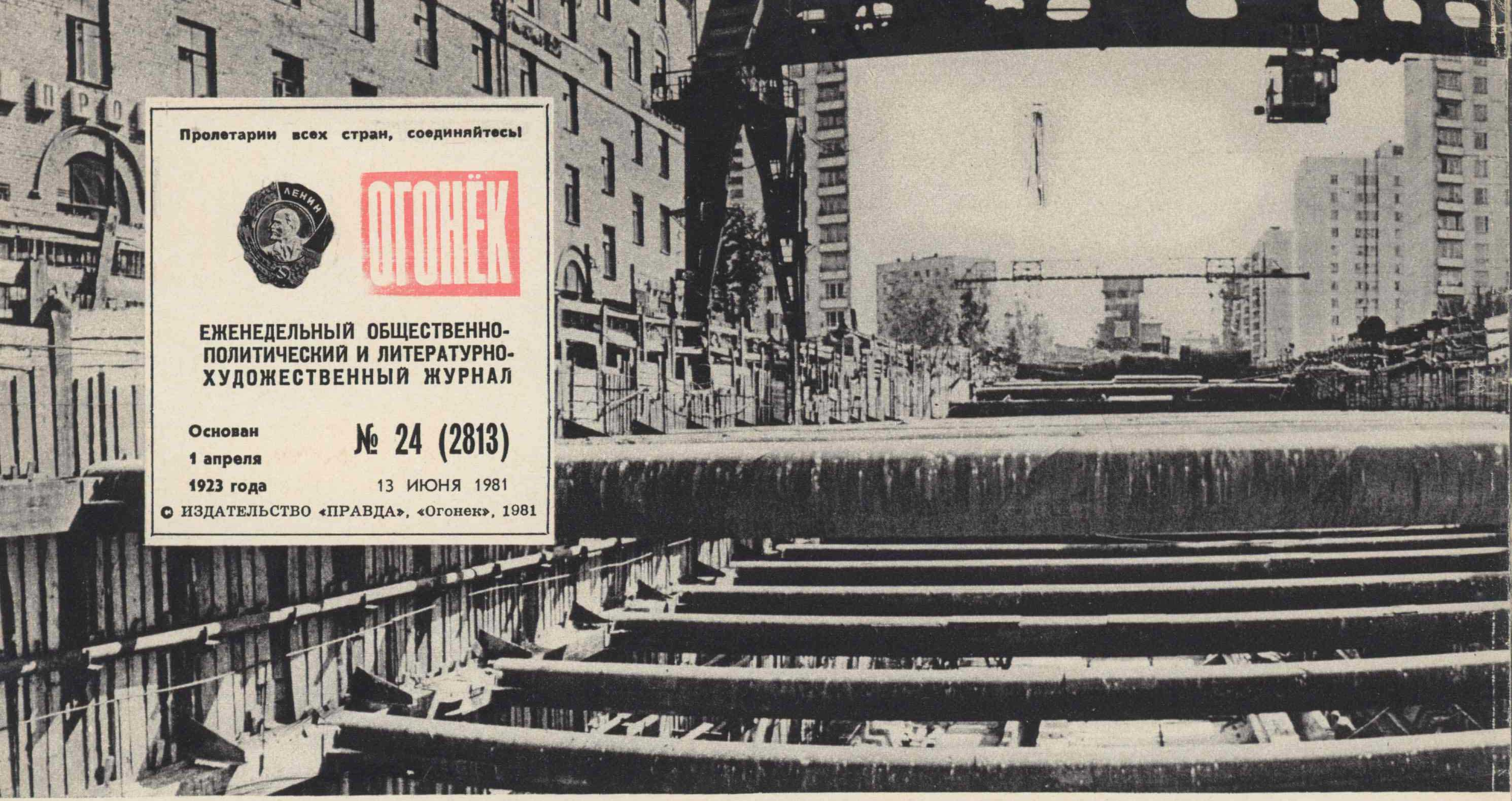

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 24 ИЮНЬ 1981

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 24 (2813)

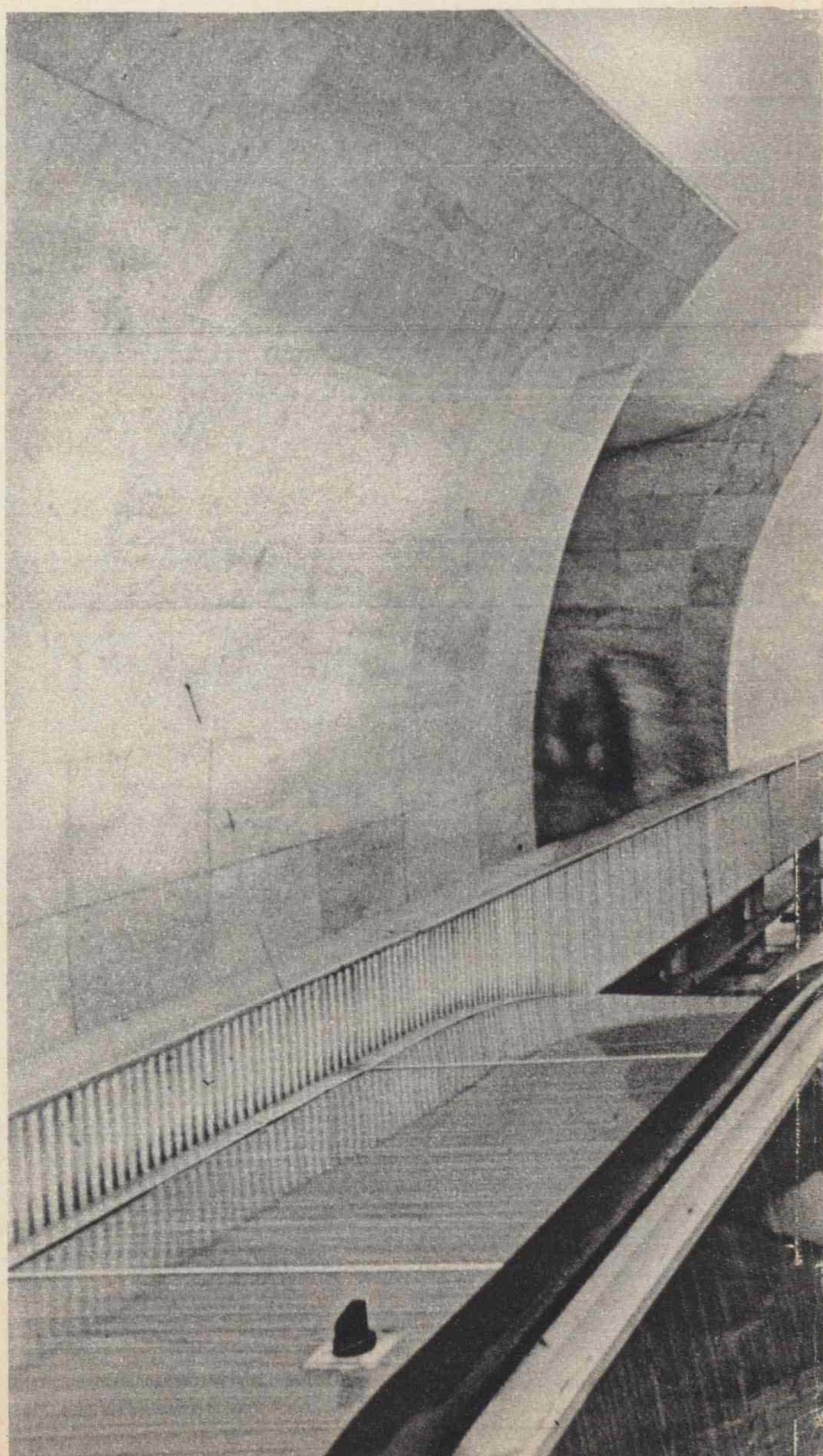
13 ИЮНЯ 1981

Станция «Нахимовский проспект» сооружается открытым способом.

СОЙДЯ ПОД ДЕРЗО

Бригадир проходчиков Н. П. Леденев.

МЕТРОСТРОЮ — 50 ЛЕТ

Фото Г. РОЗОВА

СТНЫЕ СВОДЫ

Станция метро «Горьковская».

Мы, москвичи, благодарно и нежно любим свое метро и не можем себе представить жизни без него. Четко и безотказно служит оно каждодневно. Оно спасало нас, и мы этого никогда не забудем, в сорок первом, помним, что в его тоннелях и на перронах родилось двести тринадцать ребят. Мы горделиво, сколько бы раз ни были, любуемся его подземными залами и анфиладами — единственными в своем роде творениями архитектуры и монументального искусства, принимая как должное то, что на их отделку пошло больше мрамора, чем на все царские дворцы за триста лет.

Конечно же, наше метро самое лучшее в мире — это общепризнано. Тем прекраснее и величественнее богатырский подвиг народа, его создавшего и создающего...

Юлиус Фучик писал, что строителям метро в Москве пришлось столкнуться со всеми сложностями, какие только встречались при сооружении подземной дороги в Берлине, Лондоне, Париже и Мадриде, не только вместе взятыми, но и с гораздо большими: их подстерегали опасные подвижные пески, подземные реки, известняки, насыщенные водой... Германские, английские и французские экспертные комиссии не верили в возможность осуществления советского проекта. Весьма скептически был настроен и Герберт Уэллс. В разговоре с П. П. Ротертом, начальником Метростроя, автор «России во мгле» стремился доказать, что все это советская фантазия... Но уже вскоре после этой встречи метростроевцы, по выражению Фучика, рапортовали Земле: треть тоннеля полностью готова. И весть эта тогда воспринималась с неменьшим энтузиазмом, чем возвращение на Землю очередного космического экипажа в наше время.

Метро строили москвичи. Строили шахтеры и рудокопы Урала, Донбасса и Сибири, землекопы Турксиба и Днепростроя... Метро строил московский комсомол — тринадцать тысяч добровольцев, юношей и девушек, со столичных заводов и фабрик спустились в шахты и штольни. Именно за метро награждена первым орденом московская комсомолия. Метро строила вся страна: сотни заводов поставляли оборудование, машины и аппараты, рельсы, вагоны и приборы...

Сооружение столичного метрополитена стало школой мужества и мастерства: не случайно 13 его участников — Герои Социалистического Труда. За ратные подвиги на фронтах 42 строителям присвоено высокое звание Героев Советского Союза.

Московский Метрострой стал академией подземной геологии. Это от первой экспериментальной шахты, заложенной 7 ноября 1931 года на тихой Русаковской улице в Сокольниках, пролегла дорога к многокилометровым тоннелям БАМа.

Работают подземные трассы Ленинграда, Киева, Харькова, Ташкента, Баку, Еревана, Тбилиси. Советские люди помогали строить метро в Праге, Будапеште и Софии... Строятся метрополитены и в других городах нашей страны.

Пятьдесят — прекрасный возраст, особенно когда впереди такие ясные дали: сегодня протяженность подземных дорог почти 200 километров, а будет 320, появятся десятки замечательных подземных дворцов. Как тут не вспомнить в эти июньские дни пушкинское, такое удивительно нам близкое:

Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...

Г. ВЛАДИМИРОВА

Встреча на аэродроме.

Фото Дм. Бальтерманца

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

Во время переговоров.

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 8 июня в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Президент Алжирской Народной Демократической Республики, Генеральный секретарь партии Фронт национального освобождения Шадли Бенджедид.

На Внуковском аэродроме Ш. Бенджедида встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

Среди встречавших находились посол АНДР в СССР Л. Якер, главы дипломатических представительств ряда стран, аккредитованные в СССР, алжирские студенты, обучающиеся в советских вузах, представители трудящихся Москвы.

Вместе с Президентом АНДР в Москву прибыли член ЦК партии ФНО, председатель комиссии по внешним связям ЦК партии С. Хофман, член ЦК партии ФНО, министр финансов М. Х. Яла, член ЦК партии ФНО, министр планирования А. Брахими, другие официальные лица.

9 июня в Кремле начались советско-алжирские переговоры.

С советской стороны переговоры вели Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев;

с алжирской стороны — Президент Алжирской Народной Демократической Республики, Генеральный секретарь партии ФНО Шадли Бенджедид, член ЦК партии ФНО, председатель комиссии по внешним связям ЦК партии С. Хофман, член ЦК партии ФНО, посол АНДР в СССР Л. Якер, член ЦК партии ФНО, министр финансов М. Х. Яла, член ЦК партии ФНО, министр планирования А. Брахими.

На переговорах, проходивших в духе дружбы и взаимопонимания, были рассмотрены актуальные проблемы современной международной обстановки, в том числе положение на Ближнем и Среднем Востоке, в Средиземноморье и некоторых других районах мира.

Было отмечено, что агрессивный авантюристический курс империалистических кругов во главе с США серьезно осложняет международную обстановку, угрожает миру и безопасности народов. Этому курсу на милитаризацию и агрессию, подчеркнул Л. И. Брежнев, Советский Союз противопоставляет политику упрочения мира и сохранения разрядки, которая, как об этом свидетельствуют отклики во многих странах на выдвинутые на XXVI съезде КПСС мирные инициативы и предложения, встречает широкую поддержку и одобрение всех миролюбивых сил.

При обсуждении положения на Ближнем Востоке было отмечено, что возросшая агрессивность Израиля, опирающегося на откровенно экспансионистский курс США и на сепаратную кэмп-дэвидскую сделку, создает угрозу возникновения здесь нового вооруженного конфликта. Убедительным свидетельством этому являются провокационные акции Израиля в Ливане и бандитское нападение израильской авиации на столицу Ирака Багдад.

Было выражено обоюдное убеждение, что складывающееся на Ближнем Востоке положение подтверждает особенную актуальность коллективных усилий, направленных на то, чтобы вывести дело ближневосточного урегулирования из тупика. Реальный путь к этому, указал Л. И. Брежнев, открывает выдвинутое на XXVI съезде КПСС и положительно встреченное во многих арабских странах предложение о созыве специальной международной конференции по Ближнему Востоку с участием всех заинтересованных сторон, включая Организацию освобождения Палестины.

УЧИТЬСЯ МЫСЛИТЬ

Б. СМИРНОВ

Так уж повелось, что начало лета совпадает с началом каникул. Они наступили и в сети партийного просвещения. Сотни тысяч рабочих и служащих, представители всех профессий, люди самых различных возрастов отложили до осени свои конспекты, тома литературы. И хотя слушатели этой школы официально не сдают экзаменов, оценками их знаний стали реальные метры тканей, тонны металла, киловатты энергии и другие выработанные дополнительно к плану единицы продукции. Итогом занятий стало и то возросшее чувство понимания своей ответственности, то умение оценивать обстановку на своем рабочем месте, в своей отрасли, в стране, во всем мире в целом, которое, конечно же, никакими «единицами» измерить невозможно.

...В последний раз — само собой, только до осени — собираются слушатели одной из школ марксистско-ленинских знаний подмосковной Яхромской прядильно-ткацкой фабрики. Минувший учебный год многое дал слушателям школы, особенно последние его месяцы, когда изучались материалы XXVI съезда партии. Но сегодня занятий не будет, хотя каждый привычно занимает свое место за столом в парткабинете в ожидании руководителя школы Людмилы Васильевны Абрамовой. Она — начальник ОТК, вот-вот должна подойти.

— Я уже лет двадцать хожу на занятия, — делится своими впечатлениями Евгения Васильевна Пронина, старший контролер ткацкого производства. — Поставили у нас новую поточную линию — так я, может, и не стала бы интересоваться, что да зачем, а когда мне поручили выступить на занятии о проблемах механизации ручного труда, вот тут-то я все про эту линию подробно разузнала. Работниц на этом участке осталось столько же, а производительность в два раза выросла! Вот так всегда у нас на занятиях: о чем бы ни говорили, обязательно о своей работе каждый хоть слово скажет, и чувствуешь, что на дело начинаешь смотреть шире, как говорят, масштабнее.

— Я тоже много лет хожу сюда на занятия, — продолжает разговор старший шлихтовальщик Михаил Акимович Жигалов, — и должен сказать, содержание занятий всегда связано с работой. Иначе нельзя: мы все взрослые люди, семьи у нас, каждый газеты читает, радио слушает, телевизоры у всех, но в положенное время сюда приходим с большим интересом. Здесь учишься мыслить! Я вот, например, в каждом своем выступлении стараюсь проанализировать мою работу и как бы оглянуться вокруг, на дела других — мы ведь один коллектив... Поговоришь о том, что тебе еще мешает на производстве, какие резервы есть, — и, знаете, приходишь вдруг к выводам, до которых в иной обстановке, может, и не додумался бы!

— Михаил Акимович скромничает, он ведь у нас передовик, недавно награжден орденом Трудового Красного Знамени! — вступает в разговор Людмила Васильевна Абрамова. — И я считаю одним из главных итогов занятий то, что в нашей группе все — ударники на работе. Буквально на твоих глазах теория, абстрактные, казалось бы, понятия становятся необходимыми для практических дел, обретают реальность в труде людей... Увлекательный процесс! Я словно не провожу занятия этих людей, а сама у них учусь, набираюсь мудрости. Вела комсомольские кружки, потом пропагандистом стала... И так двадцать лет. Недавно по состоянию здоровья решила отойти от этой общественной работы. Поверите — затосковала! Все время чувствовала, что не хватает мне этой особой, деловой и в то же время какой-то домашней атмосферы занятий, не хватает бесед с людьми, размышлений... Вернулась я. Мне кажется, и для других слушателей наша школа стала просто необходимой, — я не только о своей группе говорю, ведь у нас на фабрике школы созданы при каждой смене, весь коллектив предприятия занимается партийной учебой...

— В последние годы работа школ марксистско-ленинских знаний приобрела на фабрике особый смысл, — говорит секретарь партийной организации предприятия Николай Григорьевич Сугробов. — Бывают периоды, когда весь коллектив, все главные его качества подвергаются той либо иной серьезной проверке. Так произошло и у нас: по разным причинам, которые, в общем, можно объяснить просчетами планирования, наше предприятие в конце прошлой пятилетки оказалось в числе отстающих. Мы тогда ждали, что на фабрике вот-вот начнется реконструкция, а вышестоящие организации решили ее у нас пока не проводить. А фабрика, которой, кстати, исполняется сто сорок лет, уже не могла справляться с новыми, усложненными заданиями, многие механизмы и целые производственные комплексы требовали замены, переустройства. И мы решили переоборудовать фабрику своими силами! Не стоит, вероятно, объяснять, насколько непросто все это давалось. Здесь, конечно, многое решил настрой коллектива, его волевая закалка. И вот в эту трудную пору коллектив показал себя с самой лучшей стороны. Люди не считались со временем, снизилась текучесть рабочей силы на предприятии, нарушений трудовой дисциплины стало гораздо меньше. В конечном итоге то, насколько грамотно, ответственно справлялся каждый со своей работой, и решило дело. Нет сомнения, что школы марксистско-ленинских знаний сыграли в идейной закалке людей огромную роль.

Сейчас главные трудности, мы считаем, позади, — продолжает Николай Григорьевич. — Фабрика стала работать устойчиво, восемь кварталов подряд предприятие занимало классные места в соцсоревновании. А по итогам последних месяцев коллективу предприятия вручено переходящее Красное знамя! Но главные задачи, на которые нацелил нас XXVI съезд партии, еще впереди. И темпов работы мы снижать не собираемся. Впрочем, слушателям школы, которые прекрасно знают положение дел на фабрике, объяснять этого не надо...

На снимке: цветы пропагандисту Л. В. Абрамовой (в центре).

Фото А. Бочинина

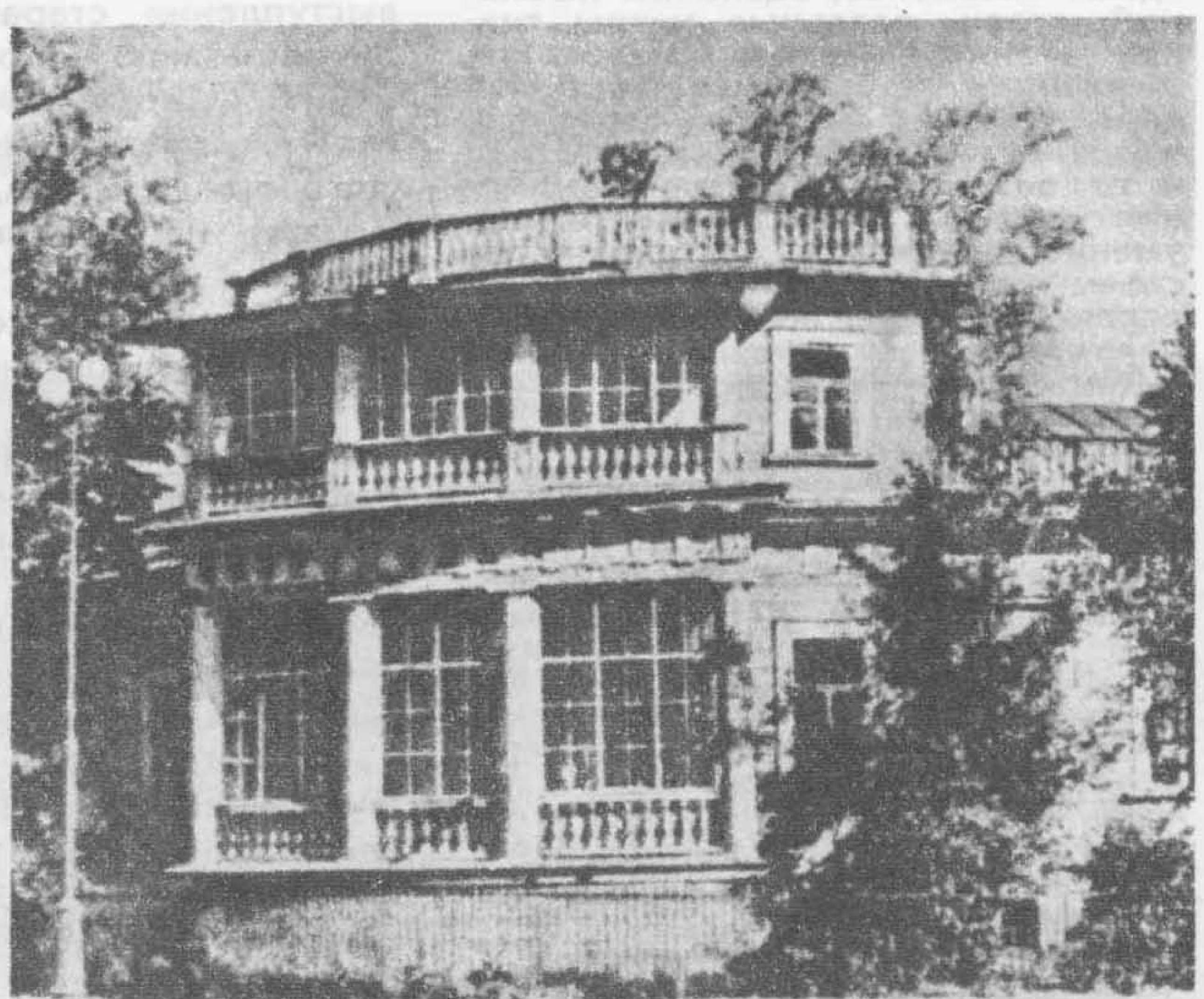
Первые экскурсанты в кабинете А. С. Пушкина в мемориальном музее «Дача».

«Я НАНЯЛ СВЕТЛЫЙ ДОМ...»

А. С. Пушкин — акварель неизвестного художника.

Бывший дом Китаевой — ныне мемориальный музей «Дача» А. С. Пушкина.

•

В г. Пушкине под Ленинградом после реконструкции открыт музей «Дача» А. С. Пушкина.

...Белая ночь стояла над городом, и было в том городе всего пятнадцать улиц. Небольшие, с неизменными колоннадами, мезонинами и балкончиками, деревянные домики утопали в зелени садов, зеркальная гладь прудов отражала силуэты строгих пустынных дворцов, и бесконечными казались тихие аллеи старинных парков.

Этот сказочный город, прозрачные летние ночи над ним он помнил всю жизнь, как помним все мы волшебные города нашего детства и всем сердцем стремимся сюда, в свое Отечество, где каждый камень, каждая тенистая тропинка овеяны прекрасными воспоминаниями юности.

Вот почему в счастливейший миг своей жизни, когда он добился наконец руки Натальи Николаевны Гончаровой, Пушкин обращается к своему другу П. А. Плетневу, жившему в столице: «...После святой отправляюсь в Петербург. Знаешь ли что? мне мóчи нет, хотелось бы к вам не доехать, а остановиться в Царском Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей».

Пушкин с молодой женой остановился в скромном доме вдовы Анны Китаевой, расположенном в Царском Селе на углу тогдашней Колпинской улицы и Кузьминской дороги. Немногие безоблачные дни в биографии поэта связаны именно с этим адресом. «Мы здесь живем тихо и весело, будто в глуши деревенской; насилу до нас и вести доходят...»,— пишет он Нащокину.

«Тихая и веселая» дачная жизнь отмечена была тем не менее ежедневной упорной работой. Сразу после утреннего чаю, оставив жену за рукодельем, он поднимался в мезонин. Вспоминает А. О. Смирнова-Россет: «На большом круглом столе, перед диваном, находились бумаги и тетради, часто не сшитые, простая чернильница и перья; на столике графин с водой, лед и банка с крыжовниковым вареньем, его любимым... Волоса его обыкновенно еще были мокры после утренней ванны и вились на висках; книги лежали на полу и на всех полках. В этой простой комнате, без гардин, была невыносимая жара, но он это любил, сидел в сюртуке, без галстука. Тут он писал...»

«Сказка о Царе Салтане», «Письмо Онегина к Татьяне», «Бородинская годовщина», «Клеветникам России» — вот лишь часть того, что рождено им здесь, в этой просторной, залитой светом комнате. Сегодня мы вновь видим ее точно такой, какой была она далеким летом 1831 года. Сегодня в доме Китаевой — музей.

Собственно, существовал он давно. Но прежняя экспозиция (комната — про свадьбу, про царский двор и т. п.), была лишь иллюстрацией к жизни поэта. Нынешняя стала страницей из его жизни.

Это превращение — итог огромной работы сотрудников Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Мемуары А. О. Смирновой-Россет, записки современников были руководством, по которому любовно и тщательно, предмет за предметом стремились они не только восстановить обстановку, но оживить дух дома, первого после многих кочевых лет постоянного пристанища поэта, где довелось прожить ему едва ли не самые счастливые дни своей зрелой поры.

Гостиная, буфетная, столовая, будуар, спальня... Тяжелая, красного дерева мебель, старинные портреты, документы, книги... Все вместе — время. Удивительное время, когда пешком из Павловска приходил сюда Н. В. Гоголь и читал здесь «Вечера на хуторе близ Диканьки». Пушкин был в восторге и писал знакомому издателю: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился».

А когда, спасаясь от вспыхнувшей в Петербурге эпидемии холеры, в Царское Село перебрался императорский двор, возобновились встречи Александра Сергеевича с Жуковским. «Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я,— писал Гоголь своему другу А. С. Данилевскому.— О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей!» Отметим, что именно тем летом два великих поэта обсуждали вопросы, связанные с изданием альманаха «Северные цветы» на 1832 год, посвященного памяти Дельвига.

Конечно, бывал он и в Лицее — один и вместе с Жуковским. Выпускник 1832 года, впоследствии профессор, Я. К. Грот вспоминал: «Никогда не забуду восторга, с каким мы его приняли. Как всегда водилось, когда приезжал кто-нибудь из наших «дедов», мы его окружили всем курсом и гурьбой провожали по всему Лицею... Обращение его с нами было совершенно простое, как со старыми знакомыми; на каждый вопрос он отвечал приветливо, с участием расспрашивал о нашем быте, показывал нам свою бывшую комнатку и передавал подробности о памятных ему местах».

Свидания с Лицеем овеяны были легкой грустью. Приближалась его двадцатая годовщина, но не было рядом лучших друзей: в Сибири — Пущин, в заточении — Кюхельбекер, умер горячо любимый Дельвиг. И ложатся на бумагу светлые печальные строки:

Чем чаще празднует Лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину...

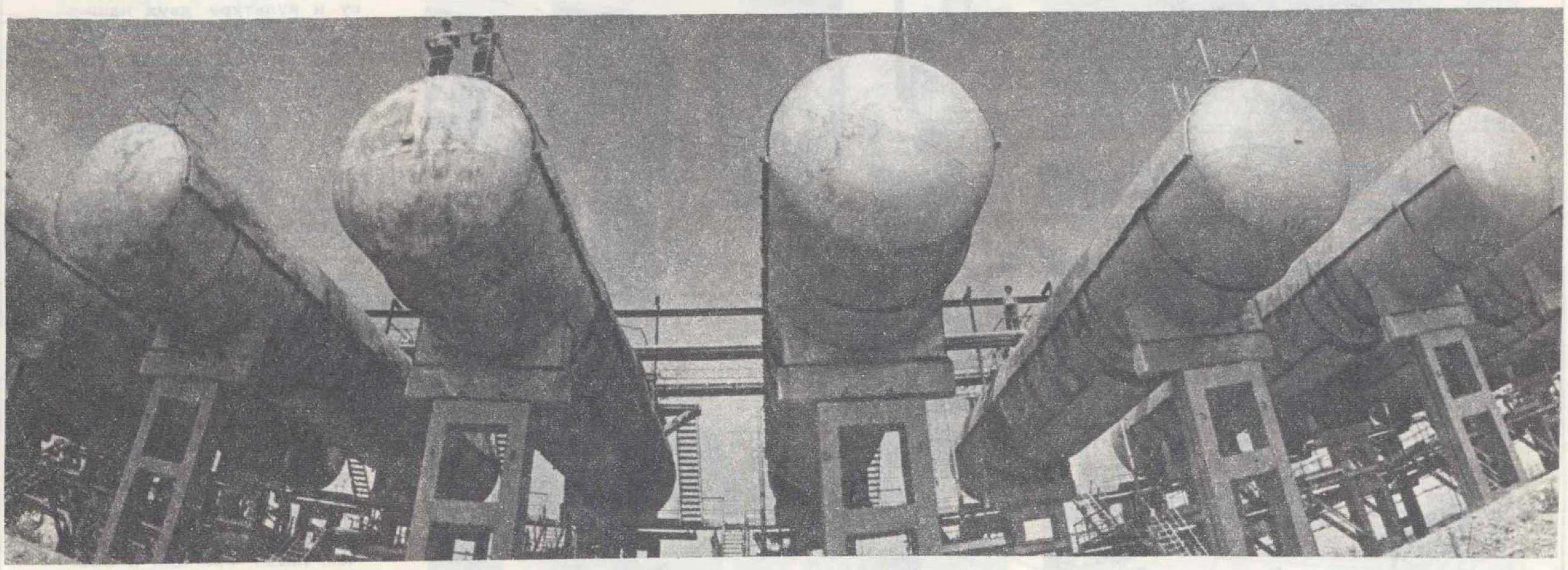
...Поздней октябрьской порой покинул поэт Царское Село. Собирался вернуться сюда еще раз, но жизнь распорядилась иначе. Случалось заглядывать лишь наездами, и этот помнивший его дом остался для нас единственным свидетелем счастливого лета 1831 года.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька».
Фото Ю. Щенникова

Ленинград.

ДЕСАНТ НА БУЗАЧИ

Хранилища для попутного газа.

...Ускорить освоение нефтяных месторождений на полуострове Бузачи.

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

Ю. ЛУШИН
Фото автора

Им казалось, что они шли по батуту, лишь присыпанному сверху соленым песком. Неверная земля качалась и вздрагивала под ногами, словно предупреждая: не ходи дальше, не стоит.

— Вот тебе и Бузачи, не думал, что в пустыне могут быть болота,— удивлялся помощник бурильщика Шамат Хасуев.

— Как бурить будем?— отозвался бурильщик Владимир Пудовкин.— Тут и ходить-то страшно...

— Ничего, парни, одолеем и Каламкас,— нарочито бодро сказал многоопытный буровой мастер Рафик Зиганшин, хотя в тот момент, если сознаться честно, он сам не знал, как тут будут работать...

Они шли по дну бывшего моря, ставшего засоленным болотом — «сором» по-местному. Они знали, что под сором Каламкас природа спрятала запасы нефти, которую им во что бы то ни стало нужно извлечь. Но каким образом? Мангышлак продолжал задавать людям свои загадки. Тяжелые буровые станки, тракторы и машины тонули в соленой трясине. Каждая пробуренная скважина давалась неимоверным трудом, а пробурить их нужно было многие тысячи. Нефть, великолепная мангышлакская нефть, оказалась на Каламкасе со своим секретом — на счастье, малопарафинистой, но, на беду, с высоким содержанием асфальтосмолистых веществ, которые часто закупоривали трубы. При этом традиционный подогрев труб мало что давал. Проблемы, проблемы... Для их решения при обкоме партии был создан специальный «штаб по Бузачам». Он координировал действия многочисленных строительных подразделений, буровиков, ученых, геологов. Возник на полуострове новый район — Мунайлинский. Пролегли через пустыню от Шевченко удобные пути, нефтепровод, ЛЭП. Выросли вахтовые поселки с отоплением, освещением, кондиционерами. Пустыня обживалась стремительно и, чувствовалось, прочно.

Все это было похоже на сотворение мира, до которого здесь лишь синий Каспий спорил за первенство с пустыней. Желтый цвет песков упорно, столетие за столетием, постепенно теснил синий. Море уходило, обнажая дно, которое превращалось сначала в болото, а потом в продолжение пустыни. И только птицы помнили о бывшем море и, совершая свои перелеты, кричали тревожно: «Где вода? Где вода?» Иногда на помощь Каспию приходил бешеный ветер с севера, и в природе начинался хаос. Море темнело, огромные водяные валы катились без устали на пологий берег, и в скором времени часть пустыни вновь становилась дном морским. Такой вот сюрприз преподнесла природа прошлой осенью буровикам Каламкаса.

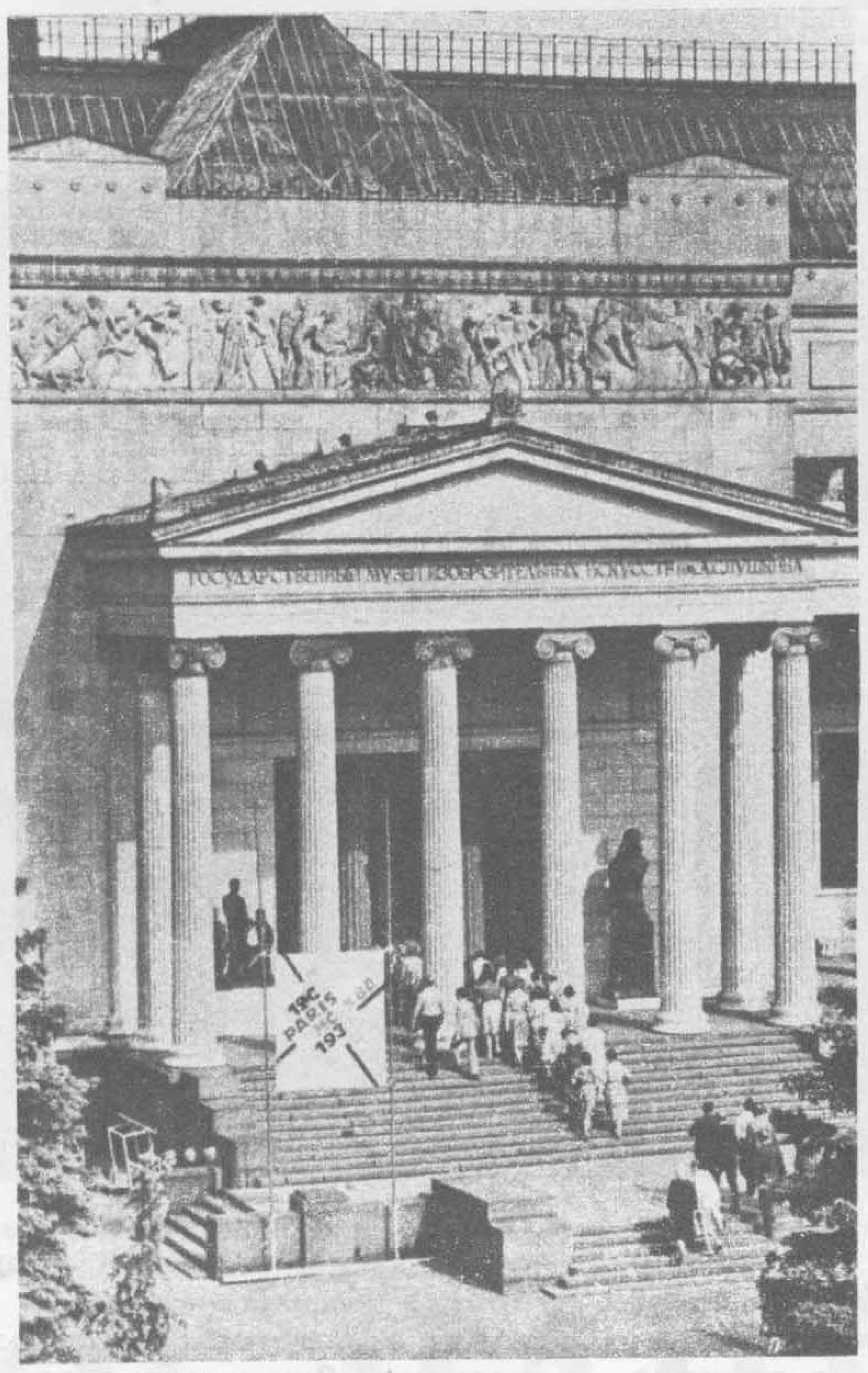
Оспан Енсегенов, мастер по добыче нефти.

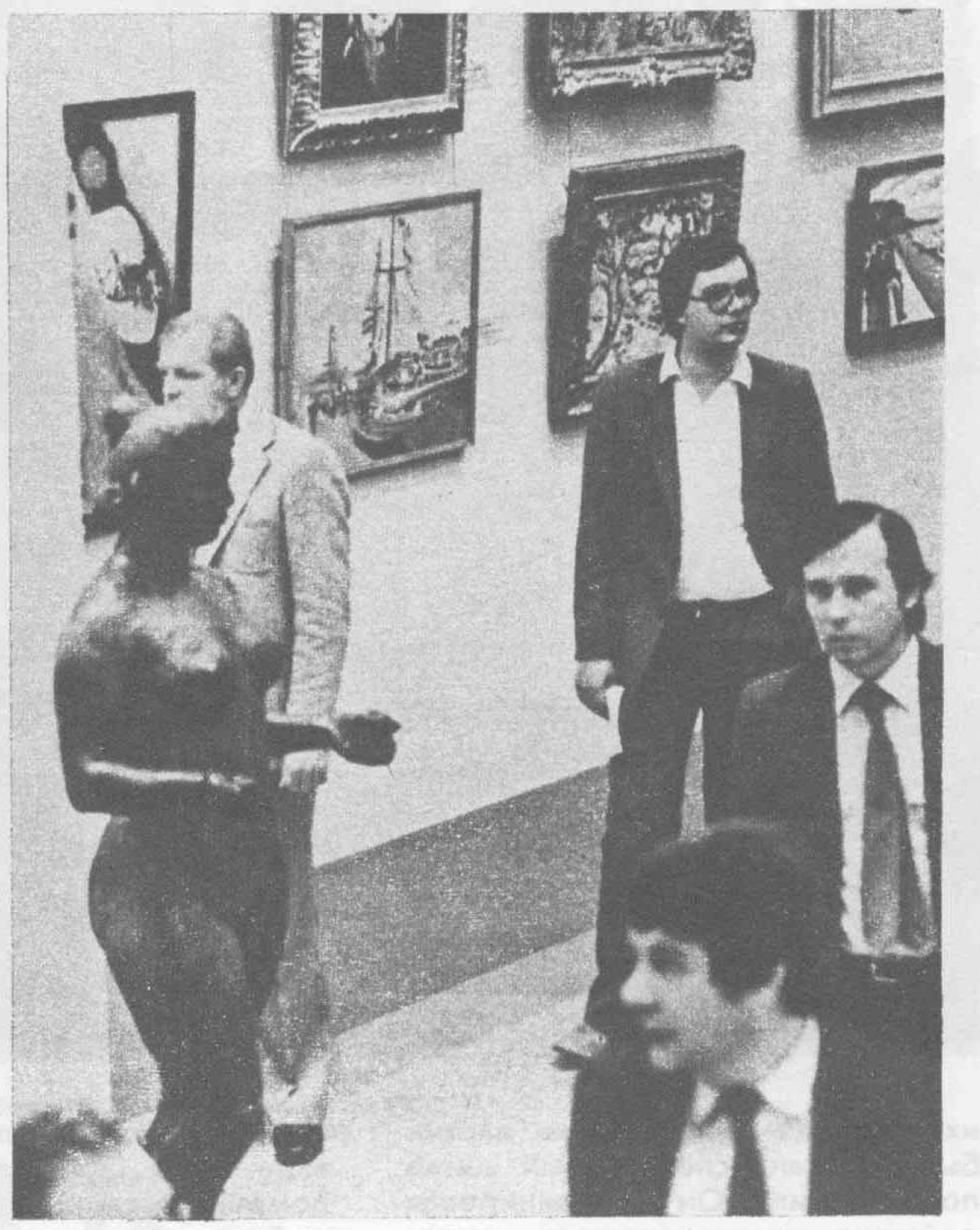
Однажды ночью сорвался ураган и погнал воды Каспия на промыслы, на поселок, зловеще засвистел в проводах ЛЭП, в оснастке буровых. В короткое время вода прорвала в двух местах дорогу и подступала к ближним от моря буровым. Положение становилось угрожающим. Штаб принимал чрезвычайные меры, бросив все силы на сооружение защитной дамбы. Уже мчались на подмогу караваны машин из Шевченко, Узеня, Жетыбая и других городов Казахстана. Дни и ночи гудели экскаваторы, бульдозеры, скреперы. Дни и ночи сражались люди со стихией и победили, отгородив тридцатикилометровой дамбой промыслы от моря. В противном случае освоение Бузачей отодвинулось бы года на два...

Я стоял у окна вагона и смотрел на знаменитую дамбу. За ней тихий и спокойный, ягненком притворился, дремал Каспий. В воздухе пахло йодом и нефтью. Пол чуть подрагивал, и это значило, что бригада Рафика Зиганшина продолжала бурение. Здесь мне обещали показать свеженький фонтан нефти. Впрочем, в двух соседних бригадах сулили то же самое, потому что и там и тут бур был близок к проектной отметке... В окружающем пейзаже было что-то железнодорожное. Все буровые стояли на насыпях, расположенных параллельно линии берега. По насыпям уложены шпалы и рельсы, и каждая буровая с прицепленными к ней железнодорожными вагонами — столовой, красным уголком, помещениями для отдыха — напоминала какой-то странный поезд, готовый тронуться в путь. Парадокс, впрочем, заключался в том, что, когда такой поезд передвигался, он стоял (не бурил), а когда стоял, то двигался — в глубь земли. Шагнуть от насыпи в сторону было невозможно, там блестела пленка воды, маскировавшая трясину.

— Таких поездов и в Тюмени не увидишь,— сказал начальник управления «Комсомольскнефть» Владимир Иванович Кондаков,— с их помощью мы покоряем Каламкас. Возможно, в будущем, когда эти места будут осушены, рельсы не понадобятся, а пока без них передвигать вышки невозможно. Если же говорить о перспективе, то главную дамбу необходимо продолжить дальше и полностью отделить от Каспия залив Комсомолец. По всем данным, нефтяные пласты структур Мертвый Култук и Николаевская, нефтеносность которых уже доказана, уходят под

МОСКВА–ПАРИЖ

В день открытия выставки.

Фото Р. Денисова (ТАСС)

В Москве, в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, открыта советско-французская выставка «Москва — Париж. 1900—1930», посвященная искусству и культуре двух наших народов в первой трети двадцатого века.

Здесь представлены произведения Репина, Сурикова, Серова, Врубеля, Борисова-Мусатова, Сомова, Сарьяна, Татлина, а рядом, параллельно — полотна К. Моне, Ренуара, Матисса, Сезанна, Боннара, Пикассо, Брака... Материалы, посвященные «Русским сезонам в Париже», и проекты Ле Корбюзье, Люрса, участвовавшие в конкурсе наших архитекторов, сочинения русских, советских, французских писателей, поэтов, композиторов, изданные в те годы в двух странах.

Экспонаты создают широкую, впечатляющую картину напряженной духовной жизни России и Франции, представляют искания и достижения мастеров живописи, скульптуры, литературы, театра, музыки, дизайна.

На вернисаже присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, посол Франции в СССР Анри Фроман-Мерис, полномочный министр, генеральный директор культурных связей министерства внешних связей Франции Жан-Бернард Раймон, другие официальные лица.

воду. Но бурить на мелководье, с одной стороны, невозможно, с другой — воды залива из-за обмеления настолько солоны, что заходящая в них рыба заболевает...

— И природе будет с дамбой хорошо и людям,— добавил первый секретарь Мунайлинского райкома партии Таргеу Айдарханов, в недавнем прошлом геолог,— и рыбу спасем и дорогу к нефти откроем. Важно лишь, чтобы дело не затягивалось. А то, например, Миннефтепром и Мингеология никак не решат между собой, кто должен вести работы, кто и сколько средств вкладывать. Отстаиваются ведомственные интересы, между тем как интерес должен быть один — государственный...

— Раз уж мы проблемы тронули, то меня волнует в первую очередь вот что,— сказал Кондаков.— Темпы освоения Бузачей стремительны, и я боюсь, что трест «Мангышлакнефтегазстрой» со всевозрастающим объемом работ не справится. Находится он в Узене, строит еще на Жетыбае, и даже на Эмбе есть у него дела. А тут еще Бузачи. До нас ли ему? В этом году, например, на обустройство промыслов необходимо затратить 18 миллионов рублей, а строители берутся освоить лишь 3,5 миллиона. Чем же я должен жертвовать? Более полутора тысяч бузачинцев сейчас стоят в очереди на квартиру. Это кадры, без которых всякое дело мертво. Для поддержания пластового давления необходимо пробурить несколько водяных скважин. Это основа основ. Без этого промыслы начнет лихорадить, упадет добыча нефти, как это было вначале на первых промыслах Мангышлака. Нужно бурить и обустраивать сотни нефтяных скважин. Это перспектива... Мы осваиваем Бузачи вахтовым методом. Возим людей из Азербайджана, Краснодара, Гурьева и других мест. Они работают по пятнадцать дней, затем — смена. Значит, и для них мы должны создавать вахтовые поселки со всеми удобствами... Как все это успеть? Выход единственный — создать еще один строительный трест, и чем быстрее, тем лучше...

Приезжали к нам ответственные работники министерств и как будто бы прониклись нашими тревогами, бумаги хорошие подписывали, но, уехав, наверное, о нас забыли... Понятно, что главные интересы Миннефтегазстроя направлены на Сибирь, и никто не отрицает ее первостепенного значения, но вряд ли правильно забывать и другие перспективные районы...

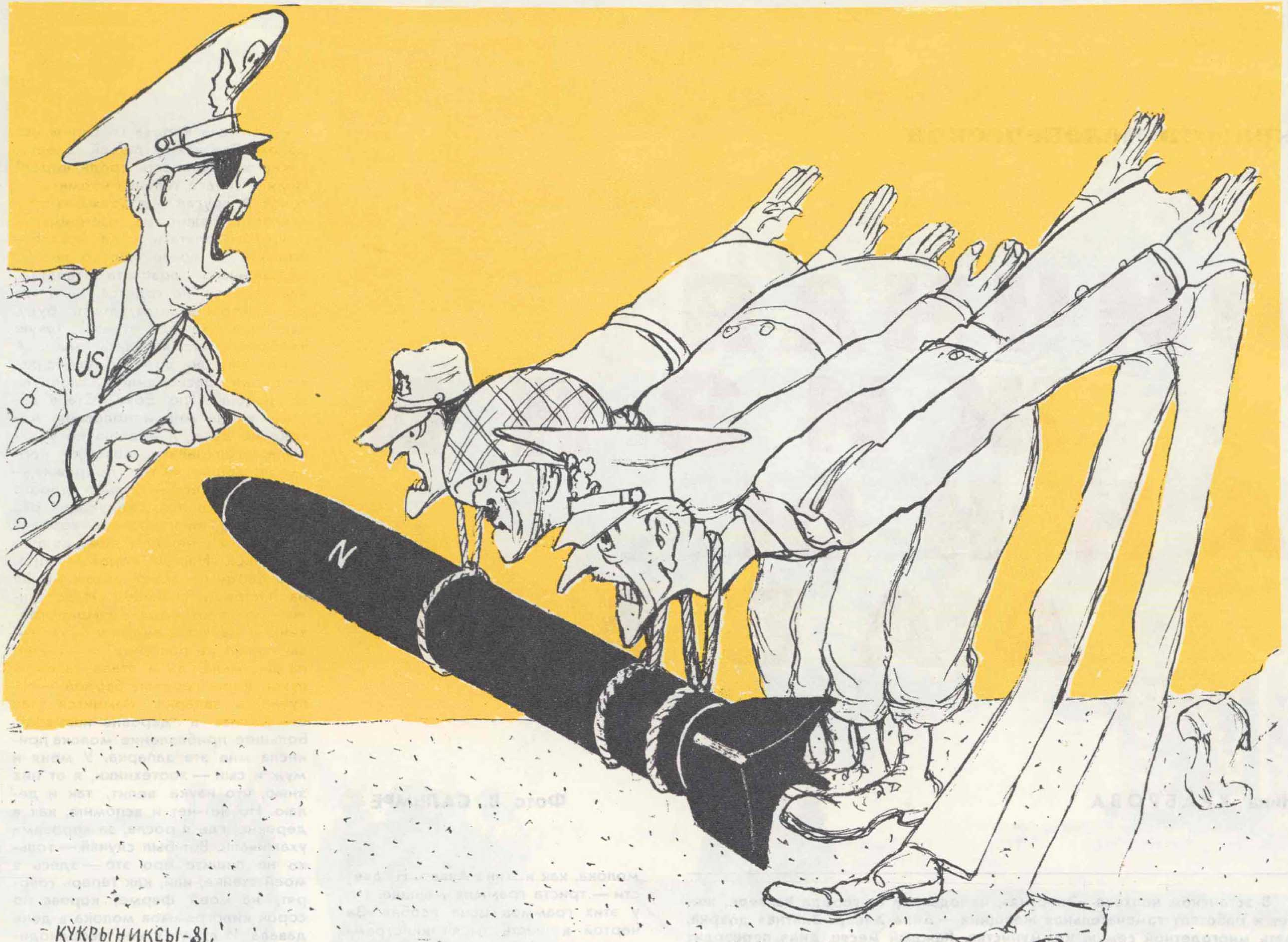
Да, бузачинская нефть ставит немало проблем, и решать их надо немедленно. Посмотрите, какие темпы. В августе 1979-го бригадир нефтедобытчиков Кушербай Алибаев открыл задвижку знаменитой теперь скважины № 66, и первые тонны горючего хлынули в трубопровод.

А в ближайшем будущем на Бузачах будет добываться основная часть всей нефти Мангышлака. Может быть, по сравнению с тюменскими масштабами это скромно, но надо знать, что здешняя нефть уникальна по своему составу. Ученые обнаружили, что бузачинская нефть металлоносна. В ней содержится большое количество ванадия (металла, без которого немыслимо производство легированных сталей), который по своим качествам может конкурировать со многими видами руд. Эти обстоятельства требуют скорейшего решения одной из кардинальных проблем всех времен в нефтедобыче—наиболее полного извлечения горючего из недр земли. Здешние нефти залегают неглубоко — от 300 до 900 метров. Рукой подать, как говорится. Но они высоковязки, поэтому пока поддается извлечению лишь небольшой процент нефти. Обидно, но большую часть своих богатств природа не отдает. Однако есть надежда, что эта проблема все-таки решится...

Вахтовый вертолет летел на Каражанбас — одно из месторождений полуострова Бузачи. Час за часом проплывали внизу засоленные пески — ни травинки, ни кустика, ни следа жизни. Картина, способная привести в уныние самого стойкого оптимиста. Вспоминалось, как переводится на русский Каражанбас: «ничто живое не ступит». Вообще-то близко к истине... Долгие годы не давалась геологам бузачинская нефть, ускользала, как сказочная жар-птица. Бурение тут велось еще в 50-е годы, но сотни пробуренных скважин результата не давали. В конце 1960 года одну из первых глубоких скважин на Мангышлаке заложили на соре Каражанбас. Когда долото достигло 385-метровой глубины, скважина стала неудержимо фонтанировать водой. Площадку залило, станок пришлось демонтировать, а фонтан задавили. На вырвавшейся из недр воде, покрытой пленкой нефти, выделялись пузырьки газа — были все признаки продуктивных пластов. Однако район объявили малоперспективным и разведку решили прекратить. Только благодаря настойчивости и энергии бывшего начальника комплексной экспедиции «Мангышлакнефтегазразведка», ныне заместителя министра геологии Казахской ССР Х. Узбекгалиева, главного геолога экспедиции, лауреата Ленинской премии В. Токарева, других энтузиастов поисковики вернулись на Бузачи. И вскоре рев фонтанов перекрыл голоса тех, кто предрекал закат нефтяного Мангышлака...

Вертолет мягко приземлился у аккуратного вахтового поселка, и я вновь удивился, как быстро обживается эта суровая земля. Тут, на Каражанбасе, начинался большой научно-практический эксперимент, который в случае успеха позволит извлекать уже гораздо больший процент нефти.

Я снова полетел на Каламкас. Как раз вовремя. У ближней буровой я увидел, как нефть — эта черная кровь земли — тугой струей хлестала из глубины. Добытчики слово сдержали — вот он, обещанный свеженький фонтан. Вокруг новорожденного бригада Жениса Капишева исполняла почти языческий танец победы. Люди что-то кричали, но рев «младенца» перекрывал все звуки. Потом задвижку закрыли, и привычные звуки постепенно заполнили окружающий мир. Грохотал дизель на буровой Зиганшина, готовился отправиться в дальнейший путь «поезд» Капишева. Все так же синело море, но запахи йода перекрывал теперь запах нефти...

Запуганным союзникам по НАТО «Подвесочка» весьма тяжеловата.

Дм. Демин

Рис. КУКРЫНИКСЫ

8 ИЮНЯ ЗАВЕРШИЛИСЬ ДНИ ЧЕРНОГОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (СФРЮ) В РСФСР

ВСТРЕЧА С ЧЕРНОГОРИЕЙ

На выставке «Черногория — страна и люди» в Центральном концертном зале.
Фото Г. Копосова

«Черногория — это и морская пена, и снежная пыль, и нагромождение отвесных каменистых скал, и бурные потоки, и грохот битв... Это — земля надежд и отчаяния, яви и сновидений. Она изрешечена пулями и громами»,— писал о своей родине известный югославский революционер и публицист Велько Влахович. Тысячелетия пронеслись над этой землей, оставив на ней следы многих эпох и цивилизаций. Чудесный край между горными кряжами Балкан и солнечным Ядраном издавна подвергался нападениям врагов. Каждые пять лет, подсчитали историки, тут шла война. Сменялись завоеватели, гибли в огне города, но креп и закалялся свободолюбивый дух мужественного и гордого народа. Мир и расцвет пришли, когда увенчались победой народно-освободительная война 1941—1945 годов и социалистическая революция.

О далеком прошлом, о сегодняшнем дне социалистической Черногории, одной из шести республик Югославии, рассказали выставка в Государственном историческом музее «Искусство Черногории с древнейших времен до наших дней» и фотоэкспозиция «Черногория — страна и люди» в Центральном концертном зале.

...Желтовато мерцает в музейной витрине пластина из оленьего рога — наконечник гарпуна. Изделию неведомого мастера с берегов Адриатики десять тысяч лет. Вот первая у южных славян печатная книга, выпущенная в городе Цетинье в 1493 году. Кстати, первая «История Черногории» была напечатана в XVIII веке в Москве. А вот фотография — память о недавнем героическом прошлом наших народов: черногорские партизаны на территории, освобожденной от фашистов, празднуют годовщину Октября. Поразительны успехи, которых добилась самая маленькая из республик Югославии за послевоенные годы. Там, где прежде практически не было промышленности, построены крупные объекты черной и цветной металлургии и мощные ГЭС. На снимках — широкие магистрали, рассекающие неприступные горы, бескрайние плантации винограда и знаменитого черногорского табака, университетский центр в Титограде, столице республики, Академия наук и искусств.

На сценах Москвы и Ростова в эти дни ожили краски и ритмы страны гор. Здесь выступали оркестр радио и телевидения Титограда и фольклорный ансамбль имени Мирко Срзентича, женский вокальный квартет «Веселице» и народный гусляр Бранко Перович, певица Гертруда Мунитич, дирижер Даринка Матич-Марович и другие ведущие коллективы и исполнители, прославленные далеко за пределами края.

— Дни черногорской культуры в РСФСР стали самой представительной демонстрацией народных талантов, которую когда-либо Социалистическая Республика Черногория проводила за рубежом,— сказал редактор республиканского центра по культуре, главный организатор программы Бранко Ковачевич. — Благодарим за теплоту, с какой принимали наших артистов и в лучших концертных залах, и на предприятиях Москвы и Ростовской области. Состоялся также деловой разговор с советскими коллегами о планах дальнейшего сотрудничества. Культурные связи Черногории и России уходят в глубь веков. Сегодня их нерушимая основа — наша дружба, рожденная в героической борьбе против фашистских поработителей.

Мы беседовали на вокзале перед отъездом гостей из Москвы. В их руках алели гвоздики, гремел оркестр. Все предвещало новую близкую встречу: осенью в Черногории пройдет ответный смотр достижений культуры РСФСР.

Б. ЛАБУТИН

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ АННЫ ААВЕР

Нина ХРАБРОВА

Фото В. САЛЬМРЕ

В эстонском колхозе «Энергия», неподалеку от города Раквере, живет и работает замечательная женщина — Анна Аавер. Знатная доярка, мать многодетной семьи, коммунистка. Каждый месяц Анна переводит причитающуюся ей пенсию в Фонд мира.

Семейный портрет.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОРОВЫ

— Есть, конечно, немало хороших доярок и в колхозе и в районе,— сказал Хейно Кукк, главный зоотехник колхоза «Энергия».— Некоторые получают от одной коровы в среднем почти столько же молока, как и Анна Аавер. На двести — триста граммов меньше. Но у этих граммов цена особая. За чертой в шесть тысяч килограммов в год каждая прибавка достается трудно — практикой проверенный факт. Почему же Анне это удается? У нее к коровам особое отношение. Говоря строго деловым языком, просто очень хороший уход. Но в применении к Анне деловой язык не всегда точен. Тут приходится говорить и о человечном характере и о знании психологии животных. Может, вам странным покажется, но оно так: это, оказывается, очень важно для производства молока.

А вот что говорит сама Анна Кондратьевна:

— Каждая корова со своим норовом. Все как у людей. Знаете, какие эгоистки есть среди коров? Иная и своего теленка кормить не хочет. А другая — добрая без рассудка: выбежит на пастбище и прямо к телятам, рада всех покормить. А чужое молоко до определенного возраста телятам, как и детям, не годится, да и что же я, спрашивается, доить буду, если она уже все отдала? Такую «доброту» ограничивать надо. А обидчивые они до чего! Как-то раз я на одну рассердилась, хлопнула ее ладонью по боку. Стала доить — а она мне и половины молока не дала. Я неделю ее ублажала, уговаривала, пока до нормы не дошло. «Стоп, подружка,— говорю я себе,— больно дорого хлопо́к обошелся, следующий раз охолони!» Понаблюдаешь коров — выходит, и у них есть чему доярке поучиться. Нашим коровам горячую барду привозят, летом мы ее на пастбище спаиваем. И вот вижу — срывает одна большие травины и макает в ведро с бардой — вы прямо не поверите! Я подумала-подумала, да и стала заливать сухой корм горячей бардой — получилась запарка, помнится, так ее у нас в деревне называли. Большое прибавление молока принесла мне эта запарка. У меня и муж и сын — зоотехники, я от них знаю, что наука велит, так и делаю. Но нет-нет и вспомню, как в деревне, где я росла, за коровами ухаживали. Вот был случай — только не пишите про это — здесь в моей стайке, или, как теперь говорят, на моей ферме, корова по сорок килограммов молока в день давала. И вдруг у нее непроходимость кишечника, температура, молока нет, лекарства не помогают. Руководство решило отправить ее на мясокомбинат... Жалко мне Понну, не сплю, кручусь. Говорю мужу: знаешь, а у нас в деревне был один случай... Он выслушал, а наутро говорит: «Большая ты у меня чудачка, но раз у вас в деревне было, пойдем в магазин». Пошли, купили бутылку водки и влили Понне в рот. Опьянела она, распрыгалась, будто расплясалась, ну и наладился у нее кишечник. Еще восемь лет потом жила, а молока по тридцать килограммов в день давала.

Анна Кондратьевна рассказывает весело, мы смеемся, и я еще не вижу грани между байкой и делом, просто мне очень нравятся эти обидчивые, эгоистичные, добрые, макающие травину в барду, пляшущие коровы.

— Можно, я все же напишу про Понну?

— А и пишите. Учебник — хорошо, но подчас и житейский опыт сгодится. Вот как-то у нас в деревне...

У НЕЕ В ДЕРЕВНЕ

Мир — такой ясный, зеленый, привычный — в считанные дни рухнул на глазах у Ани Брильковой. Земля, надежнейшая из надежных, вдруг в языках огня, в дыму вскинулась вверх. Неожиданно немцы подошли к Батуни, установили на горке орудия, и пламя, гром, железо обрушились на отступавшие части Красной Армии. В дыму и грохоте падали и больше не поднимались с земли солдаты, а уцелевшие скрывались в ближнем лесу. Как сухая береста, ясным

Н. Касумов. Род. 1928. СМЕНА. (Из серии «Нефтяные Камни»). 1979—1980.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

Д. Умарбеков. Род. 1946. ПОРТРЕТ УДАРНИКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА СТЕКЛОДУВА МАНСУРА УМАРБЕКОВА. 1980.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

летним огнем вспыхнула древняя деревянная белорусская деревня Батунь, и долго курился дым вокруг печных труб. Сгорела и школа, в которой всего месяц назад окончила Аня шестой класс. Рассказывали — бомбами и снарядами разбит Могилев. И шепотом пронеслось над Белоруссией слово «партизаны». Дети спрашивали у взрослых: кто они, партизаны? Взрослые прикрывали ребятишкам ладонями рты: молчи, молчи, это наши освободители, это оставшиеся в живых солдаты, это советские люди из Могилева, из Батуни, только молчи. Соседи Брильковых, Анастасия и Григорий Ковалевы, носили партизанам в лес еду — их старший сын туда ушел. Анастасию и Григория немцы расстреляли при народе, а их младших детей сажали на лопату, подносили к костру, допрашивали — где брат, где, где, если не скажешь, брошу в костер... И женщины — гордые советские женщины, позавчера овладевшие грамотой, вчера ставшие стахановками и строительницами новой жизни, униженно падали на колени перед фашистами и молили: паночки, не губите детей...

— Раны телесные заживают быстрее, чем душевные,— говорит Анна Кондратьевна.— Столько было горя на войне! А самым страшным воспоминанием осталось то унижение матерей...

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Послевоенные годы летели стрелой. Комсомол направлял Анну в МТС, на восстановление мостов и кирпичного завода, потом она была воспитательницей в детском саду. Тут и случились в ее жизни два события кряду: вышла замуж, и сразу, словно в свадебное путешествие, уехали молодые, да так далеко — по комсомольским путевкам на строительство Братской ГЭС. Одними из первых там были; тайга, палатки, потом барак. Муж лес валил электропилой, Анна в бригаде девушек работала. Родился сын Михаил. Но вскоре пришла беда — умер муж, внезапно, от сердечной болезни, осталась Анна молодой вдовой с сыном на руках. На какое-то время все будто захододело в ней, жила и работала по инерции, механически. Потом появился на участке парень из Эстонии — Михкель Аавер, девчонки на него заглядывались, а он — на Анну.

Анна Кондратьевна:

— Девчонки говорили — не ходи за него, не станет он с тобой жить, уедет — настрадаешься. А я-то знала, что Михкель — надежный, верила ему и не ошиблась. Вскоре Виктор у нас родился, а два года спустя — Юрий. И тут Михкель решил — надо всех троих детей отвезти к матери в Эстонию. Поехали, но только всю дорогу мне не верилось, что возьмет его мать троих детей, один из которых для нее вовсе чужой... Хороший человек моя свекровь, Паулине Аавер, полюбились мы друг другу с первой встречи. Оставили у нее детей, поехали в тайгу, поработали там, и уж насовсем вернулись в Эстонию, к детям. Вступили в колхоз. И стала постепенно Эстония моей второй родиной... Меня часто спрашивают: как ты там без языка, среди чужих людей? Не то чтобы обидный вопрос — неправильный он. Язык я как-никак знаю, и знала бы еще лучше, если бы Михкель говорил со мной по-эстонски, но он не привык, ему со мной по-русски удобней. Дети сразу стали говорить на двух языках... Значит, купили мы себе дом, оба на пастбище стали работать. Я все боялась — вдруг коровы разбредутся, да, по правде, говоря, и коров побаивалась: очень крупные и глядят искоса. Залезу, бывало, на елку, с нее и слежу за стадом. Чуть что, Рекси на помощь зову — собака у меня была, замечательная умница. Скажу ей: Рекси, кою, это значит — Рекси, домой, а она в зависимости от времени дня то ко мне поближе стадо пригоняет, то — уж вечером — домой его заворачивает. Так мы с Рекси и управлялись, и за нами только один недостаток числился: долго я на пастбище задерживалась, а это потому, что хотелось мне коров посытней накормить. Потом перевели меня на откорм бычков — они хорошо едят, знай корми, не уставай. Бывало, за сутки по килограмму, даже больше прибавляли.

Анна Аавер.

И вот решила Анна Кондратьевна стать дояркой — было это двенадцать лет назад. Взяла в свою группу тридцать коров с хорошим по тому времени удоем — чуть не по четыре тысячи килограммов в год, и опять пережила волну страха — как бы эти удои не снизить. От боязни ли, от трудолюбия или таланта — от всего вместе, пожалуй, стала ухаживать за коровами не покладая рук. И довела удои до шести тысяч килограммов в год. В этом же коровнике стояла еще группа, в тридцать голов, и вторая доярка тоже хорошо шла, пока не достигла пяти тысяч килограммов в год. Дальше — никаких сдвигов.

— Но ведь и это сверхрекордный удой! — говорю я Хейно Кукку.

— Конечно, отличный,— соглашается он,— но не предел возможностей. Вот у Анны в группе была корова Мару, она по пятьдесят шесть килограммов в день давала, значит в год — одиннадцать тысяч. Зачем же останавливаться на достигнутом, если есть возможность идти дальше? Но поскольку это удалось пока только Анне, руководство колхоза и предложило ей взять всех коров. У нее глаза стали совсем круглые, побледнела, даже руки задрожали. «Ладно,— говорит,— давайте». Поверьте: эта трусиха — смелая женщина. Взяла она еще тридцать коров и у каждой тоже подняла удой до шести тысяч.

Анна Кондратьевна:

— Шутка ли, этакое стадо! Войду в стайку утром, а у самой душа в пятках, все приглядываюсь — не заболел ли кто? И вот вижу — у некоторых коров вроде бы аппетит плохой. А другие, сколько ни дай, все жуют да жуют. Только молоко у тех и других одинаковое. Может быть, просто одним надо меньше, другим больше? — думаю. И пошла на риск — стала подбирать корма у тех, которые оставляли, и отдавала любительницам покушать. Ну, а те в благодарность еще молочка подбросили. В 1978 году — по кормам очень хороший год был — удой в моей группе аж до шести тысяч семисот килограммов поднялся. ВДНХ мне автомобиль подарила, нынче на курсы водителей хожу, решила сама за руль сесть, чтобы от мужа да сыновей не зависеть.

«СТОП, ПОДРУЖКА!»

Три года назад Анна Кондратьевна решила вступить в партию. Муж было засомневался: «Возраст у тебя не тот, пенсию уже получаешь, семья большая, и коров на твоем попечении вон сколько, какой же из тебя общественный работник? Поздно уж». А дети хором: «Вступай, мама, ты еще молодая».

Она ко всем советам внимательно прислушивается, но в конце концов делает по-своему. Вступила в партию, и не получилось у нее разделения на личные и общественные дела — все стало личной жизнью.

Анна Кондратьевна:

— Живу теперь, словно упущенное наверстываю,— с волнением и радостью. И вы подумайте-ка, какую мне честь оказала Раквераская районная партийная конференция — выбрали делегатом на XXVI съезд. Вот и ответ на вопрос — как мне живется среди «чужих» людей. Я на конференции говорю: спасибо, что мне, вроде бы пришлой, оказали такое доверие. А они: какая же ты пришлая, ты — своя. Я им своя, и они мне свои: трудолюбивые сельские люди...

Пенсию я как многодетная мать в пятьдесят лет стала получать. Сто двадцать рублей. И тут мне сделалось не по себе. На работе-то я осталась — не уходить же в пятьдесят лет, когда и опыт есть, и сил пока хватает. Стало быть, и зарплата и пенсия мне идет. У доярок оплата по молоку: чем молока больше, тем оплата выше. Я в месяц зарабатываю триста — четыреста — это уж как правило. Стоп, подружка! — говорю себе.— Тут что-то надо менять. Я это часто себе говорю, если чувствую — не так делаю.

Тут дело такое... Не уходит у меня из памяти война и не уйдет. Нас у мамы было тогда тоже — пятеро — как у меня теперь. Голодно, конечно, жили. И вот, после освобождения уж, принесли нам однажды посылку от американского Красного Креста: сосиски, печенье, а мы об них уже и думать забыли. Раздала мама нам эти лакомства, сама села в сторонке, к еде не прикасается. Мы ей: мама, ну что же ты? А она: не хочу, я, может быть, потом, я сейчас и на вас глядя, сыта... Нынче мои дети такого даже понять не могут, в довольстве росли. Но не избаловались и работать научились. Старший, Миша, сейчас не с нами, влюбился в симпатичную эстонскую девушку из Пярну, женился, там и живут. Приезжает к нам часто — и на праздники, и просто так. Остальные четверо все тут, при нас.

Однажды Витя с Юрой меня в санаторий отправили: взяли на себя дойку и, пока я там лечилась, отлично работали — надои не снизили и ни одну корову не обидели. И заработали много, мопеды себе купили. Мне это в них нравится. Виктор после школы решил в колхозе остаться, в животноводстве работать, хотя мы с мужем уговаривали его дальше учиться. «Хорошо,— говорю ему,— будешь скотником у меня в стайке, но работать только на «отлично», иначе не погляжу, что сын,— отстраню». Он это понимает: дело ведь не во мне и не в нем. Стаду нашему цены нет — в нем и дело. Больше года хорошо Витя работал, вот и послал его колхоз на курсы зоотехников. Я довольна. А Юра электричеством увлекается, электриком в колхозе работает и последний курс техникума заочно оканчивает. Хилья нынче одиннадцатый класс без троек проходит, Андрес в седьмом учится. Дети на ноги поставлены и нами, родителями, не обижены. Потому вот тут и надумала я: пошла в отдел соцобеспечения, попросила отчислять мою пенсию в Фонд мира. Может, дойдет собранная на мои деньги посылка до вьетнамских, ливанских или других пострадавших от войны детей, и они порадуются ей, как когда-то в войну я порадовалась посылке издалека... Собес пенсию мою отправил, но как-то не так, деньги вернулись обратно, и тогда я сама взялась за дело — добыла бланки, и ежемесячно через банк отсылаю перевод в Фонд мира. Многое обо мне тогда люди говорили, больше, конечно, хорошее. Но не только. Одна женщина сказала: «Тебя заставили». Это было самое обидное — меня, сами понимаете, никто не заставлял, и я ответила ей: «Да, совесть моя меня заставила». Другая сказала: «Лучше б сыну отдала...» А сыновья у меня, говорю, мужчины. Третья: «Лучше мне бы отдала». А с такими и разговаривать не о чем. Я ведь, когда надумала это с пенсией, и о себе помнила: у меня на сердце легче стало оттого, что хоть чем-то могу помочь детям в воюющих странах...

В тот день в Северную Эстонию прилетели грачи, зашагали по черным, скинувшим снег полям колхоза «Энергия» желтоклювые птицы, вестники весны. В такие дни на пригретых солнцем лесных опушках появляются первые перелески. Птицы, цветы, бледно-золотой солнечный свет какими-то неисповедимыми путями объединились в моем сознании с неординарным обликом Анны Кондратьевны, и чувство мира, столь обостренное ныне, стало надежней. И захотелось сказать спасибо каждому, кто защищает мир, как может.

«СЕМЕЙНЫЙ» ПРОСПЕКТ

Ю. ХРИСТИНИН

На главном проспекте Ставрополя показался забрызганный грязью грузовик. Инспектор дорожно-патрульной службы младший сержант милиции Светлана Владимировна Дмитриева выбросила вперед руку с полосатым жезлом. Машина, сердито скрипнув тормозами, остановилась, из кабины выглянул взлохмаченный водитель.

— Вы нарушили правила дорожного движения. Прошу предъявить водительские документы.

Брови шофера удивленно поползли вверх.

— Да что же это такое! Безобразие! Я вам только что пояснил: случайно заехал, не увидел знака, нездешний я.

— Что-то не припоминаю ваших пояснений,— строго парировала Светлана,— а нарушение есть нарушение. Так что потрудитесь...

— Как не припоминаете! — водитель буквально подпрыгнул на сиденье.— Кто мне только что дырку в талоне пробил? Пять минут назад, у Комсомольской горки, вы меня останавливали! А вообще-то,— водитель, спохватившись, растерянно посмотрел на девушку,— как вы здесь оказались быстрее меня? Я же нигде не останавливался...

Светлана, поняв, в чем дело, не удержалась от улыбки:

— Продолжайте движение, товарищ водитель. За одно нарушение мы дважды не наказываем. Вас предупредил другой автоинспектор.

— Да не другой! — снова возмутился водитель.— Вы, лично вы, товарищ Дмитриева, меня останавливали. Я же...

— Это была моя сестра,— сказала Светлана.— Продолжайте, пожалуйста, движение.

Водитель покачал головой:

— Чудеса, да и только...

А чудес никаких не было. Действительно, на проспекте в тот день дежурили две Дмитриевых, два младших сержанта: Наташа и Светлана — сестры-близнецы.

— Что делать, такие казусы бывают! — смеется Наташа.— Как-то один таксист не выдержал, остановился. «Извините,— говорит,— товарищ младший сержант, но я уже три круга сделал по проспекту и ничего не понял. Как вы ухитряетесь с такой космической скоростью перемещаться из одного места в другое?» Мы не удивляемся, нас даже на работе сначала путали...

Шестой год они служат в ставропольской автоинспекции. А вообще-то о работе этой мечтали с детства.

— У нас мама, Раиса Гавриловна, четверть века водит грузовик, первый класс у нее, знаки «За работу без аварий» всех трех степеней. Вы знаете, она все это время — на одном автопредприятии и сменила только две машины. Мы гордимся своей мамой!

Понятно, у сестер с самого детства тяга к машинам. Сверстницы — к куклам, а Светлана с Наташей — к гаечным ключам. Еще в школе они решили: будем автоинспекторами. Но решить — это, как известно, одно, а реализовать мечту бывает гораздо сложнее. Когда десятилетка осталась за плечами, для поступления в милицию им не хватало возраста. Что делать?

— Мы пойдем в профтехучилище,— объявили они матери.— Освоим специальность настройщиков радиоаппаратуры. В будущей работе пригодится.

И пошли. И окончили училище не как-нибудь — с отличием.

В школе они были лучшими «юными инспекторами движения», даже получили в подарок от милиции по транзисторному приемнику. А в училище взяли шефство над соседней школой, и вскоре та стала лучшей в крае по организации работы юных друзей милиции...

Когда исполнились заветные двадцать лет, сестры подали заявление о приеме в милицию. И все бы хорошо, да нашлись скептики: что, дескать, вам в ГАИ делать? Шоферы — народ норовистый, разве будут они подчиняться девчонкам?

— Пять раз комиссию проходили. Раз откажут — мы второй раз подаем, потом — третий...

А после пятого решились на последнюю меру: записались на прием к начальнику краевого управления внутренних дел, генерал-майору милиции А. Т. Коновалову. Александр Тимофеевич выслушал их сбивчивый рассказ, понимающе кивнул головой. Потом поднял трубку телефона и кому-то строго сказал:

— На мой взгляд, решение вопроса затянуто совершенно неоправданно.

Сейчас сестры Дмитриевы (Наташа за это время сменила фамилию: теперь она — Войтович),— отличные инспектора, отмеченные неоднократно грамотами и премиями, сами водители второго класса. И — представьте! — подчиняются им шоферы.

Рабочие места сестер на главном проспекте города — имени Карла Маркса. Только у Наташи — в начале, а у Светланы в конце проспекта. Если исключить мелкие недоразумения с путаницей, о которых мы рассказали выше, то служба идет вполне нормально, без осложнений.

Светлана — заместитель секретаря комитета комсомола, награждена Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. А Наташа — редактор стенной газеты. И газета эта на краевом смотре стенной печати заняла первое по управлению место. Замечательные, словом, девчата! А проспект, на котором они несут службу, сослуживцы иногда даже называют в шутку «семейным».

...Бежит по городу наша машина. Красивый он, зеленый, уютный — орденоносный Ставрополь. И вместе с другими работниками милиции берегут его покой, заботятся о строгом порядке на его улицах две русоволосые сестры — Светлана и Наташа. Посмотрите — вон они, на своих местах...

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Во время вечерних и ночных наших бдений Миша Тверсков значительно подтянул меня по части арифметики. Меня уж не пугали задания, выражавшиеся в лаконичной формуле Ивана Павловича: «Кто решит — тот домой». Решал примеры самостоятельно — ну, не первым, скажем, но и не последним. Когда пришла, по выздоровлении, Катька Леснова, и Кот, не раздумывая, усадил меня рядом с нею, а Мишу Тверскова — с Марфой Ефремовой, я огорчился, конечно, но не очень. Потому, во-первых, что уже не нуждался в чужих подсказках, и, во-вторых, потому, что Миша Тверсков после этого не только не отдалился от меня, но еще больше приблизился: проводил со мною, почесть, все и послешкольные часы. Я чувствовал, что сильно привязался к нему. Будь он хоть на капельку поживее, позабавнее, поозорнее, наконец,— цены б ему не было!

Катька Леснова усвоила в отношении меня мало устраивающее снисходительно-насмешливое поведение. Зная, как опасно мне появляться на Хуторе, она часто подзадоривала, играя на моем самолюбии:

— А вот не проводишь меня на Леснову улицу! (улица называлась так, потому что ее открывал дом Ивана Леснова, Катькиного отца, едва ли не первым поселившегося на Хуторе)! Что, слабо?.. Трус, трус! — подпрыгивая и хлопая в ладоши, кричала она, обжигая озорным блеском своих узких зеленых глаз.

Однажды я согласился и проводил Катьку до ее дома, но на пути к своему был перехвачен Ванькой Жуковым и Васькой Мягковым, которые сейчас же принялись меня колотить. И, верно, отколотили бы почем зря, если б не Катька. Она выскочила из дому с палкой и принялась опускать ее на головы и спины моих обидчиков с такой яростной силой, что те, не разглядев как следует, кто их молотит, ударились в бега, а я еще прытче их подался в сторону Непочетовки, поближе к своему дому. Ежели, думал я, удирая, они погонятся за мною, то я кликну Леньку, и преследователи отстанут. Но они не погнались.

На следующий день в школе, во время большой переменки, Катька Леснова чуть ли не под присягой поклялась оборонять меня от Ваньки Жукова и его дружков (позже я узнал, что они действительно боялись ее). Я был тронут Катькиным благородством, но во все другие дни старался делать так, чтобы как можно реже пользоваться ее клятвенным обещанием: не к лицу мальчишке вставать под девчоночью защиту.

Ванька Жуков сидел за одной партой с Дуняшкой, Кольки Голякова сестрой, оставленной строгим Котом в этом классе на второй год,— сидел по левую руку от меня, и нас разделял только узкий проход, по которому обычно прогуливается учитель или учительница во время уроков. Это было так близко, что любой из нас мог бы дотронуться друг до друга. Но мы не дотрагивались, и только украдкой, не в силах совладать с собой, скашивали глаза то он в мою сторону, то я в его. Иногда натыкались глазами и мгновенно отводили их, сердито насупившись. Исподтишка показывали один другому кулак, маскируя то, что в действительности было на душе каждого из нас. А было там (только не хотелось открыто признаться в этом) жгучее, томящее желание вернуть себе друг дружку.

В школе хоть и воцарился порядок, но для нас, учеников, он вряд ли был радостным. Вроде серого облака опустилось что-то над всеми нами. Переменки — даже большая — сделались менее шумными, не

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—23.

ДРАЧУНЫ

вырастали, как прежде, там и сям веселые кучи малы, девчата не играли в свои «салочки», а ежели и начинали такую игру, то почему-то быстро прекращали ее и, поскучнев, уходили в класс до звонка, чего уж никогда раньше не было. И мальчишки не гонялись за ними, не дергали, выказывая знаки особого расположения, за платья и волосы. Ребята с улиц, тяготеющих к Непочетовке и Хутору, разделялись на отдельные группы, всем своим видом стараясь показать полное презрение друг к другу, и не затевали драк только потому, что боялись крутых мер со стороны Ивана Павловича и родителей (недавняя порка была еще свежа в памяти драчунов).

Общее оживление и веселье, на короткое время как бы примирявшее всех, наступало лишь тогда, когда в класс, не стучась, вваливался пьяненький дядя Ваня — бывший матрос российского торгового флота Иван Гаврилович Варламов. Не было, пожалуй, на нашей планете страны, в которой он бы не побывал, и не было такого «моря-окияна», на каком бы он не плавал. Голова дяди Вани была битком набита разными впечатлениями от этих путешествий, они давили тяжким грузом на саму голову и на просторную, в общем-то вместительную душу его. Стоило ли удивляться тому, что от времени до времени дядя Ваня испытывал потребность переложить часть этого груза в наши далеко не заполненные черепные коробки.

Хоть и пребывал во хмелю, но приноравливал свое появление в классе в момент, когда в нем вела урок Марья Ивановна, но не Иван Павлович, которого старый морской волк побаивался не меньше нашего. Завидя непрошеного гостя, учительница сперва бледнела, затем краснела и, ахнув, покидала класс — убегала за помощью. Дяде Ване только того и нужно было. Взъерошив свои курчавые, редеющие, прошитые белыми нитками седины волосы и сверкая влажными цыганскими глазами, он приступал к «лехции».

— Ребятишки, детушки мои милые! — сказав эти слова, Иван Гаврилович выходил к месту, на коем полагалось стоять учителю, и, помолчав для порядку, окинув наши светящиеся в ожидании потехи лица многозначительным взглядом, начинал нести такую околесицу, что класс покатывался со смеху, а Ванька Жуков и Гринька Музыкин, забыв, что состояли в ссоре, бежали прямо по партам к «лехтору», повисали у него на плечах и просили покрутить.

Дядя Ваня умолкал, подхватывал озорников под мышки и начинал вращать их, сам вращаясь вокруг своей не шибко устойчивой оси. На третьем или четвертом круге матрос рушился на пол, Ванька и Гринька на него, мы чуть ли не всем классом (исключая девочек) на них, и вырастала такая куча мала, какой нам одним ни разу не удавалось воздвигнуть. Это уже была не куча мала, а прямо-таки Большой мар[1], возвышающийся за Правиковым прудом посреди полей и видимый далеко отовсюду. В отличие от степного наш курган не безмолвствовал, а гудел, ревел, стонал, визжал, издавал сатанинский хохот и, разумеется, не вдруг воспринимал гневный голос Ивана Павловича, туча тучей врывавшегося в класс. Сначала его слышали ученики, которые находились на макушке кургана, завершали, так сказать, его. Испугавшись, они стремительно скатывались к подножию живой горы, подобно снежному обвалу. Вслед за ними слой за слоем отлеплялись друг от друга остальные и пулей проносились мимо Кота к своим партам. В одну минуту куча мала растворялась. На том месте, где она только что возвышалась и извергала из себя вулканическую лаву нечеловеческого вопля, находился лишь несчастный дядя Ваня во всем своем великолепии. Порядочно помятый нашими коленками, он не сразу подымался на ноги, а какое-то время стоял на карачках, то есть пребывал в позе, вызывавшей в нас приступы нового смеха, и только потом, с помощью Ваньки Жукова и Гриньки Музыкина, главных виновников его конфуза, принимал подобающее человеку вертикальное положение.

Встретившись с острым, как бритвенное лезвие, взглядом Ивана Павловича, дядя Ваня виновато опускал перед ним голову так, что ее клинообразный подбородок с порослью реденьких седых волосинок упирался в плоскую тощую грудь, лишь местами прикрывавшуюся дырявой, полуистлевшей тельняшкой.

— И вам не стыдно, Иван Гаврилович? — спрашивал учитель, убедившись, что уже достаточно поистязал бывалого моряка своими глазами.— Старый вы человек, хотя бы постеснялись своих сыновей! Они ведь тоже в классе, глядят сейчас на вас. Посмотрите, как им стыдно за своего папашу!

Близнецы Ивана Гавриловича находились в классе, но мы не видели, чтобы им было очень уж стыдно за отца. Во всяком случае, в сотворении кучи малы над ним они принимали самое что ни на есть активное участие.

— Прости старого дурака, Иван Палыч. Окаянный, знать, попутал,— отвечал дядя Ваня, трезвея прямо на наших глазах.

— Не окаянный, а змий. И зеленый притом,— поправлял его Кот, лукаво поигрывая глазами.

— Оно, можа, и так,— соглашался дядя Ваня, который вовсе был не старым по годам, но выглядел пожилым потому, что очень рано и энергично начал бороться с собственным здоровьем. Близкое знакомство с зеленым змием никого еще не омолаживало: это уж известно. Таверны в иностранных портах оказались самым подходящим местом для такого знакомства, ибо на протяжении столетий были постоянными прибежищами разноплеменной и разноязыкой матросни.

— Ну, вот что, голубчик,— предупреждал Иван Павлович,— чтобы это было в последний раз. Избавьте, ради всего святого, школу от ваших лекций. Мы уж какнибудь обойдемся и без них. Так что, пожалуйста, не затрудняйте себя. А заявитесь еще — пеняйте на свою голову. Товарища Завгороднева позову — он-то уж найдет на вас управу.

— Ни в жисть не появлюсь. Вот те крест! — И дядя Ваня истово осенял себя крестным знамением: ему вовсе не хотелось встречаться с товарищем Завгородневым, бессменным после гражданской войны участковым милиционером, хорошо исполнявшим свои обязанности.— Меня теперича суда и силком не затащишь! — заверял «лехтор» еще горячей.

— Ну, ну. Ступайте!

— Ухожу, ухожу! — говорил напоследок дядя Ваня, направляясь к двери.— Больше ни в жисть...

— Сделайте одолжение! — примирительно говорил Кот, подталкивая потихоньку гостя к выходу.

— Ни в жисть! — громко возвещал дядя Ваня уже на улице, а неделею позже как ни в чем не бывало объявлялся вновь, и веселое действо повторялось, к нашей великой радости и к великому огорчению наших учителей.

Иван Павлович Наумов уж всерьез подумывал, а не покликать ли в самом деле Завгороднева.

VII

Спровадив добровольного «пропагандиста-агитатора», Иван Павлович обычно долго не мог прийти в себя, успокоиться и продолжать занятия. Свой гнев, не имея перед собой никого другого, переносил либо на учеников, либо на Марью Ивановну, которая не смогла справиться с пьяным мужиком одна и отрывала от уроков его, Ивана Павловича. Нас за буйное поведение всем классом оставлял без обеда; и, ежели мы, ребятишки, принимали это как должное, вполне заслуженное нами, то этого нельзя было сказать о старой учительнице. Глубоко оскорбленная (мы, правда, не видели — где и как) мужем, она, прежде чем войти в класс, задерживалась за дверью, стояла там, стараясь взять себя в руки и появиться перед учениками прежнею, то есть спокойной, со своей тихой, располагающей улыбкой. И все-таки мы видели на ее лице, под глазами и в самих глазах свежие следы слез.

Но в тот день, о котором только что рассказано, Иван Павлович вел себя совершенно по-иному. Гнев его улетучился раньше срока, сменившись веселым оживлением на обыкновенно строгом и суховатом лице сразу же, как только захлопнулась дверь за дядей Ваней. И мы видели, что Иван Павлович собирается сообщить нам нечто такое, от чего нельзя не прийти в самое доброе и веселое расположение духа. Для такого торжественного случая он попросил немного удивленную Марью Ивановну пригласить в нашу комнату учеников третьего и четвертого классов, и когда те шумно ввалились и расселись за парты, сильно потеснив их хозяев, то есть нас, объявил, потребовав полной тишины:

— Ну-с, ребята. Теперь слушайте: районо и райисполком вынесли наконец решение в течение двух лет построить у нас новую школу...

— Ура-а-а!.. Вот здорово-о-о!

— Погоди, Жуков. Я еще не все сказал. Это будет Ша-Ка-эМ! Ну-с, а сейчас потрудитесь расшифровать три эти буквы: ШКМ. Ну-с? Кто же первый? Что-то не вижу охотников. Музыкин Гриша, может, ты? А? И ты помалкиваешь. А вообще-то на другие дела весьма боек. Что ж, начнем с первой буквы «Ша». Что могла она означать? Ну, где мы с вами сейчас находимся?

— Школа, школа! — заорали хором.

— Ну, разумеется. Перейдем к «Ка». Неужели не догадываетесь? Хорошо. Скажите, чем занимаются ваши родители?

— Пашут землю! — выкрикнул Ванька и взглянул почему-то на меня.

— Верно. Землепашцы, стало быть. А как еще их называют?

— Крестьяне! — взревели мы еще громче.

---

[1] Так в наших краях называется скифский курган.

— Какая же будет у нас школа?

— Крестьянская! — радостно выдохнул класс.

— Итак, осталась нерасшифрованной одна буква «эМ». И я уж не буду больше мучить вас, а скажу, что за этой буквой скрывается слово «молодежная». Сложим все три слова — что получится? Ну, ну, Алексеев Миша. Ну те-ка!

Запинаясь от волнения и не замечая того, что скашиваю глаз на Ваньку точно так же, как давеча он на меня, я проорал настолько громко, что сам испугался своего голоса:

— Школа-а-а!.. Крестьянско-о-ой!.. Моло-де-жи!

— Ша-Ка-эМ! — подвел черту учитель, следуя моей интонации. Непривычно сияющий и счастливый, он продолжал: — Но и это еще не все. В новой школе вы будете учиться не четыре зимы, а семь, потому что она будет называться семилеткой...

Девочки взвизгнули и захлопали в ладошки, но не были поддержаны мальчишками: похоже, семилетнее пребывание перед строгими, всевидящими очами проницательного Кота устраивало далеко не всех. Самонька и мой брат Ленька не смогли даже удержать в себе судорожного тяжкого вздоха. Четыре-то зимы были для них почти непреодолимыми рубежами, а тут к ним прибавяются еще три,— это уж слишком! Пригорюнились, сникли и Ванька Жуков с Гринькой Музыкиным, встретившие было сообщение о новой школе восторженным кличем «ура». Им тоже дорога была волюшка. На четыре зимы они соглашались (так уж и быть!) пожертвовать ею, но не более того.

Я и Миша Тверсков хоть и обрадовались последним словам Ивана Павловича, но вслух не выразили этой радости,— боялись впасть в немилость к другим ребятам.

Иван Павлович сделал вид, что не замечает смятения в некоторых душах, и продолжал еще торжественнее:

— Это будет первая сельская школа-семилетка в нашем районе, ребята, и строительство ее начнется уже в нынешнем году, весною, когда окончатся наши с вами занятия, а ваши родители отсеются. Без их и нашей с вами помощи школы не построить. Всем селом навалимся, и новая школа будет построена! Завтра, ребята, к нам приедут товарищи из Баланды вместе с архитектором и прорабом, чтобы помочь отыскать лучшее место для нового здания...

На другой день Ивану Павловичу и Марье Ивановне нелегко было удержать учеников в классах. Оставив парты, мы липли к окошкам и видели, как неподалеку от православной церкви (в Монастырском была еще церковь старообрядческая, кулугурская, и молельня, которую построил для себя богатенький клан из десяти — двенадцати семей, носящих фамилию Ефремовы), на пустыре, увязая в глубоком снегу, из-под которого высовывались озябшие головки татарника, прохаживались, энергично жестикулируя руками, незнакомые нам люди.

Видя, что с нами не совладать, Иван Павлович отпустил нас раньше времени, а сам присоединился к товарищам из района. Вышли к ним и сельсоветские чины: Михаил Сорокин, недавно избранный председателем вместо Василия Дмитриевича Маслова, и мой отец, секретарь. Мы двумя разорванными полукружьями стояли поодаль и наблюдали. Разрыв в круге образовался от того, что вне школы драчуны автоматически, без всякой команды с чьей-либо стороны, расходились по разные стороны невидимых баррикад. И не начинали сражения только потому, что были слишком увлечены наблюдением за взрослыми, которые с приходом Ивана Павловича и сельсоветских руководителей затеяли горячий спор, суть которого прояснилась для нас гораздо позже, поскольку не осталась бесследной.

Один из незнакомых был до того высок и тучен, что все остальные мужики, в особенности мой отец и Иван Павлович, спорivший, кажется, горячее всех, казались сущими детьми. И я был страшно удивлен, когда вечером отец привел эту громадину в наш дом, в котором сразу же стало тесно.

Это был прораб Муратов, не то осетин, не то аварец. С Кавказа, одним словом. Как оказался он в наших краях, одному, знать, ему да его аллаху ведомо. Но что бы там ни случилось с этим человеком, объявился он как нельзя кстати. Скоро выяснилось, что Муратов обладал не только богатырской физической силой (весною на лужайке, против нашего дома, состязаясь на палке, он легко отрывал от земли сразу четырех мужиков), но и прекрасными организаторскими способностями, подкрепив их великолепным знанием дела. Деятельность, которую он развернул с небольшим строительным отрядом кавказцев сразу же по прибытии, была действительно бешеной — по-другому ее и не назовешь, ежели иметь в виду, что рабочий день Муратова, насыщенный до чрезвычайности, оканчивался уже сверхнасыщенной гульбой в компании старых и новообретенных собутыльников, сгруппировавшихся вокруг него в немыслимо короткий срок. Не обладая его огнеупорной мощью, мужички наши (в их числе был, конечно, и папанька) быстро пьянели и встречали утреннюю зарю под чьим-нибудь чужим столом, за которым восседал и продолжал угощаться один «вэлыкый прарап», как называл себя Муратов в минуты веселого застолья.

Он никогда и никому не рассказывал о своем прошлом, о том, кто он есть и откуда взялся. Можно только предположить, что до появления в наших краях Муратов занимал видное место на какой-нибудь строительной площадке, какие возникали в ту пору и множились по всем городам и весям: страна жила предчувствием великого рывка вперед и уже была беременна дерзкими планами легендарных пятилеток.

VIII

Вот кому еще в чужом пиру досталось одно похмелье — это нашим верным псам, моему Жулику и Ванькиному Полкану. Ничего не подозревая поначалу, они какое-то время по старой привычке продолжали «гацивать» друг у друга, пока их не угостили так, что Жулик вернулся домой на трех ногах, а Полкан хоть и на всех четырех, но сильно охромевших. Зализавши полученные раны языком и исцелившись, собаки скоро сообразили, в чем тут дело, и, недолго думая, затеяли яростные драки между собой, при этом рвали друг дружку так, что на месте схватки Полкан оставлял клочья белой своей шерсти, а Жулик — черной, а то еще и комки бурой земли, замешанной на невинной собачьей крови. Затем, как им и полагалось, Жулик и Полкан стали помогать молодым хозяевам, когда между ними начиналась очередная драка, отчего наши штаны, а нередко и икры ног знакомились с псиными клыками.

Страдала и одежка, что, конечно, было горше всего. Увидя как-то, что с тыльной стороны мой полушубок располосован сверху донизу, отец сперва высек меня, а потом учинил допрос, выясняя, где и кто меня так разделал. Выяснив наконец (хотя я долго держался, не выдавая Полкана), пришел прямо к Жуковым и строго-настрого предупредил главу семейства:

— Ну, вот что, Григорий, я долго терпел... А теперь — с меня хватит, довольно... Или ты сам повесишь своего паршивого пса и выпорешь как следует Ваньку, или это же самое сделаю за тебя я!..

— Што, што?..— Григорий Яковлевич побагровел.— Ишь ты какой ретивай!.. Ежели ты торчишь в сельским Совете, так думашь, што тебе все и дозволено?.. А вот этого не хошь?— И, быстро приблизившись к папаньке, Жуков-старший поднес к самому его носу обидную фигуру, сотворенную из трех обкуренных пальцев. Небритые щеки его (он был один в избе) недобро взбугрились и заходили.— Попробуй только троны!.. Ты, што ж, Миколай, думашь, что у вашего зас...ного Жулика зубы не такие вострые?.. Поглядел бы, што он исделал с Ванюшкиными портками!..

— Ты хочешь сказать, что теперь мы квиты?— Папанька усмехнулся в свои рыжие усы, упрятав заодно в них и свою неловкость.

— Это самое я и хотел сказать,— подтвердил Григорий Яковлевич, медленно остывая.

— Ну и шкеты, прибавили нам заботушки! — сказал мой отец, идя на попятную.

— Невелика печаль. Пороть их надо почаще.

Сказав это, хозяин дома отошел к печке, отдернул над посудной лавкой занавесь, где у него стояла опорожненная лишь на одну треть литровая посудина.

— Давай-ка, Миколай, поправимся маненько. Ты, я вижу, с похмелья.

— Был грех. Вчерась с мельником,— признался отец, подсаживаясь к столу и лаская глазами наполняемый мутноватой жидкостью граненый стакан.

Расстались они вроде бы дружески. Вернувшись домой, отец подбросил мне еще парочку «горячих» и спокойно отправился на службу. И уже там, в конторе, изготавливая для Григория Яковлевича какую-то справку, он вдруг нахмурился, поняв со всей очевидностью, что потерпел от него сокрушительное поражение, что поднесенная к самому носу «дуля» пахла не больно хорошо и была она не что иное, как оскорбление его, секретаря сельского Совета, достоинства. Клацнув по-собачьи зубами, отец в клочья разорвал бумажку, пробормотав вслух: «Хрен тебе, а не справка! Заплатишь еще — ничего с тобой не сделается. Другой раз будешь умнее! Я те покажу такую «дулю», что век помнить будешь!»

Нехорошие чувства к Жукову возродились вновь и упрятались еще глубже. Оставалось только ждать, где, когда и как эти чувства проявятся. Отраженно они, кажется, уже и проявились.

Приехав однажды на свое гумно за кормами, дядя Петруха, старший брат папаньки, войдя в ригу, заприметил что-то неладное. Долго изучал глазами кучу овсяной соломы, которую приберегал к посевной, потому что по питательности она приравнивалась чуть ли не к степному сену. Петру Михайловичу показалось, что куча эта малость поубавилась и оправлена не так аккуратно, как делал он сам. Чьи-то руки «погрелись» возле нее, решил дядя Петруха. И, чтобы окончательно утвердиться в этом, тщательно осмотрел замок. Да, так оно и есть: кто-то ковырялся в замочной скважине гвоздем, это было видно по свежей зарубинке.

«Гришкина работа. Аль его щенков»,— ворохнулось в голове, и мужик помертвел от другой мысли, которая пришла сразу же вслед за этой: «А ить они, разбойники, могут и красного петуха подпустить. Свезешь летом снопы на ток, подкрадутся ночью, чирк спичкой — и готово, начнет полыхать... Пустят по миру, проклятые...»

Чернее самой черной тучи было теперь на душе веселого в общем-то мужика, которого звали тятей не только шестеро его собственных сыновей и дочерей, но и мы, его племянники и племянницы. Свой отец для нас был папанькой, а Петр Михайлович — тятей. Старшие рассказывали, что случилось это в гражданскую войну. Раненный под Царицыном, Петр Михайлович первым из своих братьев вернулся домой. Завидя отца, его ребятишки закричали: «Тятя, тятя пришел!» И поскольку все мы жили тогда под одной дедушкиной крышей, сестра моя и два старших брата, Санька и Ленька, тоже закричали: «Тятя, тятя!» С этой минуты и до самой его смерти (в голодном 33-м году) он и оставался для всех детей общим тятей. У младшего его брата, моего дяди Пашки, дочери родились много позже, но и для них дядя

Петруха сделался тятей. Да он и был им, если не по крови, то по доброте, по ласковости своего сердца, у которого часто грелись, точно у теплого очага, все мы, его племянники и племянницы.

Теперь же и в этой отзывчивой на чужую боль душе непрошено поселилось дрянное чувство, рожденное недобрым подозрением. Ему бы, разумному и степенному мужику, заглянуть к Жуковым, благо жили они на одном Хуторе, сказать Григорию Яковлевичу, что так, мол, и так, не твои ли ребятишки «пощупали» из-за озорства мою овсяную солому, и по тому, как отреагировал бы Григорий, все бы и прояснилось: так оно или не так. Нет же! Держит человек камень — и не за пазухой держит, а в самом аж сердце, что пострашнее.

Между тем как ни Григорий Жуков, ни его сыновья-«разбойники» вовсе и не думали наведываться в чужую ригу, хотя она и стояла на Больших гумнах по соседству с ихней. Овсяную соломку действительно «щупали», но это делали руки не совсем чужие. Они принадлежали плутоватому и избалованному сызмальства дяде Пашке, родному братцу Петра Михайловича, решившему таким способом сэкономить собственный корм, которого, по лености своей, он заготовил лишь на ползимы. И по иронии судьбы, по злой ее гримасе о тяжком подозрении (нелегко носить такой груз в душе) дядя Петруха раньше всех поведал не моему отцу, не дедушке Михайле, не кому-нибудь еще, а именно дяде Пашке, отправившись к нему прямо с Больших гумен. Тому бы признаться во всем, обратить все в шутку, но он не сделал этого, а только еще глубже вогнал кровоточащую занозу в доброе, бесхитростное сердце старшего брата.

— А кто ж еще? — без малейшего колебания воскликнул чернобородый плут.— Жучкины и есть. Кому еще и быть! Их работа. От них, сволочей, Хутор слезьми исходит. У кого солому, у кого сенца острамок[1], у кого мякину, у кого еще что, но обязательно утянут с гумна. Это уж известно!

Говоря так, сам дядя Пашка смотрел на Петра Михайловича прямо-таки святыми глазами, а под конец, поместивши на своем грешном челе ловко подделанную картину благородного гнева, сельский этот лицедей совершенно серьезно посоветовал:

— Ну, ты вот что, брательник... Ты энтова Гришку проучи...

— Это как же? — голубые, как у русского Иисуса Христа, глаза Петра Михайловича испуганно расширились, воззрившись на Павла.

— А вот так...— И, прежде чем изложить свой план, дядя Пашка принялся медленно сооружать цигарку. Долго разминал на донышке ладони махорку, еще дольше слюнявил бумажку, растягивая время, потому что еще не знал, что должен предложить старшому. Наконец придумал что-то, сунул изготовленную «козью ножку» в рот, переместил ее с помощью языка из левого угла рта в правый, заговорил вновь: — Вот что... Не пожалей гривенника, купи с десяток иголок, наведайся в Гришкину ригу и подбрось их ему в мякину... Тоды посмотрим, как он запоет...

— Што ты говоришь, мерзавец?! Ты чему это учишь старшего брата, рассукин сын?.. Чего это ты мне насоветовал, а? Да я тебя задушу вот этими самыми...— Задыхаясь от бешенства, всегда добрый и уравновешенный, дядя Петруха зверем кинулся на Павла. Тот, однако, успел перехватить его воздетые к потолку руки и сжал их, точно железными тисками, чуть ниже кистей.

Перетрусив, но стараясь не показать этого, проговорил зло поигрывая насмешливыми своими глазами:

— А ну, охолонь, охолонь!.. Ишь тебя взорвало!.. Ты зачем ко мне пожаловал?.. За советом?.. Ну, так я тебе его дал. Тебе и решать, годится он или нет.— И, видя, что брательник уже трясется, как в лихорадке, резко повернул все дело на иной лад: — Ну, ну, что взъерепенился?.. Аль слепой? Не видишь — шучу с тобой. Нужен мне твой Гришка! Пущай хоть всю кучу перетаскает из твоей риги — мне наплевать!..

— Ну, и негодяй! — Петр Михайлович как-то обмяк весь, бессильно опустился на лавку, поглубже заглянул брату в глаза и, тяжело, с хрипом в горле вздохнув, посоветовал, в свою очередь: — Ты уж... ты уж того... не шути так боле. Тошнехонько чтото вот тут...— он прижал руку к левой стороне груди,— ...от твоих шуток.

И, горбясь по-стариковски, дядя Петруха вышел из дому.

Ночью ему приснилось: он наведался-таки на гумно Жукова и высыпал в кучу овсяной его соломы (не мякины, как советовал Павел) целую горсть иголок, а эти иголки, выскочив из соломы, сперва помельтешили, подобно мотылькам, в воздухе под самой крышей риги, а потом одна за другой возвратились к нему обратно и пробрались за пазуху, вонзившись в тело.

Проснулся дядя Петруха от острой боли под левой лопаткой. Лицо его, точно росою, окинулось капельками пота. Спустивши босые ноги с кровати и свесив голову со спутанной бородой, он долго сидел так, а руки дрожали, словно бы только что подняли огромную тяжесть.

На третий день после встречи с моим отцом Григорий Жуков получил из сельсовета извещение о неуплате какого-то налога. Прочитал бумагу несколько раз кряду и, не веря своим глазам, попросил младшего сына, чтобы прочитал еще и он. Ванька прочел бумагу медленно, с расстановкой, как учила нас Марья Ивановна. Вырвав документ из рук сына, набросив кое-как на плечи полушубок, а на голову кроличий малахай, Григорий Яковлевич помчался в

[1] Острамок — местное название небольшой копны.

сельский Совет. По дороге репетировал про себя речь, с какою обратится к «этому мошеннику», то есть моему папаньке. Речь, которая хоть и адресовалась должностному лицу, была обильно оснащена словосочетаниями, трудно воспроизводимыми или вовсе не воспроизводимыми на бумаге.

— Ты... ты... что же, мошенник... как... как это не уплатил? — заорал Григорий Яковлевич, ворвавшись в «присутствие» и вздымая руки над столом, за которым, уткнувшись в конторскую книгу, трудился мой отец.— Да ить ты сам, мать твою... ты сам получил из моих рук три красных... У меня свидетели есть!.. Как же тебе не стыдно!.. Пропили мои денежки с мельником!..

— А чего мне стыдиться. Это не я, а ты не уплатил налога, обманул Советскую власть!..— Отец только теперь поднял глаза на Жукова.— Если б уплатил, у тебя была бы на то справка. Есть она у тебя?.. Нету?

— Ты ж, хохленок, мне ее не выдал! — чуть не плача, заорал мужик.— Не выдал, а теперича...

— Кабы уплатил, выдал бы.

— Ну, Миколай, постой... Я этого так не оставлю! Я те... я те... так твою мать, покажу!..

— А вот за то, что угрожаешь властям расправой...

— Какая ты власть! — взорвался Григорий Яковлевич.— Дерьмо ты собачье, а не власть!.. Не собаку бы твою, а тебя Жуликом-то надо бы звать!.. Мишка, а ты чего молчишь? — повернулся вдруг он к Михаилу Сорокину.— Аль не знашь, что никаких недоимок за мною сроду не остается?..

— Откуда мне знать? Я тут человек новый, недавно избранный вами председателем. Так что...

— А-а, черт с вами!.. А ты, хохленок, ищо пожалешь, что сотворил со мною такое...— И, резко крутнувшись, Григорий Яковлевич почти выбежал на улицу. Там он задерживал каждого встречного и, жестикулируя, что-то рассказывал ему, указывая на сельсоветскую контору.

Думается, что отец пожалел о содеянном им гораздо раньше, чем мог предположить обиженный им мужик, потому что закуривал по ночам не два, а более пяти раз. Не знаю уж, терзался ли совестью, или испытывал страх из-за вполне заслуженного им возмездия со стороны Жуковых. А может, все это вместе сделало длинные зимние ночи такими беспокойными, бессонными для нашего родителя? Он явно ожидал, что что-то должно было произойти неладное на нашем подворье. Хорошо, ежели эти Жуковы во второй раз переломают ноги Жулику, ну, а если они покалечат Карюху перед самой посевной или отравят чем ни то Рыженку, нашу корову-ведерницу, которая вот-вот должна отелиться? Чего доброго, Ванюшка Жуков может подбросить в наш колодезь дохлую кошку или еще какую-нибудь мерзость,— что тогда? Ведь его, чертенка, не изловишь на месте преступления. И что толку, ежли и изловишь: родниковая вода все одно будет испорчена, и колодезь придется чистить, а для этого срочно собирать помочь. И кого, окромя Григория Жукова, уговоришь опуститься на его дно, чтобы вычерпывать ил и другой разный хлам, да еще посередь зимы, когда во дворе лютая стужа? Один лишь Григорий Яковлевич согласился бы на такое дело, как это и случалось в прошлые года. Но теперь-то он не то что в дом, но и ко двору своему на версту не подпустит,— такие-то «пироги»!

Кольцо за кольцом подымался к потолку дымок от помигивающей во мраке самокрутки моего отца.

Молчаливая и темная, как глухая стена избы, стояла у нашего порога беда и только ждала подходящего момента, чтобы войти в самый дом. Кто приманил, кто накликал ее, черную, на нашу голову?

Никто не задавал себе этого вопроса и не пытался ответить на него.

Жизнь села шла своим чередом.

Продолжение следует.

2

1

1 Любовь Ткаченко победила на конкурсе «Лучший по профессии».

2 Как будут выглядеть новые изделия, решает художественный совет. В его состав входят директор фабрики М. Г. Карпова и главный инженер Р. П. Лапун.

3 Надежде Рукояткиной — девятнадцать. Чаепитие в цеху.

Множество добротных и необходимых вещей производит Тушинская чулочная фабрика: дамские чулки и колготки, гольфы для детей, яркие носочки для самых маленьких. Эта фабрика — образцовое предприятие Москвы. Уже много лет она неизменно выходит победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании. 74 бригады, 20 цехов, смен и участков здесь носят звание коллективов коммунистического труда. Все работницы трудятся на повышенных зонах, то есть обслуживают большее количество станков, чем полагается по норме.

Фабрике присвоено звание предприятия высокой культуры. За последние годы тут, не расширяя площадей, провели реконструкцию. Это помогло повысить производительность труда, уменьшить текучесть рабочей силы.

ТУШИНСКИ

Е ВЯЗАЛЬЩИЦЫ

И. МИХЕЕВА

Фото А. БОЧИНИНА

Тот день Люба Ткаченко запомнила, наверное, на всю жизнь. Ее родной цех, и в обычные дни светлый, принарядился, стал праздничным: плакаты, живые цветы, разноцветные шарики. Цех заполнили незнакомые люди. На конкурс «Лучший по профессии» съехались вязальщицы с родственных предприятий. Люба очень волновалась: ведь она была самой молодой, и опыта, следовательно, у нее меньше. А в конкурсе учитывалось и качество работы, и быстрота, и количество сделанного. Продолжался он четыре часа. А потом жюри объявило, что победила в этом соревновании именно Люба. Каждый участник конкурса получил на память подарок и рабочую форму тушинских вязальщиц.

Люба пришла на фабрику семь лет назад. Здесь окончила производственно-техническое училище, здесь училась мастерству. Не так давно вышла замуж. Скоро с мужем будут праздновать новоселье...

— Почему я познакомила вас именно с Любой? Потому что ее судьба характерна для всех наших молодых работниц,— рассказывает директор Мелитина Григорьевна Карпова.— Когда она поступила на фабрику, текучесть у нас была высокой. А нам хотелось, чтобы людям было интересно работать, чтобы в цеха шли, как на праздник. И мы задумались, что же делать дальше? Нужна реконструкция, но расширить фабрику нельзя: с одной стороны река, с другой — косогор. Здание старое: ему больше ста лет. Значит, реконструировать нужно было на прежних площадях.

Мелитина Григорьевна — кадровый работник. Мастер, технолог, начальник цеха, главный инженер, а с декабря 1974 года директор — таков ее трудовой путь за двадцать девять лет.

— Помощники у меня хорошие — квалифицированные, грамотные, очень преданные делу,— продолжает Мелитина Григорьевна.— С нынешним главным инженером Раисой Павловной Лапун мы пришли на фабрику вместе, после окончания текстильного института. Сколько пережили, сколько сделали!

Забот и дел у директора и ее помощников было много, но теперь фабрику не узнать.

Начали с того, что перепланировали все помещения, перегруппировали станки, чтобы работать было удобно.

Потом пригласили на фабрику художников — оформить столовую. Витраж, стилизованные люстры очень ее украсили. Здесь, в буфете, продают теперь полуфабрикаты, в цехах поставили холодильники. Работницы после смены могут уже не заходить в магазины. Каждая женщина оценит это удобство.

А в цехах... Цеха теперь не узнать. Вот 150-метровый пролет вязального. Мерно шумят машины. Медленно движутся оранжевые коробки конвейера: они подают в цех сырье и увозят полуфабрикаты. А раньше это делали вручную — на громоздких тележках. Стены окрашены в приятные глазу тона. Много света. Удобные полированные столы. Чистота: на полу не увидишь и ниточки. Все блестит, как в квартире у рачительной хозяйки. Да и сами работницы нарядны: в белых фартуках и косынках с эмблемой фабрики. В цеху много цветов, есть уголки отдыха, где проводят политбеседы в обеденный перерыв и читают. А за праздничным столом с кипящим самоваром и красивым сервизом отмечают дни рождения.

На фабрике считают, что все должно быть образцовым: и цеха, и территория, и микрорайон. Построили оранжерею и теперь выращивают цветы — их можно увидеть у памятника рабочим фабрики, погибшим в боях за освобождение Родины. Цветы дарят к праздникам, к дням рождения.

Словом, вот такое оно, повышение культуры труда. Много ли это дает производству? Наверное, много, если за прошлый год текучесть на предприятии всего 3,7 процента — самая низкая по отрасли.

А в фабричную кладовую запасных частей часто приезжают издалека — поучиться, перенять опыт. Раньше кладовая была неудобная, стеллажи плохо освещались. Помощники мастера теряли время, простаивая за нужной деталью. Когда началась реконструкция, сразу принялись за кладовую. Выделили новое помещение, купили стойки для мелких деталей, деревянные стеллажи заменили металлическими.

— На фабрике несколько систем вязальных машин. Это минимум десять тысяч деталей. Очень много времени уходило на их поиски,— рассказывает старший мастер Борис Владимирович Губанов, вложивший много сил, времени и знаний в перестройку кладовой.— Прежде всего мы сделали фотокаталоги на все имеющиеся системы машин. По каталогам совсем просто найти номер нужной детали. Помощник мастера теперь выписывает требование обязательно с номером детали. У кладовщика же есть информационные указатели на каждую систему, и возле каждой детали слева стоит номер ящика, где деталь хранится. Достать ее можно за несколько секунд. Причем мелкие детали, которые требуются часто, лежат у кладовщика под рукой.

Теперь на фабрике нет равнодушных и равнодушия. Во всем видна забота о людях.

Рабочий день заместителя директора по быту, секретаря парткома и председателя фабкома начинается и кончается в новом молодежном общежитии. В этом нарядном многоэтажном здании живут 340 девушек. Есть здесь комната для занятий (на фабрике пятьсот человек ежегодно повышают квалификацию), полная книг. Есть и красный уголок с телевизором. И, наконец, квартиры, в которых живут молодые работницы. До чего же все это не похоже на общежития, которые приходилось видеть раньше! Уютные комнаты, нестандартная мебель. Разноцветный кафель и светлые стены в кухнях, пестрые занавеси с рюшами и оборками.

У некоторых над кроватями висят призы за хорошую работу. Это у тех, кто уже достиг мастерства. А в общежитии — своем новом доме — девушки тоже должны многому научиться: и убрать квартиру, и приготовить обед, и сшить себе модное платье. Поэтому на фабрике собираются купить швейные машинки, организовать курсы вязания и шитья.

Каждый год в День работников легкой промышленности на фабрике чествуют ветеранов: им вручают свидетельства, премии. Им дарят косынки с фирменным знаком фабрики, цветы, выращенные в фабричной оранжерее. Нынче на фабрике праздник.

ПЧЕЛОГРАД

А. ПАНЧЕНКО,
фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты «Огонька»

...На пасеках Пчелограда — расположены они неподалеку от станицы Передовой в живописных предгорьях верховий Урупа — в год становления первой колхозной пасеки я бывал не раз. Помнится, главный зоотехник колхоза имени Мичурина Николай Константинович Яковенко о начале пчеловодства в хозяйстве рассказывал так:

— У нас в станице почти во всех дворах держат пчел. Проезжаешь вешним утром на работу, глядишь — в садах, на усадьбах разноцветные ульи стоят, по пять-шесть, а около иных домов и до полутора десятков.

Непорядок, думаем, что в колхозе своей пасеки нет. Тем более, когда вокруг такие буйные медоносные травы и деревья, каких, наверное, в других местах не встретишь. Наконец в 1964 году рискнули. С кадрами проблемы не было. Почти каждый у нас — пчеловод. Через два года собрали 53 килограмма маточного молочка, а сейчас любая из наших 30—40 ферм (в разные годы количество их неодинаково) дает поболее. В лучшие годы получаем до двух тонн бесценного продукта. Вы знаете, куда идет маточное молочко, называемое в народе пчелиным? На приготовление апилака — высокоэффективного биогенного стимулятора. Между прочим, закупочная цена килограмма такого молочка около восьмисот рублей. За пятнадцать лет мы поставили государству более десяти тонн маточного молочка. Кроме того, за год продаем десятки тонн товарного меда...

Как-то мой приезд в эти края совпал с порой главного взятка. Многомиллиардное население городков, забросив все остальные хлопотные работы внутри деревянных домиков, позабыв обо всех своих «талантах» — инженерных, архитектурных и других, углубилось в основную работу: сбор из венчиков нектара — прозрачных капелек сахаристой жидкости и цветочной пыльцы. Включив свои неутомимые малюсенькие моторы, пчелы ринулись на окрестные предгорные луговины и кустарники. Монотонное гудение, мерное и слитное, стояло вокруг. Оно успокаивало, словно шум горной речки, шелест осинок, шуршание трав. Мой однофамилец, пасечник Федор Федорович Панченко, с которым мы коротали время прямо у ульев («Не бойтесь, держитесь спокойнее, не ужалят, — убеждал он меня до этого. — А если и ужалят разок-другой, не беда. От многих болезней пчелы лечат»), сказал:

— На месте невропатологов я бы всех горожан направлял лечиться на пасеки от стрессов. Очень благотворно на нервную систему действуют и этот гуд, и чистый воздух, ароматы трав и самого меда. Читал я, что в старину больных и стариков вывозили к пасекам — на излечение.

О пчелах Федор Федорович говорит уважительно и даже торжественно. В рассуждениях его чувствуются и опыт и знания.

Я смотрю на беспорядочную возню маленьких тружениц у летка и на прилетной доске, и все они кажутся мне одинаковыми. Но пасечник замечает особое:

— Ишь, как танцуют. Значит, рады недальнему хорошему взятку. А эта, присмотритесь, прилетела в «штанишках». Смотри, какие комочки из цветочной пыльцы на задних ножках накатала. Обсыпана пыльцой, как мельник мукой.

Я вглядываюсь и действительно замечаю на задних ножках — но не той пчелы, на которую показал пасечник (куда там успеть!), а другой — заметные утолщения.

— В копилку пыльцу на соты понесла. Перга — корм для «деток» будет.

Обратите внимание, — продолжает Федор Федорович, — сборщицы летят тяжело, покойно, не нервно — значит, медовые зобики у них полны.

Мне трудно что-либо возразить, особенно в отношении нервозности, — по-моему, кроме меня, здесь никто не нервничал — ни сам пасечник, ни помогавшие ему четыре лаборантки-школьницы. В широкополых брилях они спокойно ходили по участку среди сонмища снующих пчел.

— И ведь какие умницы, эти сборщицы — рабочие пчелы: набрала нектар в зобик, несет, а взять из этого хранилища корм для себя может, только если очень голодна. Все обязана донести до улья.

Оказывается, пчеле для того, чтобы собрать несколько граммов меда, надо 50—60 раз наполнить и опорожнить свой зобик! Для этого она посетит и, значит, опылит много десятков тысяч цветков. А ведь летать приходится порой и на 8—10 километров, каждый из которых только чистого полетного времени берет не меньше двух минут.

— Нашего человеческого терпения, — смеется пасечник, широколицый, загорелый, доброжелательный, — вряд ли хватило бы для сбора нектара. Так что пчелам мы обязаны многим. Хоть памятник ставь Пчеле — рекордсмену трудолюбия.

— А муравью? — поддерживаю шутку.

— Ну, муравей и шмель ни в какое сравнение с медоносной пчелкой не идут. Шмель, например, настолько глупее, что ничего, кроме норки-кругляшки, соорудить не может. А пчелиные соты-шестигранники — образец строительной инженерии. В них все предусмотрено — и большие ячейки для трутней и малые для расплода «деток». А строят-то как экономно! Читал я, что на сот, способный вместить два килограмма меда, у них уходит всего сорок граммов воска, добываемого тут же, на своих «восковых заводах» — сняла пчела лапками с брюшка особый жир — воск, зажала в жвалах, скатала в комочек и строит из него соты. В особом случае семья может стать и на ударную вахту — построить соты за сутки. А ведь в каждом из них множество восковых камер-ячеек.

Потом Федор Федорович рассказывает о таинствах рождения меда. Сборщица принесла в зобике несколько капелек нектара. Ее нетерпеливо поджидают другие рабочие пчелы — разделение труда! Их обязанность принять нектар, который сборщица отрыгнула из своего медового зобика. В улье они многократно отрыгивают сахаристую капельку. В теплом воздухе из нее постепенно испаряется лишняя влага, капелька становится все гуще и гуще. Наконец, ее откладывают в открытую ячейку сота, где она загустевает. Вот так, вкратце, из жидкого нектара за несколько дней получается мед. В процессе «производства» меда ферменты пчелиной слюны действуют так, что подавляют развитие в нем бактерий, отсюда изумительное свойство этого продукта — храниться десятилетиями. Удивительно, что в процессе «производства» сохраняется аромат нектара, — пчеловоды, в том числе и мой собеседник, без труда отличают по аромату и цвету мед липовый, гречишный, акации, лугового и степного многотравья.

Мерно течет наша беседа — под чай из огромных глиняных кружек, так мерно и спокойно, как, очевидно, может быть только на пасеке. А вокруг кипит работа. Хотя летний день и клонится к вечеру, но вновь стало заметно оживление.

— Открылись предвечерние цветки, — объясняет причину деловой суеты Федор Федорович. — Вот и потянулись непоседы за взятком.

А внутри улья — своя напряженная жизнь. Полнятся медом и пергой кладовки. Добродетельная матка откладывает в ячейки яйца. Суетятся пчелы-кормилицы, отрыгивая для нее пчелиное молочко. Здесь же, в ячеях расплодного кольца, появляются и живут разновозрастные личинки («Ух и прожоры, — комментирует Федор Федорович, — за шесть дней увеличивают свой вес в пятьсот раз»). В иных ячеях окукливаются личинки для новой семьи. Притихают неуклюжие дармоеды-трутни, словно предчувствуя свое неизбежное ежегодное избиение.

Прекрасный мир, в котором еще столько загадок. Мир, о котором немецкий ученый Карл Фриш, лауреат Нобелевской премии (кстати, получивший ее за изучение этих насекомых), писал: «Жизнь пчел подобна волшебному колодцу. Чем больше из него черпаешь, тем обильнее он наполняется».

Пополняют этот колодец знаний и практического опыта многие здешние мастера — такие, как признанный авторитет среди отрадненских пчеловодов главный зоотехник колхоза Н. К. Яковенко («пчеловод с пеленок», — говорит он в шутку о себе), старший пчеловод колхоза В. И. Добробабин, еще недавно возглавлявший одну из пасек, А. П. Столярова, Н. С. Сагайдаков, В. И. Агафонов, Л. И. Мирошниченко, и десятки других.

Масштабы здешних пасек таковы, что уже бытует, становится привычным имя — Пчелоград. И нет в этом ни капли иронии, а только вполне понятная гордость: пчелоферме колхоза имени Мичурина по размерам нет равных в мире. В самые удачные годы здесь в нарядных пчелиных городках с разноцветными домиками насчитывается до семи тысяч ульев. Одних штатных пчеловодов в хозяйстве почти сотня. Треть из них отмечена Золотыми медалями ВДНХ.

А рядом — молодая смена. Вот уже шесть лет в здешней средней школе введено производственное обучение пчеловодству. Отсюда летом приходят в Пчелоград старшеклассники-лаборанты, подручные мастеров, сборщики пчелиного молочка. От 60 до 150 ребят приобщаются за лето (в зависимости от удачности сезона) к благородной профессии. Среди них есть свои чемпионы, одаренные особым трудолюбием и ловкостью рук, — Оля Енина и Витя Власюков, собравшие за лето по одиннадцать с лишним килограммов маточного молочка (умножьте на 800 — и подивитесь сумме в рублях).

Экзамен по пчеловодству в местной школе так же торжествен и серьезен, как остальные, хотя отметка и не входит в аттестат. Полторы сотни ребят уже получили удостоверения «Помощник пчеловода». За десятую пятилетку учащиеся собрали для колхоза более двух с половиной тонн маточного молочка на сумму свыше двух миллионов рублей.

...За лесистые отроги стремительно опускалось жаркое солнце начала кубанского лета. Последние запоздалые сборщицы возвращались со своего промысла.

Федор Федорович таинственно посмотрел на меня и заговорщически пригласил:

— Давайте подведем итоги дня.

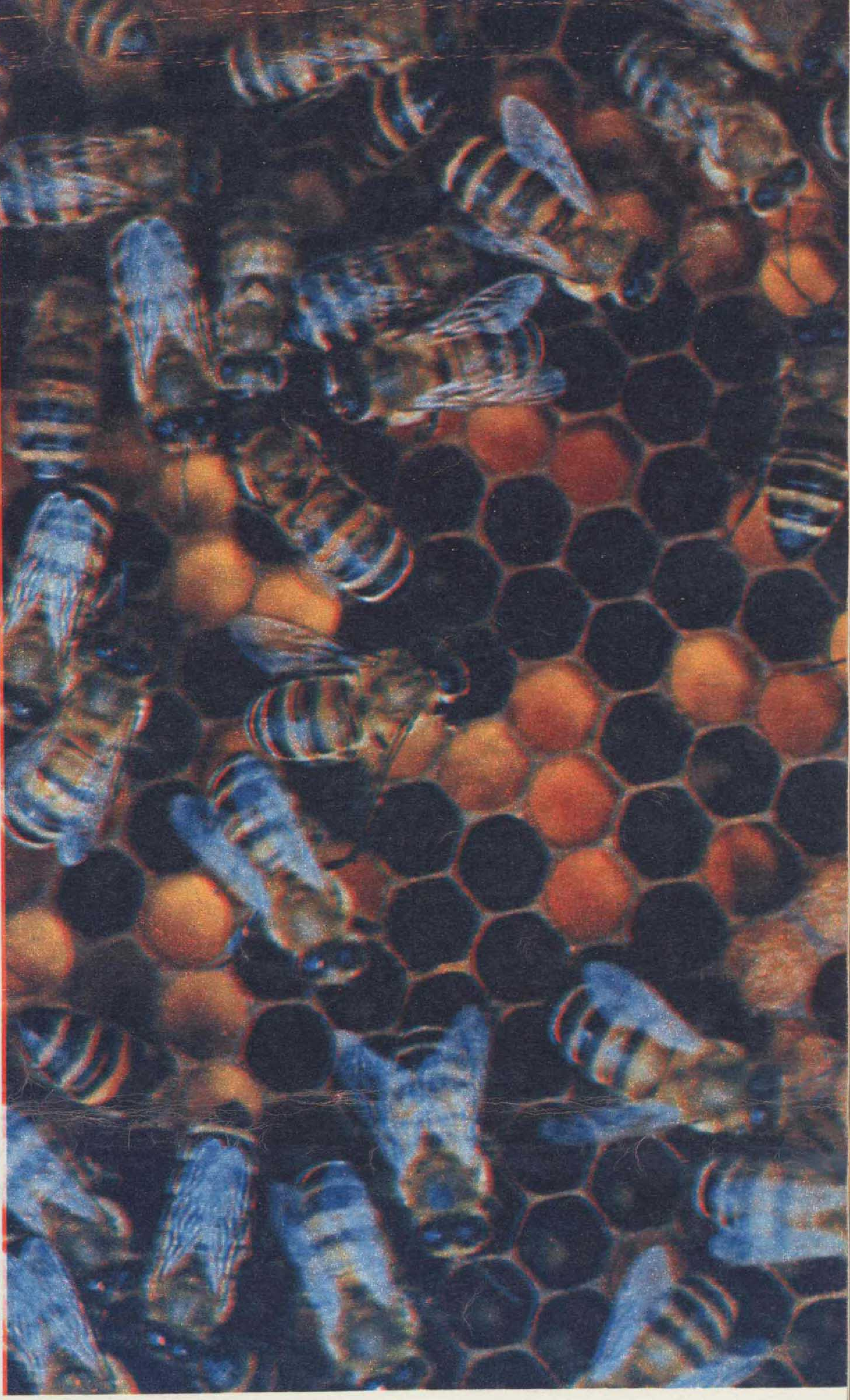
Мы подошли к контрольному улью, стоящему на весах. Пасечник посмотрел на деления:

— Спасибо, пчелки. Нынче хорошо поработали — приплюсовали, считай, два килограмма медку.

Отрадненский район,
Краснодарский край.

И добытчики и архитекторы * Сбор маточного молочка — тонкая операция.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Душистый дар горных лугов. Пасечник Федор Федорович Панченко доволен медосбором * Одна из 37 пасек колхоза имени Мичурина.

«...ОДНА СВЯТАЯ К МУЗЫКЕ ЛЮБОВЬ»

Л. ЛУКЬЯНОВА

Композитор Раймонд Паулс — человек сугубо прозаического склада. Слово «вдохновение» произносит не иначе как с улыбкой и при любой попытке направить разговор в русло «возвышенных» рассуждений круто заворачивает его обратно. Все, о чем он рассказывает, чего касается в разговоре, почти нарочито буднично и обыкновенно, все окрашено в спокойные холодные тона, размышления основаны лишь на фактах и лишены эмоций.

Композитором стал не по зову переполненной мелодиями души, а, как утверждает сам, поневоле.

— Музыкой занимался с четырех лет. Но вовсе не от рано проявившихся музыкальных способностей, а оттого, что родителям подвернулось дешевенькое пианино, и они решили: раз мы жили трудно, так пусть хоть мальчик не надрывается.

Потомственный стеклодув Вольдемар Паулс не считал нужным скрывать своих намерений: «Я хочу, чтобы у моего сына жизнь была легкой».

Так и обрекли мальчишку из рижского пригорода Ильгюциеме на «легкую» жизнь. Каждый день одно и то же: он мрачно тюкал по клавишам и жаждал свободы, свободы от инструмента, свободы от музыки. Судя по всему, ему так и не пришлось дождаться этого.

Все шло своим чередом, с тринадцати лет Раймонд играет в ансамбле, на свадьбах и вечеринках. В консерватории, куда он легко поступает, ему пророчат карьеру пианиста-виртуоза. Правда, при одном условии: он должен бросить джаз. Взывают к чувству прекрасного в душе юного музыканта, поминают великие имена, но все остается на прежних местах — утром он играет в консерватории любимого Дебюсси, а вечером на танцплощадке — совсем другие ритмы. Профессор Г. Браун возмущался: «Раймонд, с вами невозможно заниматься — даже клавиши после ваших рук пахнут танцплощадкой».

Значительно позже Паулс скажет о себе с определенностью: «Я вырос на джазе». И остался верен ему.

Тем не менее он блестяще заканчивает консерваторию, ему предлагают остаться в аспирантуре.

— Я же опять, как и отец для меня когда-то, наивно выбрал «легкую» жизнь. И стал работать в Рижском эстрадном оркестре.

Послушать Паулса — так праздность была чуть ли не единственной его мечтой. Но среди его подобных рассуждений вдруг встает неожиданное: «Я работаю, вот и все. Вот этот угол. Этот рояль. Со мной «считаются», а считаться начинают тогда, когда ты много работаешь».

Много ли, мало — судите сами. Больше трехсот песен написал композитор Паулс. «Листья желтые», «Подберу музыку», «Стрижи», «Маэстро», мюзикл «Сестра Керри» получили международное признание. Музыка к спектаклям, кинофильмам, оперетта, инструментальные миниатюры, вокальные циклы, симфонические произведения. А ему сорок пять лет.

В 1961 году никому не известный латышский музыкант получает звание лауреата I Всесоюзного смотра молодых композиторов, а в 1962 году снова поступает в консерваторию, в класс композиции. Продолжает концертировать, руководит Рижским эстрадным оркестром.

Финская газета пишет о нем в те годы: «В Раймонде Паулсе мы встретили одного из ведущих пианистов Европы. В технике для него не существует никаких трудностей».

— Я поставил своей целью создать в республике эстрадный репертуар и довольно много работал в этом направлении.

Песни Паулса известны и любимы слушателями всей страны, их включают в свои программы зарубежные артисты, вот уже десятый год подряд он записывает очередной диск-гигант. Призы за лучшую песню года, пластинки-лауреаты; популярность его, и без того огромная, растет с каждым днем. «Паулс — первый эстрадный композитор Латвии», «блестящий импровизатор», «звезда легкой музыки» — какими только определениями не награждают музыканта. Но его имэдж, то есть эстрадная маска,— невозмутимая серьезность,— словно раз и навсегда определила самую суть его существа, внешне лишенного эмоциональных всплесков и мечтательной рассеянности, коими непременно украшен в нашем представлении образ композитора.

Он деловит, расстраивается из-за каждой потраченной впустую минуты, в разговоре старается быть кратким, не любит говорить о своих привязанностях и антипатиях в музыке. Движения его соразмерны, взгляд спокойно-вежлив.

Но от себя уйти, наверное, невозможно. Сколько бы человек ни был верен своему стилю, манере поведения, природа мудрее нас. И как ни смешно говорить о предопределении в конце XX века, композитор, пианист Раймонд Паулс все-таки родился на свет для музыки, для искусства. И потому артист в нем угадывается сразу. Например, в том, как к роялю подходит — чуть нахохлившись, словно примериваясь, одолеет или нет. И вот уж где его вожделенная свобода — за инструментом...

Кто бы ни писал о Паулсе, любой говорит о «демократичности» его таланта. Не обойдемся без этого и мы сегодня, ведь Паулса знают и ценят слушатели с самой разной подготовкой, с самыми разными требованиями к музыке. Оригинальность его мелодий вместе с тем предполагает полную ясность их для слушателя.

— Некоторые композиторы стремятся угадать будущий шлягер, создать песню, которая была бы несложна по форме, избегала бы трудных мелодических оборотов, скачков в мелодии, сложных ритмов, тональных сдвигов. Таких безликих песен, увы, более чем достаточно, и именно из-за них и существуют нарекания на жанр. Эстрадная песня — творчество. Каждый раз здесь надо совершить какое-то открытие.

И чем дальше, тем это сложнее. Ведь то, что нам вчера казалось интересным, сегодня мы отвергаем. И все труднее бывает определить критерии, установить рамки. Я, например, слушаю красивую, в хорошей обработке мелодию для симфоджаза, и она мне кажется новой, созвучной времени. Иной считает, что ново только то, что грохочет. Но я прекрасно помню, как гремели бит и рок, и вдруг появилась лирическая мелодия из «Крестного отца» и стала суперпопулярной. Вроде бы старомодная, она обладала всем, что делает современной любую музыку — в ней была емкость, глубина, афористичность мелодии.

Вопрос современности — самый острый сейчас в эстрадной музыке. То, что нравится мне, моим родителям кажется ужасным, а моя восемнадцатилетняя дочь считает, что я безнадежно отстал. Здесь, как нигде, много спорного. Но композитор, способный заинтересовать людей нашего времени, заставить их себя слушать, наверное, современен.

Я никогда не скрываю, что пишу для слушателя. Когда говорят, что художник лишь тот, кто не может не писать, кому необходимо выплеснуть образы, переполняющие его, я соглашаюсь. Но сам пишу потому, что слушатель требует новых песен. Здесь есть свои опасности. Спрос ненормально велик. И он начинает рождать не просто предложение — ширпотреб. Знаете, как в промышленности: выпускаются сувениры — пластмассовые пальмы, скалы из плексигласа с надписью: «Помни Гагры». Так и в музыке. Здесь очень трудно удержаться на грани — не потерять слушателя и не сбиться на халтуру. Наш жанр опасен.

Почему так важна для меня песня? Песня для многих, особенно для юных слушателей, выступает эстетическим идеалом музыки. И как важно, чтобы этот идеал не походил на карикатуру. Сложность в том, что заинтересовать молодежь все труднее и труднее. И вот уже начинаешь размышлять, что есть мода. Вообще в искусстве это слово — непременно ругательство. Но все зависит от того, как понимать ее. Это ведь не значит, что надо вприпрыжку нестись за модой, угождая всем и каждому. Но игнорировать современные ритмы, стили — тоже мода, притом не лучшая. Согласитесь, нелепо будет выглядеть сейчас человек в камзоле. Поэтому вовсе не считаться с ритмом времени глупо. Суть вообще, с моей точки зрения, в другом. Всякие веяния приходят и уходят — это ясно. Вот в одежде: то косоворотка, то батники, то мини, то джинсы, а человеческое существо остается. В музыке примерно то же самое: аранжировка, электроника, инструментовка — все это лишь краски, а главное, смысл — мелодическое зерно. Все остальное будет меняться, а существо — мелодия — останется.

Мелодии Паулса называют иногда вокальными акварелями. Они изящны, умны, лаконичны. Привыкнув к бесконечной новизне его дарования, мы уверены: он не повторится, ведь это свойство его таланта — мыслить всегда по-новому.

А он сам признается: «Я больше всего боюсь повториться. Это не прощается».

Конечно, удержать успех куда трудней, чем его завоевать, особенно в мире эстрадной музыки, где с невероятной быстротой рождаются и умирают ритмы, повергаются кумиры.

— Дело в том, что многое, очень многое зависит не от меня. Для меня основное — довести свою работу до слушателя так, как я хочу, как я слышу. Но ведь между мной и слушателем — исполнитель. Иной раз сидишь в зале и страдаешь — ведь ты же мучился, придумывал, как это будет. А получилось все иначе.

Тоска по личности на эстраде с каждым годом все сильнее. Исполнителей — тьма, индивидуальностей — единицы. Во многом, я считаю, виноваты радио и ТВ. Вместо того, чтобы каждый год проводить конкурс за конкурсом, действительно искать таланты, мы начинаем — и тут же бросаем. Ведь быть того не может, чтобы четверть миллиарда не дали бы мировой эстраде целого созвездия талантов. А у нас на слуху несколько фамилий, постоянно повторяющихся.

Сейчас все больше говорят о театре на эстраде. Посмотрите, как популярны передачи «Поют артисты театра и кино». Они не увлекаются красотами вокала, но могут открыть душу, найти отклик в сердце. Сейчас это современно, как никогда. Да что бы мы ни говорили — все определяет личность. Современен, несовременен — был бы талантлив, а истинный талант всегда созвучен времени.

У нас только один выход — мы должны относиться к эстраде очень серьезно, потому что нет сейчас более популярного жанра, имеющего такое воздействие на вкусы, взгляды, мнения слушателей, особенно молодых...

Раймонд Паулс четверть века работает в музыке. Честно работает, потому и размышляет не только о своих проблемах, но и о проблемах однажды избранного дела. Размышляет, как всегда, деловито, не употребляя высоких фраз, не отдаваясь во власть эмоций.

Только однажды мне удалось увидеть Паулса без обычной холодноватой маски — растерянного и счастливого. В телефильме, когда на Празднике песни после исполнения оды «Моей Родине» многотысячная толпа скандировала: «Автора! Автора!». Народ вызывал не просто «эстрадника», как Паулс себя называет, не просто композитора, написавшего «Танец на барабане». Но, как сказал поэт Янис Петерс, он звал «выразителя своей души, своей судьбы, человека, разгадавшего загадку бытия своего народа».

Народный артист Латвийской ССР Раймонд Паулс.

Фото И. ГАВРИЛОВА

КОГДА ОЖИВАЮТ ФИГУРЫ

Михаил Таль и чемпион СССР Александр Белявский.

Фото Б. Шаца

Михаил ТАЛЬ,
международный гроссмейстер

6. В ОЖИДАНИИ СМЕНЫ

С весны сорок восьмого, когда Михаил Ботвинник стал первым советским чемпионом мира, ни у кого не появлялось и тени сомнения в решающем перевесе шахматных сил нашей страны. Успех Ботвинника не был успехом одиночки — за ним стояло целое поколение ярких, талантливых мастеров. Гениальный Ботвинник был лишь правофланговым советской шахматной школы, школы новаторов и исследователей.

Вопрос о «Матче века» даже и не возник бы, скажем, в пятидесятых годах — настолько решающим было тогда превосходство советских шахматистов. Одна за другой всходили яркие звезды. Штурмуя шахматный трон, они вместе с тем создавали мощный заслон от любой атаки со стороны гроссмейстеров Запада. Не случайно ФИДЕ ввела тогда дискриминационные ограничения на допуск советских шахматистов в турнир претендентов. Возникло опасение, что дальше межзональных турниров зарубежным гроссмейстерам не пробиться!

Но все течет, все изменяется... Стоило сделать несколько шагов на месте, как нас начали настигать. В Америке, Западной Европе и в странах социалистического содружества появились новые имена, которые ко времени «Матча столетия» уже заявили о себе как реальные претенденты на шахматный трон. Бент Ларсен, Лайош Портиш, Властимил Горт и, конечно, Роберт Фишер! А у нас многие годы на линии огня стояла все та же «старая гвардия». Она ждала смену. А смена запаздывала.

На первый взгляд все обстояло благополучно. Новая шахматная поросль, окруженная вниманием государства, опекаемая спортивными обществами и внушительным штатом тренеров, пробивалась, как трава после дождя. Ежегодно появлялись новые десятки молодых мастеров, самые лучшие становились гроссмейстерами. Смена росла, но до уровня экстра-класса почему-то не дорастала!

После 1958 года, когда Борис Спасский и автор этих строк в последний раз сыграли в командном первенстве мира среди студентов, наша студенческая сборная стала переживать тяжелые времена... Потребовалось три года, чтобы скомплектовать команду, способную бороться за золотые награды. Но это был не единственный тревожный симптом.

Перед «Матчем столетия» молодой мастер Анатолий Карпов завоевал звание чемпиона мира среди юношей. Отлично! Верилось, что на шахматном небосклоне зажглась новая яркая звезда. Но никто не мог объяснить: почему наши юноши не могли осилить эту вершину в течение пятнадцати лет?!

Но вот «Матч века»... Кто призван под знамена сборной СССР? Знакомые имена — все та же «старая гвардия»! Четверть века назад, когда происходил памятный радиоматч с американцами, средний возраст советской команды равнялся 33 годам, американской — 40. Молодой была и первая олимпийская сборная наших шахматистов — 32 года (Хельсинки, 1952 год). Замечу, что играли в этой команде Керес, Смыслов, Бронштейн и Геллер. Все они через восемнадцать лет стали участниками «Матча столетия». Хорошо, что век шахматного бойца не короток, но все же...

Любители статистики подсчитали, что средний возраст советской команды, сразившейся в матче с «избранными», перевалил за сорок три года. А наши соперники оказались моложе на целых пять лет. Надо полагать, и мы были бы рады омолодить состав, но не нашлось достойной замены. Гвардия (в который раз!) победила, и надо отметить, что основную лепту в эту победу внесли ветераны сборной — Керес, Ботвинник, Смыслов и Геллер...

Да, матч заставлял призадуматься. И прежде всего об ошибках в подготовке молодых мастеров. Не случайно в том же семидесятом году на страницах еженедельника «64» развернулась острая дискуссия о причинах отставания нашей смены. Выступали тренеры, журналисты, убеленные сединами мастера. Речь сводилась к тому, что «мастерский балл» нашим шахматистам абсолютно не нужен! Таланты нужны — это верно, но вовсе не лозунг: «В каждом доме — шахматный мастер!»

Всерьез такого лозунга никто не выдвигал, но в качестве шутки он уже входил в обиход. Престижные соображения (вот сколько у нас мастеров!) завладели многими спортивными обществами, и это на деле обернулось невосполнимыми потерями в качестве...

Усилиями Шахматной федерации страны процесс девальвации спортивных званий (и разрядов!) был взят под контроль и существенно ограничен. Возможно, и не стоило ворошить прошлое, но, увы, многое из того, о чем сказано выше, и сейчас вызывает тревогу...

Позволю себе привести и прокомментировать несколько цифр. 74, 50, 800... Первая цифра означает число присвоенных мастерских званий за весь довоенный период. Не правда ли, мало? Но зато какие имена! Григорьев, Рюмин, Ильин-Женевский, Романовский, Созин, Ненароков, Раузер, Лисицын, Панов... не хочется обрывать этот перечень — столь яркой, колоритной фигурой был почти каждый из мастеров того времени. Значителен след, оставленный ими в шахматном искусстве. В любой дебютной монографии мы встретим системы и варианты, названные их именами.

Шахматисты старшего поколения не без иронии замечают, что сейчас звание гроссмейстера получить легче, чем тогда — мастера. Вспоминают они исключительно строгий подход тогдашней Федерации к присуждению званий и категорий вплоть до самой доступной — пятой. И в качестве примера рассказывают случай, звучащий как парадокс. В тридцать пятом году грозный председатель квалификационной комиссии Петр Романовский отобрал у своего брата билет четвертой категории за снижение турнирных успехов.

Моим сверстникам, тем, кто боролся за звание мастера в начале пятидесятых годов, достались лишь «отзвуки» былых строгостей. Что касается личного опыта, то преодоление мастерского барьера прошло, можно сказать, в три этапа... Вначале — успешное выступление в командном первенстве СССР 1953 года, что дало право на квалификационный матч с неоднократным чемпионом Белоруссии мастером В. Сайгиным. Но и победа над ним не произвела сильного впечатления на Всесоюзную квалификационную комиссию. Решилось все на третьем этапе... В командном первенстве СССР, где я «отвечал» за первую доску команды Латвии, мне посчастливилось одолеть председателя этой комиссии гроссмейстера Авербаха. Когда он подписывал бланк партии, я подумал, что резолюция на моем представлении к званию мастера не за горами.

Говорили, что я отделался довольно легко, многим пришлось труднее. В те годы входили в строй не более восьмидесяти мастеров. А потом началась «мастерская горячка шестидесятых», когда каждое спортивное общество выдвинуло развернутый план «выпуска» мастеров. Ежегодный вал достиг крамольного числа — 50!

Повсюду организовывались десятки турниров (что само по себе неплохо), куда приглашали необходимый кворум мастеров. Старались пригласить тех, кто отличался мягким характером и был не слишком честолюбив. Хозяева поля проявляли воистину кавказское гостеприимство: встречали прибывших маэстро, несли их чемоданы в гостиницу, знакомили с достопримечательностями города. А в воздухе словно витала невысказанная мольба: «Вы уж, пожалуйста, не обижайте наших...»

«Наши» — это местные кандидаты в мастера. Стоило кому-нибудь из них удачно сыграть со своими коллегами по званию, как путь к заветной цели оказывался открытым. Добродушные экзаменаторы остерегались переступать фигурами середину доски — не проиграл бы молодой выдвиженец! И спешили оформить бланки, как только им предлагали ничью.

Не стану утверждать, что всюду дела обстояли именно таким образом. Где-то сражались всерьез, где-то играли в поддавки. А что касается квалификационных матчей... Сошлюсь на факт, о котором поведал тогдашний председатель квалификационной комиссии В. Батуринский. В еженедельнике «64» он рассказал, что в двенадцати матчах с мастерами верх одержали кандидаты на это звание. Во всех двенадцати — без промаха!

И, наконец, два слова о числе — 800... По данным на 1 января 1981 года, отряд мастеров перевалил за эту отметку. Хорошо это или плохо? Да просто замечательно, если все они — подвижники шахматного искусства, регулярно играют в турнирах, учат молодежь. Если их класс соответствует званию. В общем, если, если... Но чуть не половина из них значится только в списках. Я не имею в виду тех, кто прекратил турнирные выступления ввиду преклонного возраста. Но сколько новоиспеченных мастеров, едва обретя почетный значок, в зените лет расстаются с шахматами! Выходит, для них звание — самоцель, возможность с удобствами устроиться

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20—23.

на спортивной работе и просто престижный фактор. А кто получил звание не совсем убедительно, тот и вовсе побаивается сыграть в боевом турнире — еще, чего доброго, «завалиться» можно! Лучше, мол, сразу в отставку...

Такие мастера пользы шахматам не приносят. И было бы совсем неплохо, если бы шахматная федерация тщательно (а точнее — творчески!) пересмотрела длинный список мастеров и в особо антишахматных случаях «взяла ход назад», сняв эти звания. В какой-то мере она исправила бы ошибку, сделанную в шестидесятых годах...

Огорчает и такой факт: в последних претендентских циклах мы не видели наших молодых гроссмейстеров. Ну, никак не могут они преодолеть рубеж межзонального турнира! Правда, сегодня можно взглянуть в будущее с оптимизмом — следующий цикл, по-моему, за молодыми. Именно в последние два-три года лучшие из них сделали заметный шаг в повышении класса игры. С отличием, к примеру, сдали экзамен в последнем чемпионате страны львовский гроссмейстер Александр Белявский и выполнивший норматив этого звания красноярский мастер Лев Псахис. Радует, что оба шахматиста исповедуют бескомпромиссный атакующий стиль. А без этого в межзональном турнире многого не добьешься.

В феврале 1981 года состоялся интереснейший матч-турнир четырех команд, посвященный XXVI съезду КПСС. Это был настоящий «Большой смотр» лучших сил нашей шахматной школы. Среди четырех гроссмейстерских команд, игравших в два круга, достойно выглядела молодежная сборная страны, возглавляемая ярким и многообещающим шахматистом—восемнадцатилетним бакинцем Гарри Каспаровым. Прошлой осенью он блестяще выступил на Олимпиаде в Мальте. А я что-то не припомню, кто в таком возрасте получал приглашение в олимпийский состав. В матч-турнире Каспаров дважды сыграл вничью с Карповым, разделил очки с Романишиным (1 : 1) и нанес два поражения Смыслову. Убедительный результат!

Из той же молодежной сборной можно назвать как минимум еще двух шахматистов, чей уровень игры позволяет уже в ближайшем будущем побороться за самые высокие титулы. Это Артур Юсупов и Сергей Долматов — оба исключительно одаренные и (что особенно важно!) трудолюбивые юноши. Думаю, что и спортивного честолюбия им тоже не занимать. Сегодня эти пятеро шахматистов — наш основной, надежный резерв шахматной гвардии.

Хочу вернуться к «Матчу столетия». Рассказ о нем будет неполным, если не вспомнить об увлекательном блицтурнире, который состоялся сразу же после матча.

Шахматисты всех рангов любят играть блиц. В любом шахматном клубе можно увидеть столики, за которыми «жизнь бьет ключом»... По мельканию рук, по частым щелчкам кнопок часов можно безошибочно определить, что играются «пятиминутки». Любопытный штрих — около блицующих всегда больше зрителей, чем у партий турнирных. И это понятно. Не каждый согласен четыре или пять часов наблюдать за одной затянувшейся встречей. Короткий, раскрученный в несколько минут сюжет шахматного поединка всегда интересней!

Любят блиц и гроссмейстеры. И как только организаторы «Матча века» объявили, что после официального закрытия состоится международный блиц, чуть не половина участников сразу же забыла об усталости... Действительно, молниеносные партии — это лучший способ снять стрессовое состояние...

Играли в прекрасном холле большого санатория, куда заранее прибыли работники телевидения и журналисты. Несколько лет назад югославский литератор Дмитрий Белица издал книгу о «Матче века». Добрая половина книги посвящена блицтурниру, и только вторая часть — матчу. Вот какая честь оказана легкому жанру шахмат! В книге Белицы немало любопытных снимков, словно сделанных «скрытой камерой». Но откуда же взялись тексты партий? Ведь известно, что во время молниеносной игры запись ходов невозможна. И тогда я вспомнил мальчишек с портативными магнитофонами, которых привел на блиц автор будущей книги. Ребята старались на совесть. Когда начинались партии, они не теряли времени даром...

К моему огорчению, жребий свел меня в первом туре с Робертом Фишером. Я говорю к огорчению потому, что, как уже знает читатель, первый тур, как правило, лавров мне не приносит. Вначале примета вроде бы не оправдалась, и я имел подавляющую позицию. Любой из мальчишек, приведенных Белицей, выиграл бы тот ладейный эндшпиль. Но я начал творить чудеса, а в довершение двинул в ферзи не ту пешку... Столь счастливый старт придал Фишеру уверенность, и он не отдал лидерства до конца турнира. В результате мне удалось занять вторую ступень, остальные призовые места достались также советским участникам.

— Бобби играет блиц, как я это делал лет десять назад,— с грустью проговорил Петросян, и мне было понятно, что он хотел сказать. Я хорошо помнил, как тогда еще молодой «железный Тигран» ставил свои позиции в молниеносных партиях. Самой маленькой пешечки не зевал! А все ходы были словно связаны единой логической нитью. Теперь так стал играть Фишер, и это казалось несколько неожиданным...

Дело в том, что раньше, начиная с межзонального в Портороже, Бобби постоянно сражался в блиц с советскими гроссмейстерами. И не всегда удачно. Думаю, что общий баланс встреч у него отрицательный. Но на поражениях учатся, и Фишер не унывал. Он постоянно кого-либо уговаривал сыграть десяток-другой партий. Как-то после турнира в Цюрихе, когда я уже укладывал чемодан, меня позвала дежурная по этажу: «Мистер Таль, вас просит к телефону господин Фишер». Поднимаю трубку и слышу: «Я через час улетаю в Нью-Йорк, но если вы согласны поиграть блиц, я сдам билет»...

Во время Олимпиады в Гаване (шел 1966 год) я встретил на набережной оживленно жестикулирующих на ходу Леонида Штейна и Роберта Фишера. Оба гроссмейстера были заняты «важной» проблемой: они вспоминали позиции из своих молниеносных партий, сыгранных пять лет назад в Стокгольме! И отчаянно спорили, путая русские и английские слова,— у кого было лучше?

Спор этот продолжался и на следующий день, когда к нему примкнул страстный любитель шахмат, народный герой Кубы Че Гевара. Он предложил спорщикам немедленно сыграть десять «пятиминуток». «А Таля,— добавил он,— пригласим главным арбитром». Я с удовольствием согласился. Зная, что Леонид находился в то время в блестящей форме, был уверен, что Фишеру не поздоровится.

Но неожиданно дело приняло другой, более серьезный оборот.

— Зачем блиц? — отпарировал Роберт.— Я как чемпион Соединенных Штатов вызываю на матч чемпиона СССР Леонида Штейна... Поиграем всерьез, до шести побед.

Штейн согласился. А Фишер разыскал президента Кубинской федерации шахмат Луиса Баррераса и изложил эту идею. «Прекрасно,— ответил президент,— отличная мысль! Но я такие вопросы не решаю. Давайте обратимся к председателю подготовительного комитета Олимпиады»...

Комитет возглавлял Фидель Кастро. Он выслушал обоих гроссмейстеров и гарантировал проведение матча в Гаване. Только когда?

— Сразу же после чемпионата СССР,— сказал Штейн,— турнир начинается через месяц, и я не могу его пропустить...

— Ну, нет,— разочарованно произнес Фишер,— вы можете потерять свое звание, и наш матч не будет таким принципиальным!

Оба чемпиона были по-своему правы. Так мир и не увидел матча Штейн — Фишер, обещавшего быть весьма интересным. Через два года после памятного «Матча века» Роберт Фишер сыграл в Рейкьявике свой последний матч. И... отошел от шахмат. Больше никто не видел его ни за турнирной партией, ни за «пятиминуткой»...

А жизнь шла своим чередом. Появлялись новые имена. В 1975 году чемпионом мира стал молодой советский гроссмейстер Анатолий Карпов. К слову сказать, наша первая шахматная встреча с ним произошла тоже на почве блица.

За несколько месяцев до «Матча века» я лежал в Кунцевской больнице, ожидая крайне неприятную операцию. Время тянулось тоскливо, на душе кошки скребли. Того и гляди, врачи наложат вето на участие в матче...

Как же был я обрадован, когда узнал, что Карпов хочет навестить меня в клинике. Перед тем Анатолий выиграл отборочный турнир и получил путевку на юношеский чемпионат мира в Стокгольме. Как он договорился с врачами — мне неведомо, но в урочный час появился в палате и с застенчивой улыбкой достал из-под белого халата шахматные часы... Об умении Толи играть молниеносные партии я был наслышан предостаточно. Геллер, например, рассказывал, что с мастером Карповым многие гроссы имеют плачевный счет. И я, признаться, подумал: «А может ли больной Таль устоять против этого юноши?»

Подумать-то подумал, но вызов принял без колебаний. Боюсь показаться нескромным, но все же скажу, что простаком в блице себя не считал. Еще в бытность чемпионом мира страшно гордился титулом чемпиона МГУ по молниеносной игре. С Карповым мы бились долго, пока главврач не поднял скандал, и разошлись при счете 10 : 10...

Помню, меня уже тогда поразило, с каким искусством вел защиту молодой мастер. А если подворачивалась возможность, то и атаковал весьма изобретательно.

Через месяц после «битвы при Кунцеве» он завоевал звание чемпиона мира среди юношей, вернув нашим шахматам титул, который был утрачен еще в 1956 году. И многие уже начали понимать, что на этом рубеже Анатолий не остановится...

Прошло всего несколько лет, и Карпов начал уверенное восхождение к шахматному трону. Но об этом речь впереди.

7. ВЕРИТЬ ДО КОНЦА

Зимой семьдесят девятого чемпион мира Анатолий Карпов и автор этих строк были приглашены на соревнование в Канаде, которое сразу же получило звучное название: «Турнир звезд». Еще задолго до его начала шахматный мир оказался взбудораженным — организаторы пообещали собрать невиданно сильный состав со средним рейтингом 2620 баллов по системе Эло! Признаться, за четверть века борьбы я в подобном турнире не выступал. Да и после приглашения сомневался, состоится ли вообще такой супертурнир. Во всяком случае, до середины марта из Монреаля приходили противоречивые вести. Дело в том, что устроители соревнования столкнулись со значительными трудностями в переговорах с участниками, которые как раз в это время готовились к отборочным сражениям очередного мирового первенства. Да и вообще у каждого гроссмейстера год расписан заранее.

Скептики говорили: «Турнир всех звезд?! Это нереально...» И приводили исторические параллели, вспоминая о блестящих по замыслу, но, увы, несостоявшихся турнирах. Называли уже далекий 1921 год, когда звезды так и не собрались в ожидавшей их Гаване, и отмечали неудачную попытку устроить супертурнир в Мексике в семьдесят третьем.

Незадолго до отъезда ко мне подошел один из ветеранов Рижского шахматного клуба, игрок не особенно сильный, но всегда знающий все «околошахматные» новости:

— Вы слышали? Бент Ларсен не хочет покидать Канарские острова. В мае он обычно ловит макрель... А Властимил Горт определенно не приедет, он утомлен после Лон-Пайна и уступил свое место англичанину Энтони Майлсу. Но разве Майлс — суперзвезда?

Но вот последняя телеграмма из Монреаля. Турнир все-таки состоится.

Рейс Москва — Брюссель — Монреаль мы коротали вместе с Анатолием. И, конечно, вспоминали недавний матч в Багио. Он неожиданно спросил: «Это правда, что ты предлагал всем пари перед тридцать второй партией? Считал, что я выиграю?» «Конечно,— отвечал я,— уж больно решительный вид был у тебя, когда возвратился из Манилы...»

Читатель, наверное, помнит ту накаленную спортивную обстановку, которая сложилась у

нас перед решившей все тридцать второй партией. Я лишь добавлю немного.

В предыдущей встрече Карпов упустил при доигрывании ничью, которой легко добивался, ставя ладью на с4. Счет сравнялся — 5 : 5, и теперь игра шла до первой победы... Толя страшно переживал этот промах, вид у него был измученный. Ведь матч продолжался уже три месяца, побив рекорд продолжительности, установленный еще в поединке Капабланка — Алехин. Немудрено, что нервы у всех были натянуты, как струна. И тогда председатель нашей Федерации шахмат космонавт Виталий Севастьянов велит делегации отдыхать, а сам делает прямо-таки гениальный, хотя и не шахматный ход! Он увозит Карпова за двести пятьдесят километров в Манилу по опасным, оплывшим от дождя горным дорогам... И все это якобы ради того, чтобы поболеть вместе за наших баскетболистов в матче с югославами.

Пятичасовая тряска по ухабам, драматический поединок в переполненном зале — все это начисто отключило Анатолия от гнетущих мыслей... Он бурно болел за нашу команду, сам зажегся спортивной злостью. «Поехали в Багио, — сказал он Севастьянову, — надо кончать матч!» Все помнят, с какой решимостью вел Карпов борьбу в последней, тридцать второй партии. Не умаляя заслуг победителя, хочу выразить уверенность, что находчивость Севастьянова станет хрестоматийным примером для шахматных наставников.

В пресс-центре в Багио был аккредитован известный шахматный журналист, друг чемпиона мира — Александр Рошаль. Он хорошо вписался в ансамбль нашей делегации и, кроме своих прямых обязанностей по пресс-центру, активно помогал нам в создании у Карпова боевого, оптимистического настроя. Вся наша делегация была уверена в том, что Карпов выиграет. Не скрою, я предлагал пари, но, увы, никто это пари не принял... Когда на тридцать девятом ходу Карпов двинул вперед пешку, скромно стоящую на третьей горизонтали, я понял, что партия вот-вот кончится. Марш этого пехотинца с каждым шагом набирал силу, внося полнейшее замешательство в ряды черных фигур, рассекая их логические связи... 39. b4, 40. b5, 41. b6! Раньше, чем ходы Карпова воспроизводились на демонстрационной доске, мы угадывали их по движению его руки. И вот победа!

Ну, а я-то как оказался в Багио? Ведь тренерских навыков у меня не было. И вдруг получил статус тренера-консультанта чемпиона мира! Не слишком ли ответственный груз? Но отказаться мне не позволили обстоятельства, которые часто становятся сильнее человеческой логики... Все решилось внезапно в заключительный день международного турнира в Бугойно. Толю позвали к телефону, и я увидел, как он побелел, словно полотно... Весть была тягостной. Ушел из жизни замечательный шахматист, многие годы бывший его тренером и старшим другом — Семен Абрамович Фурман. Я хорошо его знал. Не раз вместе играли в чемпионатах страны да и в других турнирах. Фурман представлял опасность для любого соперника. Хорошо помню, как недовольно морщились гроссмейстеры, когда жребий предоставлял им в партиях с Фурманом черный цвет. Ведь он знал о дебютах больше, чем кто-либо из чемпионов мира! И это не преувеличение. «Шахматной энциклопедией» называли его гроссмейстеры, сами знавшие сотни вариантов и схем.

Он без устали работал над дебютной теорией, искал непроторенные пути и постоянно открывал новое. Анализ и поиск были его страстью. И всегда он с радостью делился находками. Во время одного из зарубежных турниров я сказал ему, что не знаю, как играть на победу против Портиша, если он изберет свою излюбленную защиту в испанской партии. Семен Абрамович тут же увел меня в свой номер и показал оригинальный план усиления игры белых. Я удивился: «Так просто? Что-то не верится...» И тогда он сказал: «Да вовсе не просто. Я работал почти два месяца. Можешь не сомневаться — все здесь проверено...»

Новинки (а их было множество!) Фурман щедро дарил своим соратникам по шахматному искусству, дарил с легкостью, хотя отыскивал их, как говорится, в поте лица. Отлично поставленный дебютный репертуар Карпова, его продуманная турнирная стратегия — во многом плод многолетнего содружества с аналитиком Фурманом...

Он был наставником Карпова, когда тот выиграл юношеское первенство мира, когда завоевал гроссмейстерское звание. Их содружество продолжалось и во время знаменитого межзонального турнира 1973 года в Ленинграде, где Карпов стал победителем, впервые заявив о своих претензиях на шахматный трон. Твердая рука Фурмана вела его и по претендентской лестнице. В блестящем стиле молодой гроссмейстер выиграл тогда матчи у Полугаевского, Спасского, Корчного...

Сплав яркого таланта Анатолия Карпова с опытом и знаниями Семена Фурмана оказался слишком крепким для других соискателей. И вот супертурнир в Бугойно — последний турнир Карпова перед матчем в Багио... Помню, как вконец расстроенный Анатолий попросил меня зайти в его номер. В тот горестный вечер он и предложил мне быть рядом с ним во время матча на первенство мира.

Мог ли я заменить Фурмана? Конечно, нет! Да и стиль игры у нас абсолютно разный... Но отказать Анатолию в такую минуту я тоже не мог. Оставалось надеяться, что мой матчевый (да и просто жизненный) опыт в Багио пригодится...

Подбадривало меня и еще одно соображение... Я был всегда убежден, что хороший тренер — это не только специалист по дебютам и кладезь знаний по миттельшпилю и эндшпилю. Жизнь показывает, что этого мало. Тренер и ученик должны быть единомышленниками. Более того, друзьями.

Очень плохо, когда тренер «давлеет» (от слова «давить») над подопечным. Скажем, шахматист любит играть остро, любит атаковать и не избегает риска, а в ходе занятий наставник начинает навязывать свой взгляд на шахматы и заставляет ученика играть сухие позиционные схемы.

Скучный и бездушный тренер может просто отбить интерес к шахматам! И что особенно важно, тренер должен быть хорошим психологом, знать характер ученика. Ведь в одной и той же ситуации надо или подбодрить, или «спустить на землю». А иной раз просто отвлечь, снять стрессовое состояние.

В этой связи вспоминаю злополучную восьмую партию из своего первого матча с Ботвинником. Сделав 40-й ход, я отошел от доски, уверенный в скорой победе. А по дороге в гостиницу понял, что проигрываю, если Ботвинник записал сильнейшее продолжение. Когда же мы с Кобленцем расставили в номере шахматы, то, к великому огорчению, увидели, что чуть раньше я мог форсированно выиграть. Не той ладьей напал на коня!

От сознания обидной ошибки, которая равнялась разнице в два очка, я полночи не мог заснуть. Утром в номер постучал Кобленц. Вид у него был неважный (он тоже спал плохо), но глаза улыбались. Манипулируя, словно фокусник, он стал раскладывать на столе чудеснейшую закуску. Из портфеля, как из рога изобилия, он извлекал маринованные красношекие помидоры, пупырчатые огурцы, аппетитный паштет... Проговорив: «Да простит меня всепланетный совет тренеров!» — он со стуком поставил на стол две изящные рюмки.

Уже к концу завтрака стрессовое состояние ушло в Лету. Мы посмеивались над моим вчерашним промахом, потом отправились бродить по Москве. В назначенный час заглянули на Гоголевский бульвар, в клуб, где без всякого сожаления я оформил капитуляцию в отложенной позиции (Ботвинник записал сильнейший ход). Вечером в оперетте мы слушали «Роз-Мари», а на следующий день с легким сердцем начали подготовку к очередной партии.

Я уверен, что этот эпизод не войдет в методические наставления для тренеров. Возможно, о нем и не следовало упоминать, чтобы не вызвать автоматического подражания. Но в той обстановке мой наставник принял единственно правильное решение. И оно лишний раз подтверждает тренерское мастерство Кобленца.

Окончание следует.

Литературная запись Олега СКУРАТОВА

УР

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Когда в 15.00 Афанасьев зашел в землянку майора Максимова, тот еще крепко спал. За самодельным столом Тоня вытирала марлей блестевшую никелем только что смонтированную радиостанцию. Ее раненая распухшая нога нестерпимо болела. Увидев Афанасьева, Тоня хотела встать, но боль в ноге так резанула, что она схватилась руками за стол.

— Сидите, сидите, Тонечка. Как нога? Не заживает?

— Я и раненая не подведу, товарищ капитан. Я готова приступить к работе хоть сегодня.

— Спасибо, Тоня, большое тебе спасибо.

— За что вы меня благодарите, я еще ничего практически не сделала.

— За то, что вы такая!

— Какая такая?

— Особенная, я только еще подумал вас попросить подготовить рацию к работе, а вы уже сами все сделали.

Максимов, просыпаясь, услыхал последние слова Афанасьева. Спрыгнув с нар и присаживаясь к столу, он сказал:

— Тоня действительно очень работящая, старательная, но, товарищ капитан, хочу вам на нее пожаловаться. Врач ей предписал строгий постельный режим, а она вместо того, чтоб лежать, не переставая, работает.

— Ну что ты прицепился ко мне со своим режимом,— отпарировала ему Тоня и, взглянув на Афанасьева, добавила: — Простите, товарищ капитан, может, я что не так сказала, виновата, исправлюсь.

Афанасьев улыбнулся, поинтересовался:

— Перевязку когда делали?

Тоня молчала.

— Уже прошло около суток,— ответил за нее Максимов.

— Это негоже. Ложись-ка сейчас в кровать — это в наших интересах прежде всего. Врач или медсестра у нас будут через трое суток, а пока перевязку сделает Матвей Егорович. Он за свою долгую жизнь в лесу не одного человека спас от верной смерти, думаю, поможет и тебе. Сейчас я его позову.

Афанасьев вышел из землянки.

Тоня посмотрела на мужа, тихо сказала:

— Не хочу я этому старику ноги показывать.

— Старика стесняться нечего, пусть посмотрит, главное, чтоб только помог, а вот молодым — другое дело. Пока я жив, ты будешь лечиться только у женщин.

— Вот ненормальный, ты скоро меня будешь ревновать даже к телеграфному столбу.

— Возможно, я страшно ревнивый.

— Разведчик должен изживать это качество.

— Стараюсь, милая, стараюсь, но пока чувствую, что все получается наоборот, оно во мне укрепляется.

В это время в землянку вошли Афанасьев и Матвей Егорович. Дед сбросил свой треух,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—23.

А Г А Н

положил на нары тулуп, подошел к топчану, на котором лежала Тоня, присел на табуретку и, улыбаясь, сказал:

— Я думал, доченька, что твоя царапина давно уже зажила, а ты, оказывается, совсем расхворалась.

— Такая я невезучая, дедушка,— отозвалась Тоня.

— Какая же ты невезучая? Ты, доченька, счастливая, посмотри, какого орла в мужья отхватила, любая красавица позавидовать может.— Максимов заулыбался.— А что касается ноги,— продолжал дед,— то скоро ты нам еще гопак будешь выплясывать.— И обратился к Максимову: — Приготовь-ка мне, муженек, теплой водички побольше, мыло, чистое полотенце и новый бинт,— затем посмотрел на Афанасьева и спросил: — Спирт-то есть или вылакали?

— Найдем,— ответил Афанасьев и вышел из землянки.

Дед вымыл руки, снял повязку и охнул:

— Эк, как гноится. Давно надо было почистить, продезинфицировать. Сколько времени-то прошло? — И, не дожидаясь ответа, взялся за дело.

Когда дед обработал спиртом рану, Тоня вскрикнула.

— Потерпи, уже недолго, до свадьбы заживет.

— Матвей Егорович, свадьба-то уже была,— отозвался Максимов.

— Ладно, это так говорится.

— Да плохая, дедушка, свадьба была, после войны справим настоящую и вас обязательно пригласим,— проговорила Тоня.

— Жив буду, обязательно приеду, детишек вам понянчу. Ну, вот и все, завтра, доченька, снова проведаю, а сейчас бывайте здоровы, пойду к себе.— И он потянулся к нарам за тулупом и шапкой.

— Погодите, Матвей Егорович,— задержал деда капитан Афанасьев, вошедший в комнату вместе с Карлышевым, который держал в руках кастрюлю.— Мы тут такую вкуснятину принесли — пальчики оближешь.

Запах жареного мяса наполнил землянку, когда дед Матвей с любопытством приоткрыл крышку.

— Закройте, чтоб не остыло,— по-хозяйски распорядилась Тоня и, обращаясь к мужу, сказала: — Саша, помоги мне встать.— Он бережно ее поднял и усадил за стол.

Афанасьев подставил Тоне под больную ногу табуретку, сбросил с себя десантную куртку и, тоже присаживаясь к столу, торжественно произнес:

— Сегодня у нас в честь гостей, прибывших с Большой земли, званый обед. Товарищ Карлышев, угощайте!

На первое был грибной суп. Карлышев быстро разлил суп по деревянным мискам, предупредил:

— Добавки не будет, осталась только одна порция для Дьяура.

— Суп вкуснющий, где только грибы-то раздобыли? — поинтересовался Максимов.

— Это в связи с вашим приездом лесник Трофимов прислал.

— Может, к такому обеду по стопке пропустим? У нас с женой бутылочка задержалась,— спросил майор.

— Ночью предстоит серьезная работа, давайте чайком ограничимся,— ответил капитан Афанасьев.

— А бутылочку-то придержите, она нам потребуется рану Тоне промывать. Спирту почти не осталось. Я вашего брата знаю, вам только дай, мигом всю посуду опорожните,— проворчал дед Матвей. Все засмеялись. Дед помнил, что в отряде майора Млынского был железный закон: спиртное выдавать всем, независимо от звания, в строго ограниченном виде, только по возвращении с боевого задания.

— Все хочу вас, товарищ капитан, спросить, что слышно об отряде Млынского, где он сейчас? Привык я к нему, скучаю что-то,— сказал дед Матвей.

— Не знаю пока. Думаю, что скоро с помощью Тони узнаем, где майор, а может быть, еще рядышком будем фашистов бить,— ответил Афанасьев.

Матвей Егорович поднялся из-за стола первым, поблагодарил за обед, вместе с Карлышевым они собрали пустую посуду и вышли из землянки. Афанасьев посмотрел на часы:

— Александр Иванович, в 22.00 приходи ко мне, проанализируем поступившие материалы, подготовим радиограммы, а в 02 часа по московскому времени начнем передавать в Центр. А вы, Тоня, постарайтесь уснуть, ночью вам придется работать.

— Слушаюсь, товарищ капитан,— ответила Тоня.

— Тогда до встречи.— Афанасьев козырнул и вышел.

Афанасьев вернулся в свою землянку, зажег лампу, расстелил на столе топографическую карту, вынул из полевой сумки материалы, стал их читать, делая отметки на карте. В это время в землянку ввалился заснеженный старший лейтенант Дьяур. Капитан, глянув на его усталое лицо, сказал:

— Отряхни снег, садись и быстро рассказывай, что там за птицу партизаны поймали. Только коротко, подробно доложишь утром.

Дьяур отряхнулся, снял шинель, пригладил волосы и не спеша стал докладывать. Афанасьев внимательно его слушал, задавал вопросы, делал отметки в блокноте. За этой работой их и застал Максимов. Отпуская Дьяура, Афанасьев сказал:

— Этот полковник Дитрих много знает. Передай Николаеву-младшему: пусть немедленно его отправят на базу партизанского отряда, только пусть смотрят в оба, чтоб не убежал. Держите связь с отрядом, если Дитрих даст ценные показания, попросите срочно нас проинформировать. Вообще это дело я буду числить за вами.

— Понял, товарищ капитан,— ответил Дьяур и вышел из землянки.

— Вот, Александр Иванович, поглядите-ка, что притащил Дьяур.— Афанасьев протянул Максимову объемистый блокнот с записями Дьяура.— По-моему, тут очень важные сведения, и они сходятся с донесениями наших разведчиков: за последнюю неделю на Московском направлении по железной дороге ежесуточно проходит от 40 до 50 эшелонов с войсками, техникой, боеприпасами и горючим.

Максимов положил блокнот на стол, сказал:

— Похоже, что полковник Дитрих говорит правду, его показания надо сообщить в Центр. А мы, Семен Иванович, должны принять срочные меры по их перепроверке. Только как? Вести наблюдение за всеми дорогами у нас сил не хватит.

— В этом деле нам могли бы помочь разведчики, действующие в армии генерала фон Хорна,— «Фауст», «Отто» и находящийся в городе священник Павел Иванович Воробьев,— размышляя вслух, сказал Афанасьев,— но для этого мне самому нужно постоянно находиться в городе.

— Пока в вашу разведгруппу не прибудет пополнение с Большой земли, вам нельзя отлучаться. Может, мне сходить в город, это будет обкатка перед выездом на самостоятельную работу? — несмело спросил Максимов.

— Нет, я не имею права рисковать вами с Тоней. Вы же хорошо знаете, что через две недели я должен вас обоих отправить в Австрию, на постоянное место работы, так решил Центр,— ответил Афанасьев.

Максимов закурил папиросу, проговорил:

— Мне в город идти нельзя, вам тоже, а показания перепроверять нужно. Как же быть?

Афанасьев прошелся по землянке, не спеша ответил:

— Пошлем Матвея Егоровича, у него есть опыт в таких делах, в городе он неплохо ориентируется, и священник его лично знает.

— А как насчет встречи с «Фаустом» и «Отто»? — спросил Максимов.

— Это пока отложим — встречи с ними обусловлены только в ресторане и офицерском казино, куда вход «только для немцев»,— Матвей Егорович для этой цели не подойдет.

— А с какими документами дед пойдет в город?

Документы подберем надежные, в этом деле нам хорошо помогают работающие в городе подпольщики. Надо бы его послать поскорее, да дед сильно вымотался во время перехода из отряда Млынского к нам: как ни храбрится, но возраст дает о себе знать. Так что пусть отоспится. Поднимешь его в шесть утра, до семи с ним поработаем, в восемь у нашего причала будет ждать Николаев-младший с катером, он и подбросит Матвея Егоровича на западный берег Гнилого озера, а там дед доберется сам, дорогу знает. Вызови к себе Дьяура, посоветуйтесь с ним, какие документы дать деду. Дьяур в нашей группе ведает всеми трофейными документами, бланками и печатями,— одним словом, главный специалист, а я пока подготовлю радиограммы.

— Хорошо,— ответил Максимов и вышел из землянки.

Афанасьев сел за стол, вынул из полевой сумки блокнот, раскрыл его и стал готовить радиограммы.

Сов. секретно
Москва
Свиридову
Вручить немедленно
Только лично

Радиограмма

Докладываю: на базу разведгруппы «Пламя» благополучно прибыли и приступили к работе майор А. Максимов и радист сержант А. Максимова в сопровождении проводника М. Е. Петрова, сержанта Никодимова и двух автоматчиков. Один автоматчик убит при столкновении в пути с подразделением немецко-фашистских войск.

«Орел»

Сов. секретно
Москва
Свиридову
Вручить немедленно
Только лично

Радиограмма

Докладываю, что на берегу Гнилого озера партизанами отряда «Смерть фашизму» захвачен командир эскадры тяжелых бомбардировщиков, входящей в 8 авиационный корпус второго воздушного флота, приданного группе ар-

мий «Центр», полковник Дитрих, который на допросах показал, что второе генеральное наступление на Москву начнется 14—15 ноября 1941 года. Эти данные им получены от командующего ударной армией генерал-полковника фон Хорна и командующего вторым воздушным флотом генерал-фельдмаршала Кессельринга. Принимаем меры к их перепроверке. Нашим визуальным наблюдением установлена активная переброска немецко-фашистских войск, техники, боеприпасов и горючего на московском направлении, в распоряжение группы армий «Центр». За пять суток только по железной дороге Смоленск — Москва через железнодорожную станцию Сухиничи проследовало 164 воинских эшелона, из них 79 с войсками, 24 — танками, 20 — артиллерией, 25 — горючим, 16 — автомашинами. Через возможности подполья и партизан продолжаем наблюдение за переброской войск противника и принимаем меры к организации диверсий на коммуникациях врага.
«Орел»

Закончив писать, Афанасьев еще раз пробежал глазами тексты радиограмм, положил в планшетку, взглянул на часы: стрелки показывали один час тридцать минут. Капитан оделся и вышел во двор. Стояла тихая зимняя ночь, крупными хлопьями валил снег. От усталости слипались глаза, и Афанасьев, взяв горсть свежего снега, растер им лицо, затем, вытершись носовым платком, направился в землянку к Максимову. В землянке под потолком ярко горела керосиновая лампа, Тоня сидела за столом у рации, а Максимов перебирал разложенные на нарах чистые бланки немецких документов.

Афанасьев, приветливо глянув на Тоню, спросил:

— У вас, сержант, все готово к передаче?

— Так точно, товарищ капитан, сеанс связи с Центром состоится ровно в два часа ночи,— отчеканила радистка.

Афанасьев вынул из планшетки радиограммы, положил перед Тоней. Она взяла их, посмотрела на листы бумаги, исписанные ровными колонками цифр, с удивлением сказала:

— Товарищ капитан, вы говорили, что у вас накопилось для Центра много материалов, а радиограмм всего только две. Готовьте еще, зимой ночь длинная, передадим.

— Пока ты болеешь, Тонечка, передачи будут вестись непосредственно с базы, и чтобы не засветить ее, мы будем передавать в Центр только самое главное, так что старайся находиться в эфире как можно меньше.

— Будет исполнено, товарищ капитан.— Тоня надела наушники, включила радиостанцию, стала искать позывные. Афанасьев и Максимов напряженно следили за ее движениями.

— Нашла. Москва вызывает нас! — воскликнула Тоня...

ГЕНЕРАЛ ФОН ХОРН ОЗАБОЧЕН

После того, как армия генерал-лейтенанта Виноградова смелым ночным контрударом смяла и отбросила на запад войска генерал-полковника фон Хорна на левом фланге, он по совету командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока перебазировал свой командный пункт поближе к линии фронта, в бункер, специально построенный саперными войсками.

Недалеко от командного пункта стояли смонтированные на автомашинах грязно-белого цвета походные радиостанции, дополнительно они были замаскированы сетками. Справа от них расположились легковые машины и мотоциклы офицеров штаба.

На верхнем этаже в небольшой комнатке бункера, куда сходились кабели и разноцветные провода, соединявшие фон Хорна с подчиненными ему дивизиями, корпусами и группой армий «Центр», разместились связисты со своей аппаратурой. Рядом с ними довольно большое помещение занимали офицеры штаба армии для особых поручений.

В угловой узкой проходной за дубовым походным столиком, заставленным телефонами, сидел новый адъютант генерала фон Хорна, высокий, сухощавый, голубоглазый блондин — подполковник Карл Гейдрих. Он бойко отвечал на телефонные звонки, отбиваясь от выходивших на фон Хорна командиров частей и соединений. Некоторых из них он переключал на оперативный отдел штаба или генерала Кемпе. Когда, например, генерал-майор Крамар начал очень настаивать, чтобы он соединил его с фон Хорном, подполковник Гейдрих, делая вид, что оказывает ему одолжение, ответил: «Командующий очень занят, но для вас постараюсь, подождите у аппарата». Он открыл дверь, держась за поручни ведущей вниз лестницы, не спеша спустился, прошел в обширную комнату, стены которой были увешаны топографическими картами с нанесенными на них знаками оперативной обстановки, наполненную теплом и залитую электрическим светом, и, вытянувшись в струнку, обратился к сидевшему за большим столом с сигарой в зубах командарму:

— Господин генерал-полковник, возьмите трубку, вам срочно хочет доложить обстановку командир 31-й мотострелковой дивизии генерал-майор Крамар.

— Гейдрих! Неужели вы не видите, что я чертовски занят! Дайте же мне наконец возможность обдумать мои дальнейшие действия. Сегодня до 17.00 все звонки из частей и соединений переключайте на начальника штаба армии генерала Кемпе.

— А как быть со звонками из Берлина, из штаба группы армий «Центр»? — несмело спросил адъютант.

— Об этом докладывайте немедленно, я сам буду решать, с кем мне говорить,— ответил фон Хорн и, поднявшись из кресла, заходил по комнате.

— Я вас понял, господин генерал,— ответил Гейдрих и скрылся за дверью.

Вернувшись к себе в кабинет, он поднял лежавшую на столе трубку, сухо сказал:

— Господин генерал Крамар, к большому сожалению, не могу выполнить вашу просьбу: командующий очень занят, переключаю вас на генерала Кемпе.

— Он все равно не решит мои вопросы,— с раздражением произнес Крамар.

— К сожалению, ничем не могу вам помочь.— Гейдрих переключил рычаг, положил трубку, откинулся на спинку стула и закурил. В это время раздался зуммер аппарата прямой связи. Гейдрих схватил трубку.

Звонил командующий вторым воздушным флотом генерал-фельдмаршал Кессельринг. Он приказал срочно соединить его с генералом фон Хорном.

Гейдрих, зная крутой нрав командующего, тут же переключил телефон на фон Хорна, который, поморщившись, снял трубку:

— Я слушаю вас! — И услыхал знакомый голос генерал-фельдмаршала Кессельринга.

— Уважаемый Хорн! У меня к вам необычная просьба. Пожалуйста, выручите нас. Дело в том, что после бомбежки Москвы русские истребители подкараулили и сбили в тылу вашей армии, над лесом, недалеко от Гнилого озера, наш тяжелый бомбардировщик «хейнкель-111». Командир нашего разведсамолета, пролетавшего в это время над лесом, видел, как из горящего «хейнкеля» выпрыгнули два офицера на парашютах и спустились в лес. Один из них летчик, а второй — командир эскадры тяжелых бомбардировщиков, полковник, герой боев в Испании, заслуженный ас нашего воздушного флота и мой личный друг. Прошу прочесать лес и выручить моих офицеров.

— Когда это случилось?

— Пять суток тому назад.

— Почему же вы сразу не позвонили мне об этом?

— Мы думали, что они сами смогут добраться в расположение наших войск.

— Простите, генерал-фельдмаршал, но прошло слишком много времени. Они, возможно, уже замерзли или еще хуже — попали в руки партизан, а организовывать поиски в лесу, который кишит бандитами, рискованная затея. Да, пожалуй, и поздно уже.

— Дорогой Хорн, прошу вас, помогите нам их найти. Дело заключается в том, что полковник слишком много знает. Если он попадет к партизанам, это нанесет ущерб фатерланду. Самолеты для доставки ваших солдат в район поиска я немедленно вышлю,— настаивал на своем Кессельринг.— Когда я получу ответ?

Фон Хорн, взглянув на часы, сказал:

— Завтра в 10.00.

— Почему так поздно? Желательно побыстрее. Сейчас же зима, в лесу они долго не продержатся.

Фон Хорн надел очки, взглянул на висевшую на стене карту.

— Район приземления военных летчиков находится на расстоянии 200—250 километров от линии фронта. Там нет моих войск, я должен все хорошо продумать, а то бросимся выручать двоих — потеряем сотни. Завтра в 10.00 я дам вам ответ, господин Кессельринг.

— Я надеюсь, что он будет положительным.

— Посмотрим, что нам даст проработка этого вопроса,— отозвался фон Хорн и, любезно распрощавшись с генерал-фельдмаршалом, снова переключил аппарат на адъютанта.

Неслышно ступая по ворсистому ковру, к командующему вошел начальник штаба армии генерал-лейтенант Кемпе с папкой в руках. Фон Хорн пригласил его присесть к столу и, угощая сигарой, спросил:

— Когда вы закончите перегруппировку войск на левом фланге?

Кемпе прикурил сигару, ответил:

— Господин командующий! Вы же отлично знаете, что русские нанесли нашим войскам, действовавшим на левом фланге армии, огромные потери. Особенно губительным был огонь их новых, страшных реактивных снарядов, которые русские называют «катюшами». Некоторые наши части оказались фактически разбиты, другие потеряли до половины личного состава, потеряно значительное количество боевой техники, особенно тяжелой.

Фон Хорн поморщился, глубоко затянулся и с раздражением проговорил:

— Это все я знаю не хуже вас, мой Кемпе. Сейчас хочу получить ответ на вопрос, который только что вам задал.

Кемпе кашлянул и взглянул на фон Хорна, потом перевел взгляд на раскрытый блокнот:

— Господин командующий, только ваша предусмотрительность — отвести войска левого фланга армии на заранее подготовленный оборонительный рубеж — спасла наши войска от катастрофы.

Лицо фон Хорна просветлело, он скупо улыбнулся. Кемпе, заметив перемену в его настроении, продолжал:

— Господин командующий, в соответствии с вашим приказом разбитые части отведены в тыл на переформирование. Их заменили свежими дивизиями, прибывшими в ваше распоряжение из Франции. Части, которые понесли значительные потери, мы отводим во второй эшелон для пополнения и довооружения. Их позиции передаем соединениям, находящимся в вашем резерве. Эту работу мы полностью закончим через трое суток.

— Это хорошо, Кемпе, но меня беспокоит, что вы таким образом израсходуете мои резервы. А вести наступательные операции без резервов не может ни один стратег. Воевать с русскими без резервов чертовски опасно. Это равносильно сидению на пороховой бочке. Эти дикари фактически выбросили за борт все правила ведения войны. Они воюют днем и ночью, в дождь и снег, появляются там, где их никто не ждет, стреляют до последнего патрона, не только здоровые, но и раненые. Со связками гранат, с криками «ура» бросаются под танки. Они предпочитают смерть плену! Смотрите, как получилось на нашем левом фланге. Мы на них успешно наступали, они огрызались, но пятились на восток. Оставили нам несколько населенных пунктов, крупный железнодорожный узел и вдруг ночью неожиданно нанесли по нашим войскам мощный контрудар. О нет, с этими бандитами я воевать без резервов не могу и не хочу, понимаете, не хочу, тем более что нам с вами в составе группы армий «Центр» предстоит раскусить еще самый крепкий орешек — взять столицу русских — Москву.— Все больше раздражаясь, фон Хорн повышал голос.

Кемпе выбрал момент, когда фон Хорн замолчал, и тихо заговорил:

— Господин командующий! Ваши резервы не только не уменьшились, а значительно возросли. В ваше распоряжение уже прибыли из фатерланда 31-я мотострелковая дивизия генерала Крамара, 12-я танковая дивизия гене-

рал-майора Гюнтера. Только что получена шифрованная телеграмма командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока о направлении в ваше распоряжение из Франции 21-го механизированного корпуса под командованием генерал-лейтенанта Шольца.— Кемпе вынул из папки шифровку и положил перед фон Хорном. Командующий прочитал телеграмму, расписался и, возвращая ее, сказал: — И все же, Кемпе, даже с этими частями резервы у нас пока небольшие. Учтите, чем ближе мы продвигаемся к Москве, тем сопротивление русских становится все сильнее, все ожесточеннее. Какие сюрпризы они еще смогут преподнести нам в ближайшее время, об этом никто из нас не знает, даже сам Гитлер. Поэтому, чтоб застраховать себя от всяких случайностей и неожиданностей, мы с вами, уважаемый Кемпе, должны иметь значительные резервы и умело ими маневрировать с учетом складывающейся оперативной и боевой обстановки в полосе наступления. Резервы — это наш козырь в войне с русскими.

Кемпе, внимательно выслушав фон Хорна, сказал:

— Господин командующий! Даже по тем данным, с которыми ознакомлен наш штаб, силы и средства в группе армий «Центр» огромны. Я хотя и небольшой стратег, но считаю, что их, вероятно, достаточно, чтоб захватить Москву и поставить русских на колени, а там и войне конец.

Фон Хорн прищурил глаза, внимательно посмотрел на него и не спеша ответил:

— Да, Кемпе, вы птица небольшого полета, из вас командующего армией или тем более группой армий никогда не получится. Вы слишком самонадеянны, к тому же не умеете анализировать обстановку, плохо знаете противника. Вы хоть поинтересовались историей России? Должны же вы представлять, с кем воюете!

Кемпе, покраснев, ответил:

— Если бы мне пришлось изучать историю всех стран, которые мы покорили, мне не осталось бы времени воевать. Я человек военный и изучал в академиях военное искусство, а сейчас практически постигаю его на полях сражений. Очень рад, что мне выпала честь воевать вместе с вами, учиться у вас, господин командующий.

Фон Хорну понравились последние слова генерала, он улыбнулся в ответ.

— За период войны с Россией вы кое-что уже постигли, но имейте в виду, что Советская Россия — это такой противник, что даже после падения Москвы он не запросит мира. Вспомните войну России с Наполеоном. Я убежден, что красные будут воевать с нами до последнего солдата. Покорить эту великую и чертовски богатую страну мы сможем только при условии поголовного истребления ее населения.— Фон Хорн задумался, заходил по кабинету. Потом резко остановился перед генералом Кемпе, спокойным голосом спросил: — Кстати, вы разослали приказ Гитлера командирам частей об уничтожении всех пленных при наступлении на Москву, за исключением, конечно, тех, кто нужен для нашей разведки?

— Господин командующий, приказ фюрера мы разослали всем командирам частей и соединений.

Фон Хорн продолжал:

— После ознакомления командиров частей с этим приказом верните его в Берлин, а то, если он дойдет до русских, мирового скандала нам не избежать.

— Я понял вас, господин командующий. Все будет сделано наилучшим образом,— ответил Кемпе. Он забрал папку и в сопровождении адъютанта и двух автоматчиков поехал в штаб армии.

Фон Хорн, оставшись один, снова переключил связь на адъютанта Гейдриха, завел маленький будильник и поставил его перед собой на столик, затем расстегнул пуговицы мундира, укрыл ноги присланным из Берлина женой шерстяным пледом и, развалившись в кресле, задремал.

Продолжение следует.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

НАУКА И РЕВОЛЮЦИЯ — СЕСТРЫ

В тот день в Гаване было пасмурно. Шел дождь. Океан тяжко ворочался, глубоко вздыхал и окутывал город своим цепким соленым дыханием. И хотя термометр показывал 20 градусов тепла, гаванцы надевали теплые куртки и говорили, зябко поеживаясь: «Пришла зима».

Однако профессор Педро Каниас Абриль был одет по-летнему — в хлопчатобумажный спортивный костюм. Худой, легкий, он стремительно поднялся мне навстречу, пожал руку. И от его мягкой улыбки показалось, что тучи развеялись и в комнату заглянуло солнце. На стенах и столах в его рабочем кабинете — географические карты. На них Куба словно покачивалась на волнах синего океана.

Педро Каниас Абриль — известный ученый-географ. Республика высоко оценила его заслуги — он Национальный герой Кубы. А недавно профессор Абриль вместе с советскими коллегами получил премию Государственного Комитета СССР по науке и технике за яркую фундаментальную научную работу — «Атлас Кубы».

И, конечно, наш разговор был о географии — его любимой науке, о той дружбе, что связывает наши народы, о долге и счастье ученого, учителя.

— Наше время предъявляет к ученому особые требования,— говорит профессор.— Преданность науке, одержимость идеей, талант, трудолюбие, личная честность... Это прекрасные качества, но теперь их для ученого мало. Он должен еще очень любить людей, работать для их счастья, быть интернационалистом. Есть примеры, когда талант и знания исследователя не приносили миру пользы. Мы, кубинцы, понимаем это особенно ясно, мы завоевали свое счастье в тяжелой борьбе, мы знаем твердо — настоящий ученый не может быть аполитичным...

— «Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза, и песня с бурей вечно сестры»,— читаю я строки Брюсова.

— Именно так! Наука и революция тоже сестры. Не случайно после революции Фидель сказал, что будущее нашей родины должно быть будущим людей науки, будущим людей мысли. Семена мы сеем сейчас. Меня воодушевили эти слова Фиделя...

Педро Каниас Абриль минуту молчит, перелистывает Атлас, лежащий на столе, и продолжает:

— Я сказал, что настоящий ученый сейчас должен быть интернационалистом. Мою любимую науку — географию — я назвал бы школой интернационализма. Эта наука помогает понять общие закономерности развития тех или иных стран, узнать обычаи и нравы разных народов, условия, в которых они живут. А знание сближает людей...

...Шестьдесят лет назад перешагнул Педро порог дома, у входа в который богиня Знания широко раскинула руки: «Принимаю всех жаждущих учиться». С тех пор очень многое изменилось в Гаванском университете, но и сегодня переехавшая на другое место мраморная богиня встречает каждого, кто поднимается по широкой лестнице на Университетский холм: «Принимаю всех жаждущих учиться».

Юноша Педро жаждал учиться. Он верил тогда, что входит в свободный университет. Но вера эта пошатнулась, когда полицейские ворвались в аудитории, арестовывая профессоров и студентов, недовольных диктаторским режимом Мачадо.

Педро занимался тогда на факультете права. После окончания университета молодой юрист остается ассистентом на кафедре, начинает читать лекции по праву и одновременно поступает на географический факультет. Наука о земле все более увлекает его. Не менее волнуют и события общественной жизни. Он вступает в революционную студенческую организацию.

История Гаванского университета пишется при нем. В 1923 году мощная волна движения за университетскую реформу поднимает на борьбу молодежь. Но чтобы осуществить ее, надо освободить страну от оков империализма. Это понял лидер движения Хулио Антонио Мелья, основатель Коммунистической партии Кубы. Молодой преподаватель Абриль поддерживает требования прогрессивно настроенных студентов и профессоров. Он рукоплещет профессору Пересу, заявившему на своей лекции: «Слушайте внимательно, я безмерно горд тем, что с этой трибуны могу сказать всем: я — большевик».

Однако реакция торжествует. Гаванский университет закрыт. Педро Абриль и многие из его коллег уволены.

Ну как не вспомнить здесь слова Ленина, сказанные о другом университете — Московском: «...Закроешь университет — откроешь уличную борьбу. Откроешь университет — откроешь трибуну для народных революционных собраний, готовящих новых и еще более решительных борцов за свободу».

Возмущение народа нарастает. В 1933 году диктатор Мачадо свергнут, университет открыт! Еще не раз в годы реакции будет отстранен от преподавания профессор географии Педро Каниас Абриль. Но и тогда он будет связан кровными узами с Гаванским университетом. Он слушал пламенные речи Че Гевары. Его студенты тоже уйдут вместе с Фиделем Кастро в горы, чтобы сражаться за победу революции...

1 января 1959 года застает Педро Абриля в Гаване. С первых дней революции он, известный ученый, имеющий большой опыт исследовательской и преподавательской работы, назначен руководителем Министерства высшего образования.

То было трудное для республики время. Многие представители буржуазной интеллигенции предали свой народ, бежали с острова Свободы. Но лучшие остались. Они создают Совет университетов революционной Кубы, университетов, теперь по-настоящему свободных, действительно принимающих в свои стены «всех жаждущих учиться». Профессор Абриль становится заместителем председателя Совета университетов.

— Мне всегда казалось, что по складу характера я больше исследователь, преподаватель, а особых административных способностей у меня нет,— говорит Педро Абриль.— Но тогда нас, профессоров, осталось на Кубе мало, нам пришлось браться за создание новой революционной системы образования, становиться государственными людьми. И знаете — у многих открылся подлинный организаторский талант. Тогда я уже твердо знал — нет ученого вне политики, вне любви к своей родине. А любить родину значило служить революции...

В 1966 году создается Институт географии Кубинской Академии наук. Профессор Абриль единогласно избирается его директором.

— Свою работу мы начали с составления самых различных карт Кубы,— рассказывает ученый.— Такие карты содержат сведения не только о самом острове, но и о деятельности на нем человека. До революции знания эти были ничтожны.

Новый атлас можно считать итогом многолетнего труда, сотрудничества специалистов моей страны и Советского Союза. Сорок учреждений принимало участие в этой фундаментальной работе! Географы, геологи, геофизики, океанологи, метеорологи, почвоведы, демографы, специалисты по сельскому хозяйству, промышленности, культуре. Атлас рассказывает о природе, животном и растительном мире, полезных ископаемых, истории, экономике, культуре страны. Он отражает все характерные черты как самого кубинского архипелага, так и населяющего его народа. Он дает полную характеристику страны, ее прошлого и настоящего. Он позволяет даже заглянуть в будущее Кубы, показывая те социалистические изменения в ее жизни, которым еще предстоит развиться, вскрывая резервы богатой кубинской природы.

— Большинство карт составлено не только впервые для Кубы, но и вообще для тропической зоны,— подчеркивает профессор.— Вот почему работа имеет большое научное и хозяйственное значение для целого ряда развивающихся стран — ведь почти все они находятся в тропической зоне.

— Кубу всегда называли ключом к Латинской Америке. Сейчас остров Свободы превратился в важный научный центр по изучению тропиков. Атлас Кубы — тому свидетельство. А над какими проблемами работает ваш институт сейчас? — спрашиваю я.

— Второй съезд Компартии Кубы намечает огромные задачи. В том числе дальнейшее развитие в стране научных исследований, более широкое использование природных ресурсов острова, еще более тесные научные контакты Кубы и других социалистических стран. Мы, в частности, приступили к составлению геоморфологических карт Кубы. Эта работа тоже рассчитана на несколько лет. Часть исследований идет по планам «Интеркосмоса». Изучение территории Кубы и прилегающего океана ведется параллельно наземными и космическими средствами. Полученные разными методами фотографии и сведения о почве, атмосфере, полезных ископаемых, океанском дне, течениях и о многом другом сравниваются, досконально изучаются. Как видите, и в космосе география тоже является наукой дружбы,— улыбаясь, заканчивает ученый.

Профессор Педро Каниас Абриль.

Фото журнала «Боэмия»

Гавана — Москва.

Г. Коржев. Род. 1925. ЕГОРКА-ЛЕТУН. 1976—1980.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

И. Савенко. Род. 1924. МАГИСТРАЛЬ. 1980.

Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

«Как вас обслуживают» — так мы назвали новую рубрику, которую открыли в № 16 «Огонька» подборкой коротких интервью с жителями столицы «Четыре сердитых монолога».

На эту важную сторону жизни было обращено особое внимание на XXVI съезде КПСС. Известно, что в сфере обслуживания появилось много хорошего, прогрессивного. По-новому стали работать прачечные, обувные мастерские, магазины самообслуживания, открылось много красивых кафе, столовых, введены новые формы оплаты за хорошее обслуживание, поднимается престиж работников этой когда-то не очень уважаемой, беспокойной сферы нашей жизни. Все больше и больше приходит сюда молодежи, прямо со школьной скамьи бывших десятиклассников, людей, достаточно образованных, культурных, вежливых, терпеливых. Это очень важно. Ведь, что греха таить, работать с людьми, порой усталыми, раздраженными, очень не просто. Тут надо обладать не только профессиональными навыками, но и большой культурой, тактом, знанием человеческой психологии и просто добротой к людям. Об этом «Огонек» писал в № 22 (Р. Лихач «Вас много...»), пишут об этом и наши читатели. В их письмах, к сожалению, пока практически нет положительных примеров. Читатели возмущаются невнимательным отношением к людям, нарушением элементарной этики и просто недобросовестным отношением к своим обязанностям людей, находящихся, как иронично заметил один читатель, «некоторым образом на работе». Сегодня мы публикуем несколько писем из нашей почты и напоминаем, что хотелось бы увидеть на страницах журнала рассказы о том положительном, что есть в нашей сфере обслуживания, о добросовестных, радушных людях, обладающих высокой культурой человеческого общения, помогающего нам всем жить и трудиться с хорошим настроением.

КАК ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ

«МЕЛОЧИ» ЖИЗНИ

Остановись, такси!

Вы пригласили читателей к разговору о недостатках в сфере обслуживания. Конечно, было бы приятнее написать вам о чем-то хорошем. Но, увы...

2 мая этого года мы с женой и нашей 4-летней дочерью собрались навестить бабушку, поздравить ее с праздником. Вышли из дому, а на улице идет сильный дождь. Чтобы не простудить ребенка, мы решили поехать на такси. В 13.15 я остановил такси на ул. Красноармейской. За рулем сидел молодой парень. Я спросил его, отвезет ли он нас на ул. Ковпака. Надо заметить, что эта улица пересекает Красноармейскую в самом ее конце, то есть находится по пути. Он ответил, что если поворачивать не надо, то до пересечения этих улиц он нас отвезет. Я ответил, что мы с ребенком и проехать по ул. Ковпака нужно всего лишь один квартал. Но водитель сказал, что он едет по своим делам в район автовокзала и сворачивать никуда не желает (автовокзал находится в 2—3 минутах езды от ул. Ковпака). Когда я ему сказал, что он некоторым образом находится на работе, то в ответ услышал лишь ругань. Я записал данные, находящиеся на карточке, укрепленной на панели автомобиля. Вот они: АТП 09104, фамилия водителя Остапенко.

Надо отметить, что в Киеве несколько таксомоторных парков. Когда сталкиваешься с водителями АТП 09101 или АТП 09102, то почти всегда остается хорошее настроение. Водители вежливые, всегда опрятно одетые, машины у них чистые. Но когда судьба сводит с представителями АТП 09103 или АТП 09104, то даже если не откажут и не нахамят, все равно поездка в грязных таксомоторах с неопрятными водителями за рулем обязательно испортит настроение. Кроме того, они часто превышают скорость движения, нарушают правила перестроения из ряда в ряд, «подрезая» других водителей, и т. п. Сам я за рулем уже 11 лет, и меня удивляет спокойствие представителей ГАИ. Хотелось бы со страниц журнала «Огонек» напомнить некоторым киевским водителям, а может быть, вначале руководству Киевпассавтотранса (т. Горая Ф. М.), что такси не собственность водителей и вежливо обслуживать людей их прямая обязанность.

Д. С. ЗУБКОВ

Киев.

Где купить билет?

Сейчас часто слышишь, что на станциях нет билетов, а проводники сажают и без билетов с большим удовольствием. Хочу рассказать о себе. Мы живем в 65 км от железной дороги, в распутицу можно доехать только на тракторе. 8 января нам позвонили из Вологды, что мама очень заболела и нужно срочно приехать. Директор дал мне трактор до станции. Ехали мы шесть часов и запоздали на 10 минут. Билетов на 178-й поезд мне уже не досталось. Когда подошел поезд, начальник поезда разрешил посадку на 22-е свободное место. Я заплатила 20 рублей и пошла в свое купе. Перед самой Вологдой начальник поезда вызвал меня к себе и вручил квитанцию: 8 рублей — штраф, 5 рублей за проезд в купейном вагоне и 7 рублей сдачи. Конечно, он меня выручил, но что меня удивило: в поезде еще были свободные места, а в кассах билетов нет. Почему происходит такая неразбериха?

Н. В. БЕРЕЖНАЯ

Совхоз Степной,
Сарпинского р-на,
Калмыцкой АССР.

За сто километров

Мы живем от г. Кизела далеко — сто километров, в поселке Верхняя Косьва, Пермской области. Почту возит нам почтальон Неживясова Н. П., но нерегулярно. Бывает, что и не все номера газет «Сельская жизнь» и «Комсомольская правда» получаем. А про письма и говорить нечего. На наши жалобы почтальон Неживясова отвечает нам: «Не нравится — будете ездить сами за своей почтой!» Это за сто-то километров сами?! А на что же почтальон?..

Мы, пенсионеры (Косогорова А. Е., Александрова М. А., Пузырная и др.), уже 3-й месяц не можем получить пенсию и не знаем, с кого и у кого спрашивать. Так что же делать? Где же искать утерянные номера газет, где брать письма, у кого получать пенсию? Хоть и есть у нас радио и телевизор, но этим сыт не будешь. Хочется и самой почитать информацию в газетах, журналах. Почему же вместо писем, газет и журналов на почте постоянно получаешь оскорбления и грубые окрики? Помогите.

А. КОСОГОРОВА

пос. В. Косьва,
Пермской обл.

Простая вещь

Последнее время появилось много хороших товаров для детей. Но вот такая досадная мелочь. Купила я своей полуторагодовалой дочке сандалики (цена 2 р. 02 к., Кунгурская обувная ф-ка) и войлочные сапожки, неплохие с виду. Но у обеих пар обуви подошва гладкая, как полированная. Ребенок все время падает. Неужели у работников этих фабрик нет своих детей, и они не понимают такой простой вещи, что на детскую обувь не годится скользкая подошва.

Ю. СУДАКОВА

Читинская обл.,
Сретенский р-н.

Где купить игрушки?

Пишет вам жительница поселка Гаурдака, что находится в Туркменской ССР, Янкова Нина Васильевна. Мы смотрим по телевизору, читаем журналы, газеты, и везде говорится о заботе о детях. Но тем не менее у нас в районе забота эта не чувствуется. Есть клуб, но в нем нет кружков для детей. Есть магазин игрушек, но купить игрушку — целая проблема, хороших нет, а плохие никому не нужны. На наш большой поселок всего одни ясли. В школе у детишек в классах холодно. Отопление не подключено, света нет. Конечно, я неоднократно обращалась к себе на Гаурдакский серный завод, и опять ничего, дети по-прежнему мерзнут.

Много лет строится «Зона отдыха», но конца этому строительству не видно. Летом у нас жара в тени достигает до 45° и негде искупаться. Вот порой и приходится думать, неужели только о нас так плохо заботятся.

Н. ЯНКОВА

Туркменская ССР,
п. Гаурдак.

Ждем у моря погоды

Зачем ставить Знак качества на вещь, не соответствующую ему? Вот вам пример. Приобрели мы телевизор «Изумруд-210» новосибирского завода «Электросигнал». Конечно, со Знаком качества, гарантийный срок 1,5 года. Хорошо! И смотрели мы его нормально несколько месяцев. А затем начались мытарства: то мастера вызываем на дом, то везем телевизор в ателье на ремонт. Приобрели мы его 6 августа 1979 года. Отвезли в телеателье 9 августа 1980 г. (до этого несколько раз был мастер на дому). Простоял он там до 20 сентября 1980 г. И с тех пор то привозим, то увозим. После ремонта он работает несколько часов, и опять то же самое. Документа на замену не дают, по каким причинам — неизвестно (хотя есть такие указания).

Наверное, надоела я в ателье своими еженедельными приходами. Дали справку на замену телевизора. 31 января 1981 г. сдали его в магазин. А там сказали, ждите, когда рекламация придет. И вот сидим у моря, ждем погоды. Просто обидно. Детей учим бережно относиться к вещам, рассказываем, сколько затрачено средств и труда, чтобы данную вещь сделать, а взрослые дяди и тети, оказывается, этого не понимают. Во сколько обходится государству их головотяпство?

А. ИСТОМИНА

Джамбул.

Пропавшая бандероль

26 февраля 1981 года отправила дочери поздравление с праздником 8 Марта и небольшой подарочек из Иванова в Москву. Приехала в Москву 26 марта и узнала, что моя бандероль не получена.

Вернувшись в Иваново, пошла на Главпочтамт. Там в окне «Жалобы» мне предложили заплатить 20 копеек за открытку для запроса. Заполнив все как положено, стала ждать ответа. Прошел месяц, и вот получаю уведомление, что моя бандероль при проверке в поступлении не значится.

Что это: отписка или желание скрыть попытку к хищению, где, спрашивается, блуждает моя бандероль? Кто должен ее искать, или мне опять идти на почту и снова подавать жалобу, и снова ждать ответа месяц. Что нам — больше нечего делать, как только ходить с жалобами.

В. СМИРНОВА

Москва.

Недоразумение или халатность?

Моя мама живет в Свердловской области, и 15 января мы собрались с дочкой к ней в гости. Купили билет на поезд № 103 «Алма-Ата — Свердловск». Досталcя нам плацкартный вагон № 7, но когда мы подошли к поезду, сервис превзошел все ожидания: вагон № 7 оказался вагоном-рестораном. Но нас с дочкой больше волновал наш сон, чем ужин. И мы пошли в восьмой вагон. Проводник был в нетрезвом состоянии, не очень понял наши притязания, но на всякий случай послал нас в вагон № 9. После долгих переговоров бригадир поезда разрешил посадку, а добрые люди приютили нас с дочкой на нижней полке.

Н. СЕДУЛОВА

Кокчетавская область,
Арыкбалыкский р-н.

Куда девать бутылку?

Много лет мы простаивали в очередях в прачечные. Эти очереди были темой для карикатур, фельетонов, эстрадных куплетов. Теперь эта проблема решена! Очередей в прачечных нет. Зато до сих пор существует проблема стеклотары. Ведь это же просто каторга простаивать на улице часами с огромными сумками с пустыми бутылками из-под воды, пива, вина, пепси-колы. Почему это происходит? Пунктов таких мало, часы работы неудобные, все остается на субботу. Вот и скапливается народ. Иной раз подумаешь: за 2—3 рубля мучиться, лучше выбросить эту посуду. А ведь это только для нас двадцать рубля, а для государства стеклотара — вещь необходимая.

А. ГРОССМАН

Ленинград.

РАДОСТЬ ОТК

Видный искусствовед, заведующий отделом ВНИИреставрации Министерства культуры СССР Савелий Ямщиков — организатор и участник многочисленных выставок, посвященных важным открытиям в области древнерусской живописи и русского портрета XVIII—XIX веков. За плодотворную деятельность по сохранению и пропаганде отечественного художественного наследия С. Ямщиков награжден Серебряной медалью Академии художеств СССР и удостоен премии Ленинского комсомола. В предлагаемом очерке рассказывается о кропотливом процессе поиска и спасения живописных шедевров русского Севера.

Савелий ЯМЩИКОВ,
лауреат премии Ленинского комсомола

С каждым годом расширяется круг людей, вникающих в сложные аспекты нашего ремесла и познающих вечную красоту иконописных образов. А мне вновь и вновь вспоминаются первые наши экспедиции.

Мы работали в запасниках Петрозаводского музея, когда ранней зимой 1963 года получили из Кижей тревожный сигнал: «Живопись многих икон в катастрофическом состоянии. Красочный слой шелушится, а левкасный грунт висит буквально на волоске». Записка такого содержания заставила тотчас выехать к месту происшествия.

«Ладога» делала последний рейс в навигацию уходящего года. Снег успел уже припорошить берега Онего. Тонкий, прозрачный лед, похрустывая, ломался под килем парохода. На прибрежных откосах зеленели в снегу пятна травы, успевшей вырасти после летних покосов, и если бы не беспокойство за судьбу кижских икон, поездка, превратившаяся в предновогоднее путешествие, могла доставить немалое удовольствие. Но мы спешили, и нам казалось, что «Ладога» движется слишком медленно. Наконец, причалили. В распоряжении три часа — ровно столько, сколько нужно пароходу, чтобы сходить до Великой Губы и подобрать нас на обратном пути. Воспользовавшись помощью зимних сторожей, срочно кипятим воду и растворяем кубики рыбьего клея. Затем бегом в собор. Клей не должен остыть, иначе все пойдет насмарку. Особо опасно ведет себя живопись «Царских врат», отстает левкас на иконе «Богоматерь Тихвинская». Тонкие листочки папиросной бумаги, пропитанные теплым клеевым раствором, приостановят временно процесс разрушения, закрепят отстающие фрагменты грунта. Работать очень тяжело — клей студенеет на глазах. Легким и простым делом кажется сейчас расчистка живописи в «домашних» условиях по сравнению с таким «неответственным» занятием, как наложение профилактической заклейки.

Три часа отняли много сил. Первые меры предосторожности мы приняли. Живопись выдержит суровые зимние условия.

Летом следующего года мы вплотную занялись реставрацией семнадцати икон Преображенской церкви. Для их укрепления потребовалось несколько месяцев. Бригады реставраторов стали приезжать в Кижи каждую осень, когда окончен бурный туристический сезон и можно спокойно трудиться над восстановлением древних памятников. Время до неузнаваемости изменило подлинное лицо авторской живописи уникального иконостаса. Темные пленки

«Зосима и Герман мотыгами землю копают». Деталь иконы XVIII века.

«Избавление от казни». Клеймо иконы «Никола в житии». XVIII век.

лака, следы грязи и копоти скрывали краски старых икон, делали неразличимыми линии рисунка; отдельные детали и целые сюжеты были погребены под слоями поздних записей и прописей. Состоялось много споров и дискуссий, прежде чем реставраторы сделали пробные расчистки на кижских иконах. Предположения о необходимости раскрытия живописи церкви Преображения оправдались в первый рабочий день. Компресс, растворивший прочную запись на иконе «Богоматерь Тихвинская», рассеял сомнения о художественных достоинствах памятника. Не раз писали в протоколах, что икона эта смотрится инородным пятном в иконостасе и нужно ее убрать в запасник. А после окончательной расчистки поздних наслоений и олифы открылась северная живопись, видимо, современная постройке храма. В реставрированном виде «Богоматерь Тихвинская» — важнейшее звено нижнего яруса, как его принято называть в специальной литературе, местного ряда Преображенской церкви.

Год 1964-й был юбилейным для почитателей творчества старых северных мастеров. 250 лет прошло с того дня, когда легендарный зодчий Нестор закончил строительство Преображенского собора на острове Кижи. Некоторые удивятся, почему решили отмечать дату завершения постройки всего-навсего одной деревянной церкви. Не празднуем же мы годовщины, связанные с сооружением огромного количества архитектурных жемчужин, не менее важных для истории мирового зодчества, чем Преображенский собор. Причина, объясняющая проведение юбилейных торжеств 1964 года, проста и логична. Церковь Преображения в Кижах — вершина творчества гения северных архитекторов. Так уж повелось, что даже само название острова Кижи превратилось в символическое обозначение лучших проявлений создателей местного искусства. Попробуйте завести разговор о Карелии вообще, не вспоминая про ее древности, и вас обязательно спросят о Кижах. Одно время старались объяснить интерес современников к архитектуре онежского острова модным увлечением древностью. Модная волна быстро спала, но посмотрите, сколько людей бережет в своем сердце постоянную привязанность к северному краю, и прежде всего к искусству народных мастеров прошлого, памятники которого в таком изобилии сохранились на земле карельской. Серебристые главы Преображенского собора, его силуэт, словно вырезанный на фоне северного неба рукою талантливого художника, стройную гармонию зодчества и природы забыть нельзя. Люди всегда будут возвращаться в Кижи, ибо здесь — свидетельство вечной красоты, созданной гением человечества.

Петрозаводский музей принял самое активное участие в подготовке к празднику северной культуры. Скальпель реставраторов возродил из небытия немало первоклассных памятников заонежской живописи. Некоторые иконы были полностью расчищены, на других мастера сделали пробы. Эти маленькие окошечки словно приоткрывали перед зрителем завесу в прекрасный мир древнего искусства, интриговали живописным богатством, находящимся пока в своеобразном плену, под поздними наслоениями записей и черного лака. Собранные воедино, вновь открытые памятники явились великолепным материалом для организации выставки.

Готовя к показу отреставрированные карельские находки, мы преследовали цель познакомить широкий круг людей с первыми результатами важной работы по изучению творческого наследия древних художников, трудившихся в заонежских землях. Все, кому тем летом посчастливилось приехать в Карелию, увидели не просто приуроченную к юбилею выставку. Они присутствовали при самом начале прочтения новой главы в истории отечественного искусства и стали первосвидетелями открытия прекрасных созда-

ний северного художественного творчества.

Работы по реставрации древних произведений изобразительного искусства в Кижах продолжаются по сей день. Результаты их обнадеживают. Местный ряд центрального собора целиком восстановлен. Раскрыты редкие иконы XVI века в церкви Лазаря Муромского; на очереди — иконостас часовни Михаила Архангела. Через несколько лет Кижи будут славиться не только как хранилище архитектурных диковин, но и как музей северной живописи.

Процесс проникновения в сущность древнерусской живописи, освоение сложного художественного языка иконы необычайно трудно даются современному человеку. Мы воспитаны на искусстве реально легкодоступном, конкретном, отображающем жизненные явления. Иконопись говорит исключительно на языке символов. Она имеет свои строгие законы, именуемые каноном. Канонические рамки расширялись древними мастерами, но никогда не ломались. Строгие требования канона, порождавшие кажущуюся на первый взгляд стереотипность икон, заставляли талантливых мастеров находить разнообразные решения одной и той же темы. Самобытным и индивидуальным дарованием отличаются работы художников Новгорода, Пскова, Суздаля, Москвы, Ростова Великого.

Более тысячелетия существует изобразительное искусство на Руси. Создателями многих памятников иконописи были выходцы из народа, поэтому мы с полным основанием можем говорить о народных корнях древнерусской живописи, отразившей быт, облик и нравы людей той эпохи, природу родной земли, духовные чаяния и идеалы наших далеких предков.

Народный характер древнерусской живописи ярче всего проявился в произведениях, предназначавшихся для украшения многочисленных приходских церквей и домашних интерьеров. Поэтизация природы, гармоническое единство сюжета, использование устных преданий и легенд — неотъемлемые принадлежности старых икон, сказавшиеся прежде в их жизнерадостной расцветке. Элементы фольклора охотно переносились художниками на иконные доски.

И особенно ощутима народная сущность древнерусского изобразительного искусства в северных памятниках. Былинная величавость северной природы и размеренный ритм жизни в отдаленных, труднодоступных областях наложили отпечаток на искусство местных художников. Иконы, найденные на Севере и выставленные в музеях Петрозаводска, Архангельска, Вологды и Каргополя, отличаются простотой, незамысловатостью сюжета. В народной живописи, бытовавшей на Севере, меньше профессионального мастерства, чем в классических русских иконах, но сила здешнего искусства в том, что оно тесно было связано с жизнью человека, украшало многотрудные его будни и праздничный досуг.

На фоне серых бревенчатых стен Покровского собора Кижей изумительное сочетание скромных, незвучных красок северной иконописи с чуть тронутым серебряной патиной интерьерами деревянной церкви наглядно убеждает в неразрывной связи северной живописи и архитектуры.

Большинство старых церквей строилось из дерева. Деревянную церковь не распишешь фреской, не выложишь мозаикой. Только икону можно повесить на стену храма или укрепить в резных тяблах. Дерево служило основным материалом и для зодчего и для иконописца. Это обстоятельство лучше всего объясняет, почему столь широкое распространение на Руси получила икона. Особенной популярностью искусство иконописи пользовалось на Севере, где все храмы украшены исключительно произведениями станковой живописи и резьбой по дереву.

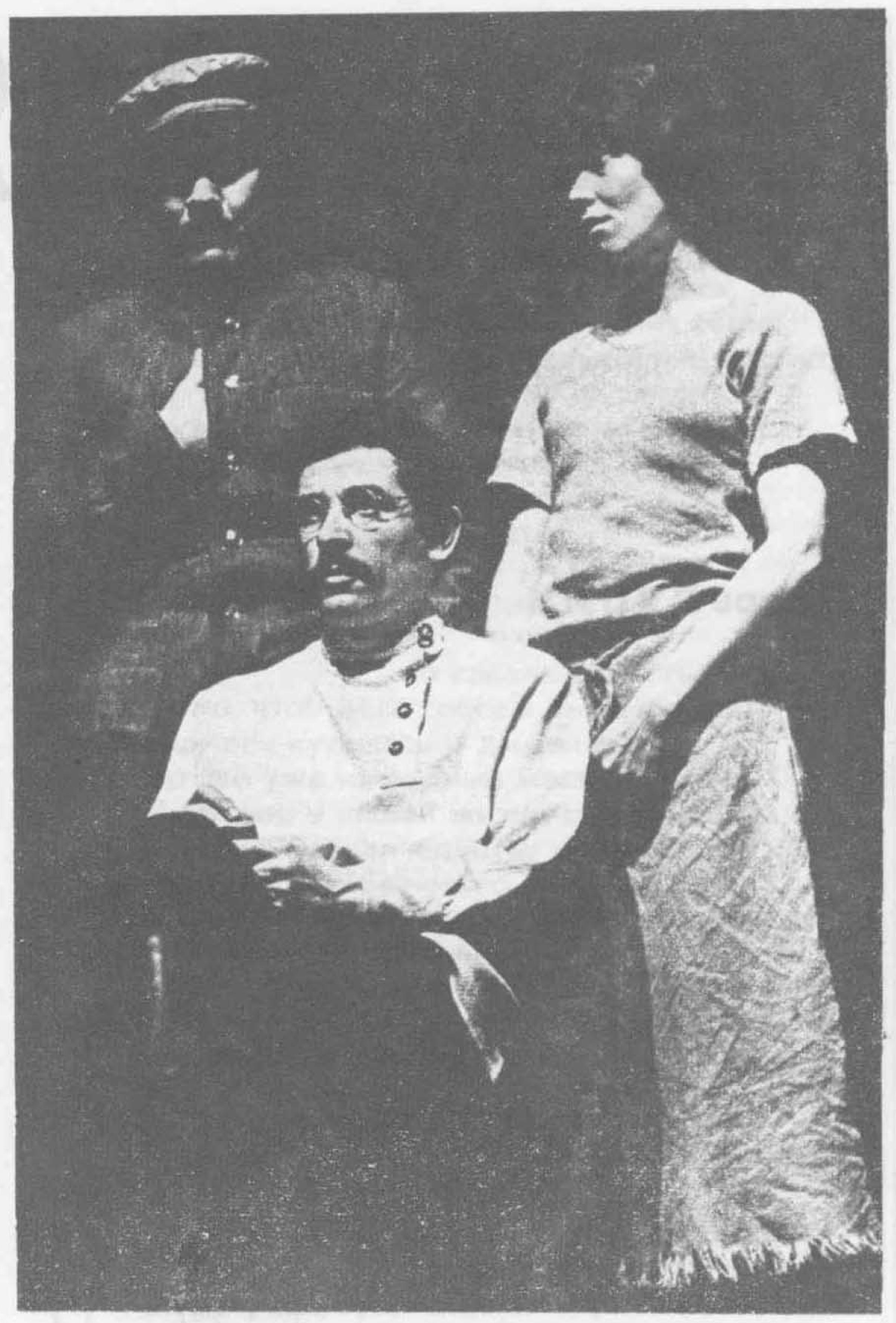
Планировка северных храмов, поражающих внешними формами и невиданными по красоте декоративными деталями, внутри сведена обычно к элементарной архитектурной схеме. «Жестокие ветры и суровые стужи,— писал Игорь Грабарь,— заставили ограничить помещение храма обидно тесными рамками и низвели все потрясающее богатство его шатров, кубов, бочек, теремков и глав на степень простой декорации... Не следует, однако, думать, что входящего внутрь ждет одно только разочарование. Иные из них внутри производят неотразимое впечатление и иногда прямо поражают своей суровой простотой, на фоне которой тем тоньше и изысканнее играет то скромное убранство, которое сосредоточено главным образом на иконостасе. Иконостас — почти единственное место внутри храма, где народ, столь чуткий к узору и ритму, давал волю своему декоративному инстинкту. И действительно трудно придумать сочетание более удачное, нежели ряды этих чудесных икон, играющих красивыми красками, словно переливающихся самоцветными камнями, кое-где тронутых золотом, и эти строгие, иссиня-черные бревна стен».

Слова ученого относятся ко всем деревянным сооружениям северных зодчих и прекрасно характеризуют художественную суть местной архитектуры и живописи. Мне же при чтении этих строк прежде всего вспоминается иконостас Преображенской церкви в Кижах, особенно его местный ряд, который нам довелось спасать.

Чтобы понять древнее искусство Озерного края, необходимо пожить на Севере, познать мир северного человека. Заонежье наших дней немногим отличается от далекой эпохи строительства кижских храмов. Та же природа, тот же климат, та же духовная чистота и добросердечность его обитателей. Высаживаясь из лодки в деревне Воробьи, работая в Корбе или слушая пение птиц в Подъельниках, испытываешь такое чувство, будто машина времени перенесла тебя на много веков назад. Неужели где-то летят самолеты, мчатся поезда, готовятся к запуску ракеты? Вспоминаешь о повседневной напряженности суетливого атомного века и невольно завидуешь старым художникам. Древние творили наедине с природой — потому так величественно и бессмертно их искусство.

РЫТИЯ

ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ

гастроли

Как это непросто — беседовать с залом, заполненным юными зрителями, о вещах серьезных, извечно волнующих человечество: добре и зле, правде и лжи, дружбе и любви, поисках своего места в жизни... Однако Орловский ТЮЗ не боится разговора на эти и другие острые моральные темы с ребятами всяких возрастов и не упрощает их. И чуткая аудитория благодарно откликается на это доверие. Театр, руководимый главным режиссером Ю. Копыловым, он же режиссер-постановщик многих пьес, еще очень молод: ему всего пять лет. За этот короткий срок коллектив создал двадцать пять весьма разнообразных по жанру и темам спектаклей, семь из которых привез на московскую сцену. Театр еще торит свою дорогу, ищет формы общения со своим зрителем, далеко не все бесспорно в его работах, но тем не менее, думается, он уже нашел свое лицо. Его герой непременно романтик; чист душой, предан в дружбе и любви, своему делу, бескорыстен, честен и горяч. И он симпатичен зрителю. С каждым новым спектаклем в Москве, я видела, театр приобретал новых поклонников.

Привлекла зрительское внимание драма «Педагогическая поэма». Нет, это не инсценировка известной книги А. С. Макаренко; это поэтический сплав, вобравший в себя и эпизоды «Поэмы» и выдержки из писем, статей, лекций великого педагога. А. Макаренко в исполнении Д. Евстафьева ведет задушевный разговор с залом. Герой исповедуется в своих радостях и огорчениях, он порой близок к отчаянию, когда случаются неудачи, но любовь к своим воспитанникам, чувство долга берет верх, заставляет снова идти по своему нелегкому пути. Актеру удалось показать незаурядность натуры Антона Семеновича, его обаяние, чуткую душу и умное сердце. На едином дыхании, колоритно созданы актерами и образы колонистов.

Спектакли театра ярки, броски, режиссерски точно и четко выстроены, актеры стремятся напрямую войти в контакт со зрителем. Запоминается Ж. Хрулева — Мария Львовна, верная спутница Полежаева («Профессор Полежаев» Л. Рахманова). В этой хрупкой, деликатной немолодой женщине столько силы, что она становится опорой всем, кто находится рядом. Миша Бочаров в той же пьесе в трактовке В. Запорожского — образец душевной чистоты и преданности. Электра Е. Успенской («Любовь моя Электра» венгерского драматурга Ласло Дюрко) сильна необыкновенной твердостью духа, неприятием лжи и готовностью бороться за истину даже ценою собственной жизни. Хорошо ведет роль Д'Артаньяна («Неистовый гасконец») А. Поляк, заставляя зрителя восторгаться жизненным кредо своего героя: «верность в дружбе, презрение к смерти и рыцарская любовь». Большая идейная нагрузка, по режиссерскому замыслу, падает на образ шута («Двенадцатая ночь»), мудрого толкователя человеческих поступков — его темпераментно сыграл В. Кушнарев. Сэр Тоби в том же спектакле в исполнении Е. Гамбурга приобрел остросатирическую окраску.

Ребятишки помоложе аплодировали спектаклю-игре — так определил жанр театр — «Питер Пэн» Дж. Барри (режиссер-постановщик А. Байрамкулов, художник О. Земцова), где каждый актер перевоплощается в несколько персонажей, вовлекая в действие зрительный зал. Спектакль жизнерадостный, добрый, насыщенный песнями (автор их — актер театра А. Ленец), танцами, красками. Большим успехом пользовалась и постановка «Тысяча и одна ночь», рассказывающая о приключениях Аладина, сделанная с тонким, изящным юмором.

Художник С. Шавловский создал лаконичное, выразительное оформление спектаклей, способствующее более полному восприятию авторского замысла.

Спектаклям Орловского ТЮЗа, помогающим нравственному и эстетическому воспитанию подрастающего поколения, покорны все ребячьи возрасты.

Л. НАТОЧАННАЯ

На снимке: сцена из спектакля «Педагогическая поэма».
Фото А. Козьмина

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Игорь ЛЯПИН

ПОЭМА

* * *

Да, быль как боль.
Она острее здесь.
Она вошла тут в каждую травинку.
Перед глазами
самый первый рейс —
Идем из Красноярска
на Дудинку.
Все глуше,
все мрачнее берега.
Еще на них угрюмый лес корежит
Та вековая жуткая тоска,
Что до сих пор
развеяться не может.
Нас провожают створы да буи,
А ветер жестче,
а волна покрепче.
И горести житейские свои
Становятся все мельче,
мельче,
мельче...

* * *

Ухнет волнища —
и берег качается.
Держимся в графике четко —
точь-в-точь.
Сутки, вторые —
а день не кончается
Вот оно, чудо-то —
белая ночь.
Белая ночь —
голубая,
не белая,
Белая ночь —
и не ночь
и не день.
К берегу катит волна белопенная,
Меньше и меньше живых деревень.
Только волнение
леса прибрежного,
Только гнилая избенка видна...
От Маклакова
до города Снежного
Горькие были качает волна.

* * *

Волна меня несла,
несла,
несла,
Распахивая настежь
даль за далью.
Ведя по рубежу добра и зла,
По горькому для всех воспоминанью.
В какой мы только не были дыре,
В каких тогда упряжках не таскало
По Енисею,
и по Ангаре,
И по Байкалу,
и вокруг Байкала.
Висели от беды на волоске,
И ветром
и волною с ног валило.

Все эти строчки здесь пришли,
в Москве,
А там, в тайге,
все это проще было.
И не могло нам в голову прийти
Что, привыкая к дебрям понемногу,
От будущего главного пути
Ходили мы уже неподалеку.

3

От главного пути неподалеку,
На складе рельсов, стеганок и шпал
Некрасова
«Железную дорогу»
Прораб своим строителям читал.
Была для всех конторка тесновата —
Кто в полушубке,
кто и налегке.
Стояли тихо славные ребята,
Зеленые, как елочки в тайге.
Читал прораб своим осипшим басом
Так истово,
как будто верил сам,
Что не писатель
Николай Некрасов,
А он, прораб,
все это написал.
Про мерзлый грунт,
про мертвый стук лопаты
Про насыпи, бегущие в глуши,
И мне казалось,
что не для бригады
Читает он,
а больше для души.
Читал прораб.
И здесь, на самой стройке,
Для каждого представшей без прикрас,
Со школьных лет заученные строки
Звучали так,
как будто в первый раз
Расслышаны как следует.
Так было.
В устах прораба
под метельный свист
Протяжный,
от которого знобило,
Они особый обретали смысл.
И виделся тот давний,
тот далекий
Печальный мир ямщицких скоростей,
В котором только строились
дороги —
Прабабушки стремительных путей.

* * *

А в том,
еще не капитальном,
Поселке дальнем
Магистральном
Водили вьюги хоровод.
И в ожиданье вертолета
В кругу задорного народа
Пришлось мне встретить Новый год.
В сосновой новенькой столовой,
Где новый шеф и повар новый,
Забив недавний запах щей,
Дыша тайгою откровенно,
Сияла елка,
как царевна,
И стали столики тесней.
Весь новогодний этот вечер
Заваривался чай покрепче —
Поскольку был
сухой закон.

И речи были очень кратки,
Зато гремели без оглядки
Гитары и аккордеон.
Но к полночи завскладом Рита
Нашла-таки бутылку спирта —
Одну
на сорок человек!
И в позу мы не становились,
Все сорок честно причастились
И вышли в ночь на белый снег.
Мело,
и воздух был морозным,
А небо,
небо было звездным,
И звезды падали к ногам.
Искрился снег, темнели ели,
Шутили все, а после пели,
И пели, впрочем, не про БАМ.
Не о себе слова тянулись.
Казалось,
люди оглянулись
Назад —
на дедов, на отцов.
Не горло надрывали —
душу,
Все про Каховку, про Катюшу,
Да про буденновских бойцов.
И так бродили мы в поселке,
Пока над гребнем грузной сопки
Не обозначилась заря.
И чувство,
чувство было свято,
Что эти парни и девчата
Сюда приехали
не зря.

* * *

А ехали, конечно,
кто за чем.
Кто за рублем,
а кто, глядишь, за славой.
Как и повсюду, в жизни
между тем
Народ вокруг и сильный был и слабый.
Тому — масштабы кипятили кровь,
А тот от тещи убежал — и здрасьте!
Кто шел забыть несчастную любовь,
А кто искать, как говорится, счастья.
Вбивались в землю первые столбы
И в спорах обговаривались сроки.
Переплетались:
линии судьбы,
И жизни,
И стремительной дороги.
Я был сюда любой поездке рад.
Спасибо, что столица не держал
И даже выдавала мне мандат
Солидного московского журнала
Я отдавался полностью делам,
Чоб не томиться,
не вздыхать,
не грезить,
Но, видно, никакой работой нам
Волнений сердца
не уравновесить.

* * *

Снова был на просеке, на рубке,
А теперь в вагончике сижу.
Я сижу на койке в полушубке
И портянки влажные сушу.
Здесь дыра,
и БАМ пройдет не скоро,
А зима в таких местах лютей.

Окончание. См. «Огонек» № 23.

И нужны тут ясли,
баня,
школа,
Чтоб уж было все, как у людей.
И какой бы снеговей ни дунул,
Здесь,
где тишина оглушена,
Человек работал и не думал,
Как там ребятишки,
как жена...
От столицы далеко-далеко,
Будет вечно в памяти моей
Эта
между соснами веревка
С ползунками детскими на ней.
Мне в парткоме, где такой же холод,
Вечный от курильщиков туман,
Объяснили: — Нужно строить город,
И такой,
чтоб сразу был Генплан.
Чтобы с первой сваи рос вернее,
Посмотрел и видишь —
вот он, весь,
Хоть и говорят:
Москве виднее,
Все-таки видней, наверно, здесь.
Речь людей проста и не пространна,
Слушай да для дела замечай,
Ну, а после девушка Татьяна
Крепкий нам заваривает чай.
И в парткоме, в этой комнатенке,
С жаркими стаканами в руках,
Говорим о городе, о стройке,
О житейских всяких там делах.
Секретарь вздохнет: проблемы, дескать.
А народ-то в общем — мировой.
Оставайся — скажет — дней на десять.
Говорю: — Да нет, пора домой.
И отмечу с тихою печалью,
Посмотрев в замерзшее окно:
Я совсем по дому не скучаю,
А ведь так быть в жизни
не должно.

* * *

Раздался скрип парткомовских дверей.
Она входила грузными шагами,
Завьюженная женщина
с глазами
Далекой однокурсницы моей.
Ударил ветра свежего порыв,
И даже задышалось сразу легче.
Я искренне обрадовался встрече —
Привету той, студенческой поры.
Мы были слишком юны, черт возьми!
Она дышала книжными страстями,
Она считала — пропасть между нами,
И мы расстались разными людьми...
И вот вдвоем по Звездному бредем,
Над нами небо звездами искрится,
И никуда не надо торопиться.
Мы думаем о давнем,
о своем.
— Ну, как ты здесь, рассказывай, ну, как?
Она сказала: — Так, обыкновенно.
Ушла от мужа.
Дочь растет, Елена.
Да ты и сам как будто холостяк...
Звезда упала — я не загадал.
У фонарей носились снега блестки.
И я спросил, без всякого, по-свойски:
— А что он, твой, наверно, попивал?
Ответила: — Да нет. И пить не пил
И не гулял, был даже домовитым,
Но слишком трезвым был
и деловитым —
И этим все, наверно, погубил.
Да сам ты как? Худющий-то какой!
Я увидала — просто сердце сжалось.
Ужель тебе так и не повстречалась
Та женщина, что стала б дорогой? —
И вдруг вздохнула, шарфик теребя:
— Я многого тогда не понимала.
Ты вспоминал меня?
Я вспоминала.
Я очень-очень помнила тебя.
А я молчу.
Вот-вот начнет светать,
И целый мир как будто в колыбели.
И нелегко еще на самом деле
Как следует друг друга понимать.

4

Рецепт лекарства, в общем, был простым.
Поскольку мы с одной ходили болью,
Ей нужно было встретиться с другим,
Как мне,
ты слышишь,
встретиться с тобою.
А линия судьбы опять, опять
Куда-то не туда ведет, вихляет.
Когда,
кого
и с кем соединять —
Кто знает?
Видно, только жизнь и знает.
Я через день в Москву вернусь, домой.
Но год пройдет —
раньше, не позднее —
Мы встретимся негаданно с тобой
На лестнице в Бахрушинском музее.
Ты будешь вся в дела погружена,
А я приду как жертва любопытства.
Судьба ли, нет, но сердце вдруг: — Она!
Она! Она!— и чаще станет биться.
Еще пахнет тревогой и бедой,
Но жизнь уже нам радость подарила —
На миг застыть
на лестнице одной,
Руками за одни держась перила.
В тот самый миг все было решено.
Несвязные слова лишь подтвердили,
Что ты и я
уже давным-давно
В душе готовы к этой встрече были.
Как голубело небо надо мной
И как легки казались все заботы,
Когда на Павелецкой-кольцевой
Я первый раз встречал тебя с работы.
Но радость гаснет искоркой костра...
И вот,
уже на целый мир в обиде,
В Коломенском
у домика Петра
Стоим с тобой
и выхода не видим.
Так сразу всполошились все кругом,
Казалось, случай просто безысходный:
Возникли тут коллеги и партком,
Народный суд и пересуд народный.
И сколько было тягостных минут,
Когда друзья плечами пожимали:
Мол, мы поймем,
да все ли так поймут?
И, как бы извиняясь,
отступали.
И снова тяготила нас печаль,
Что надо объяснять везде буквально:
Любовь — всегда высокая мораль,
Жить в нелюбви
вот это аморально.
Стоял в аллеях праздничный галдеж,
А дали,
дали очень были мглисты.
Он в самом деле начинался,
дождь,
И раскрывали зонтики туристы.
Ударил гром, как будто в нас попал.
Ты вздрогнула
и вдруг —
почти с мольбою:
— Послушай, ты искал меня?
— Искал...
— Ну так пойдем!
И мы пошли с тобою.
Дождь припускал.
Он лил как из ведра.
Но так светлы, так ясны стали дали.
И мы в дожде счастливые бежали
В Коломенском у домика Петра.
Звезда над нами ясная зажгись
Или тревога новая повисни —
Но судеб наших линии сошлись,
Став линией единой нашей жизни...

* * *

Твоим глазам спасибо говорю
За этот мир,
не ставший мне пустыней.
И кажется, чем больше в них смотрю,
Тем светятся они
необъяснимей.
Какая в них таится глубина,
Какая тайна древняя хранится,
Каких ночей вздыхает тишина,
Каких рассветов ясный свет струится?
То вспыхивают,
нежностью светясь,
То шалость в них, то давняя усталость.
Ни трепетней, ни ярче этих глаз
Мне ничего на свете не встречалось.
То в них печаль, то радость в них горит,
То властность с нерешительностью спорит,
То женщина, как девочка, глядит,
То девочка совсем по-женски смотрит...
Что только не читал в глазах твоих —
И скорбь,
и отрешенность,
и участье.
Я со слезами боли видел их
И жаждал видеть
со слезами счастья...
Не то чтоб даль совсем была чиста —
Еще она курилась и дымилась.
Но всё уже на верные места
И прочно в нашей жизни становилось.
Хоть я в Байкал монетку не бросал,
Но служба и без этого призвала.
Я снова отправлялся на Байкал.
И ты меня в дорогу собирала.

5

А там, в тайге, был снег по пояс,
Когда,
не скор
и не тяжел,
По новым рельсам
новый поезд,
Дорогу пробуя, пошел.
Несуетливо утверждая
Расчет и риск —
не чью-то блажь,
Гудком басистым убеждая,
Что он реальность
не мираж,
Что ни в каких снегах-буранах
Вовеки неостановим.
И рельсы прочные на шпалах
Слегка пружинили под ним.
И тут же, подводя итоги
И свой приветствуя парад,
У насыпи, у той дороги
Шумел строительный отряд.
И перед радостью великой
Пространство поезд раздвигал.
И кто-то
алою косынкой,
А кто-то
шапкою махал.
И возникали слева, справа,
Еще неслышные вчера
Слова
«Да здравствуют»,
и «слава»,
И —
как ответ на них —
«Ура!»
Они так искренне звучали,
Когда в порывах огневых
Ребята с удалью качали
Бесспорных лидеров своих.
И тут,
как будто вдруг опомнясь,
Лихой, сорвавшийся почти,
Ликующе всплеснулся голос:
— Наш паровоз, вперед лети!..—
И вскоре поезду вдогонку,
Как продолженье торжества,
Про ту —
в коммуне —
остановку
Летели светлые слова.
Они звенели и хрипели,
И отражалось в тех словах,
Что песню эту деды пели
Еще с винтовками в руках.

* * *

С винтовками...
И вспомнил я твой взгляд
Тревожный, переполненный волненьем,
Тогда с тобой смотрели мы парад
С трибуны той, что рядом с Мавзолеем.

Рубился шаг, держался строго ряд,
И ликовали гости на трибуне.
А что парад?
Он раз в году парад.
Вся остальная служба —
это будни.
Они и труд твой ратный и почет.
И, топая на первые ученья,
Смекаешь сам,
что «Родина зовет» —
Слова
неповторимого значенья.
Парад и служба —
небо и земля.
Теперь я вижу свежими глазами —
Был батальон и впрямь одна семья,
А друга друг не видел месяцами.
Наш мир не скоро будет просветлен,
Армейская продлится путь-дорожка.
Еще из пропыленных тех колонн
Помашут наши Мишка и Сережка...
Об этом я задумавшись стоял,
Когда, еще не больно как напорист,
На новых рельсах скорость набирал
И там, в тайге, скрывался новый поезд.
А после в новом клубе был концерт,
Всем так легко смеялось и мечталось...
И, наконец, кладу в карман билет,
И только ночь до вылета осталась.

* * *

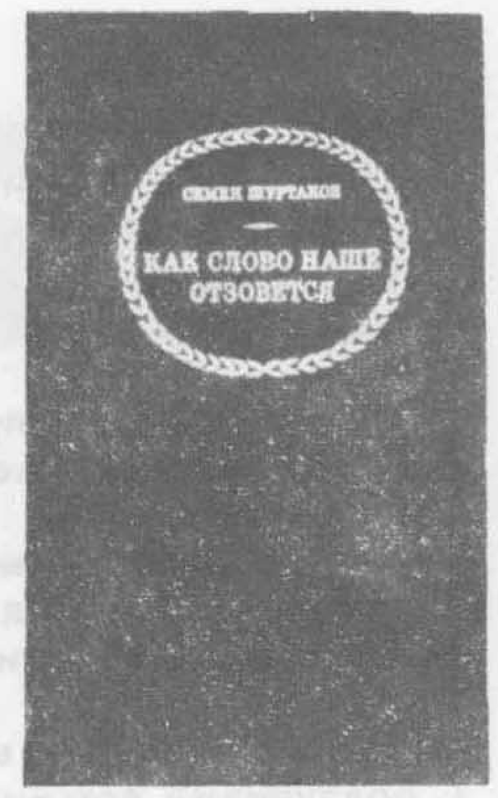
Не мог уснуть.
Я вслушивался в ночь,
Хоть ясно,
что там ночь ни напророчь,
Но властный день стремительно войдет
И, что не по нему,— перечеркнет.
Заставит окунуться с головой
То в праздный шум, то в слишком деловой.
И стану я запальчиво опять
То набело, то начерно писать.
В какие-то вникая пустяки,
Звонить и откликаться на звонки.
Не выпадет минуты ни одной
Побыть наедине с самим собой.
А я уже не мальчик, и нужна
Хоть изредка такая тишина,
Которая позволит мне в пути
Остановиться, дух перевести.
Услышать ясно грустный скрип подвод,
И шум очередей в голодный год,
И речки плеск.
Увидеть, наконец,
Тот холмик,
под которым спит отец,
Сестру больную с ужасом в глазах
И молодую маму всю в слезах.
Победной той и горестной порой
Мы выживали вместе со страной.
И, сами голодавшие не раз,
Друзья отца подкармливали нас.
Да, пусть не повторится та беда,
Но и не канет в Лету никогда.

6

Домой, домой!
Я время торопил,
Предчувствуя, как сердце встрепенется,
Когда он задрожит, могучий «ИЛ»,
И по бетонке взлетной понесется.
Как будто я к последнему броску
С тяжелой,
полной выкладкой готовлюсь.
Курс на Москву,
ты слышишь,
на Москву,
Курс на тебя, а я не успокоюсь...
Заветное попробуй позабудь.
В душе моей твои слова лучатся:
— Придумай, ну придумай что-нибудь,
Чтоб нам с тобой уже не разлучаться.
Сиял московский аэровокзал,
Мне ставили отметки на билете.
Я помню — посмотрел в твои глаза
И отшутился.
В общем, не ответил.
Он прост был,
смысл твоих прощальных слов,
Теперь я слышу в них мольбу такую,
Такой порыв,
такой горячий зов,
Уже я так тревожусь и тоскую...
И пыл пропал, и гонор мой иссяк.
Чтоб после не казнить себя жестоко,
В слова любимых вслушивайтесь так,
Чтоб осязать их,
а не слышать только.
Слова любимых...
В них всей жизни суть.
Потом с такою болью вспоминаешь:
«Придумай.
Ну придумай что-нибудь!
Чтоб нам с тобой,
чтоб нам... ты понимаешь?»

* * *

У нетерпенья свой, понятно, счет,
Оно еще потребует усилий.
Не так он скор, признаться, самолет,
Когда летишь над матушкой Россией.
Страна, как мир,
что вдоль,
что поперек.
На этой даже реактивной птице,
И то не враз, не в больно краткий срок,
Домчишься от Иркутска до столицы.
Пока стоит густой турбинный шум,
Пока навстречу даль тебе несется,
Тут столько передумается дум
И столько чувств у сердца всколыхнется.
Плывут, как горы хлопка, облака.
Вниз посмотрю — опять леса увижу.
Который час тайга,
тайга,
тайга...
И все-таки столица ближе,
ближе.
Она вдали, спокойна и мудра,
С Кремлем высоким, с тихим Мавзолеем,
С Коломенским, с тем домиком Петра,
С той лестницей в Бахрушинском музее.
А лайнер тянет, будто по реке,
По ровному широкому теченью.
Лечу домой.
Лечу не налегке,
И вечность
отзывается мгновенью.
Лечу домой и сердцем слышу зов.
Смотрю, смотрю в простор необозримый,
И столько есть невысказанных слов
И столько чувств в душе невыразимых.
Переплелись и радость,
и беда,
И горечь,
и раздумья,
и усталость.
Но не придется вскрикнуть никогда:
— Ах, с памятью моею что-то сталось...
Нет, я не позабуду ничего,
Проверю сердцем все свои сомненья.
Я родом из России,
из того
Клейменного бедою поколенья.
Мы дети той
обугленной страны
И никогда не ждали, не просили,
Чтоб нам отцы
на блюдечках с войны
Еще конфетки счастья приносили.
Они, отцы, порой судьбу кляня,
Но безупречно верные Отчизне,
Стояли, как на линии огня,
На линии своей реальной жизни.
Нам фронтовые пели соловьи,
И как мы хмуро брови ни насупим,
Но автобиографии свои
Ни за какие марки не уступим.
Она пришла к нам вовремя,
пора
С иллюзиями юности расстаться,
Узнать, что нет
абстрактного добра
И что со злом
конкретно
нужно драться.
Какое испытанье ни придет,
В добро нам верить.
Только.
Не иначе.
Пусть женщина любимая поет,
Пусть никакая женщина не плачет.
Нам помнить
до своих последних дней,
Как мир суров,
как люди в нем ранимы,
Как на земле
по сути по своей
Добро и зло
вовек
непримиримы.

ИСТОК

Наверное, это правомерно, что свою новую книгу публицистики «Как слово наше отзовется» Семен Шуртаков открывает уже известным читателям очерком «Исток». В чем исток нравственной чистоты, духовной зрелости человека? Где и когда начинается формирование его гражданского «я»?..

В общении с огромным миром природы с первых шагов по земле, когда уходил крестьянский мальчик в ночное и, словно переставая жить обычной жизнью, переносился «в далекий волшебный мир сказки с его захватывающими дух чудесами, в которые хотелось верить и легко верилось», — в этом исток творчества писателя. Лучшие страницы таких лирических повестей Шуртакова, как «Трудное лето», «Возвратная любовь», «Где ночует солнышко», «Подгон», — о любви к родной земле, своему краю. И в вошедших в новую книгу очерках «Эмблемы родной земли», «Хохлома золотая», «Всего ты исполнена, земля Русская!..», звучит та же гордость за историю, красоту и богатство родного Отечества: «Пусть в образ Родины у молодого человека естественно вписывается и распространившееся над одной шестой планеты знамя Октября, и Куликово поле, и народная русская песня... И гидростанция на Ангаре, и храм Покрова на Нерли. И космический корабль, летящий в просторах Вселенной, и репинские «Бурлаки», бредущие бечевой по берегу Волги. И электрическая лампочка под потолком родной избы, и резные наличники на окнах, а еще и наша русская березка под теми окнами... Никакими словами, никакими сравнениями образа Родины не исчерпать».

И все-таки слова и образы ищут и находят, как искали и находили их в прошлых веках. К этому поиску Шуртаков причастен не только как писатель, но и как воспитатель, преподаватель Литературного института имени А. М. Горького, руководитель творческих семинаров. В книге Семен Иванович обращается к молодым литераторам с серьезным разговором о взаимосвязи реального и эстетического, о влиянии жизненного опыта на художественное произведение, о борьбе за чистоту русского языка и в информации на газетной полосе и в крупном произведении.

Свою жизненную и творческую позицию автор подкрепляет фактами, выверенными собственным опытом, обосновывает разносторонним конкретным материалом. Рассматривая такую, казалось бы, теоретическую проблему, как новаторство, Шуртаков утверждает, что истинное новаторство заключается в новом взгляде писателя на жизнь, в том новом содержании, что «явил миру тот или иной художник, «нашедший» новую форму!.. И в этом смысле, для меня,— пишет автор,— ...проза Абрамова, Бондарева, Распутина — новаторская проза в самом лучшем и высоком значении этого слова».

Надо сказать, что Шуртаков вообще, и в этой книге в частности, особое внимание уделяет современной прозе, разбору произведений молодых авторов, работающих в самых разных ее жанрах. Сам бывший тракторист, комбайнер, Шуртаков предельно внимателен к авторам, как принято сейчас говорить, из «глубинки». В его заметках о творчестве прозаиков Виктора Кудлина с Камчатки, Леонида Безрукова из Заволжья, Виталия Маслова из Архангельской области и других чувствуется и доброжелательность и глубокая личная заинтересованность, которые не менее важны для молодых литераторов, чем строгий профессиональный анализ их работы.

...Когда-то Шуртаков занимался в творческом семинаре Гладкова, а затем Паустовского. Трудно назвать более разных и непохожих писателей. Но оба они внушали своим ученикам: «Делайте биографию!» На всю жизнь запомнил эти слова Семен Иванович и не устает их повторять своим младшим собратьям по перу: «Биография для писателя — не самоцель. Биография — источник его творчества».

М. СЕРГЕЕВА

С. Шуртаков. Как слово наше отзовется. М., «Современник», 1980, стр. 336.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

НЕ ЗОЛОТОЙ ЯРЛЫК, А БРИЛЛИАНТОВЫЙ

Экономический репортаж «Золотой ярлык» («Огонек» № 47, 1980 г.) выявил нелепую практику: на ярлыки к различного рода вещам и вещицам расходуются миллионы метров добротной хлопчатобумажной ткани. Такое не повторится, заверили нас в официальных ответах из министерств и ведомств.

— Подготовлен приказ, запрещающий использование на подведомственных предприятиях хлопчатобумажных и шелковых тканей на маркировку кожгалантерейных изделий,— сообщил начальник управления развития обувной, кожевенной и кожгалантерейной промышленности Минлегпрома СССР В. Р. Мелихов.

— Внесены изменения в ГОСТы по маркировке и упаковке швейных, трикотажных и других изделий. Они предусматривают исключение применения хлопчатобумажных, шелковых тканей для маркировочных и контрольных ярлыков, — написал член коллегии Минторга СССР А. Ф. Раннев.

Решительно выступил против никчемного расходования хлопчатобумажных тканей член Государственного комитета СССР по стандартам Ф. Ф. Коваленко. По данным Минлегпрома СССР, сообщил он, во все действующие отраслевые стандарты на кожгалантерейные изделия утверждены изменения со сроком введения в действие 1 января 1981 года.

Долой расточительный километраж! Самое позднее — с первого января нынешнего года все должны были перейти на рачительное, бережное расходование хлопчатки. И о таком мотовстве, как хлопчатобумажный ярлык, слышать более не придется.

Но захожу в универмаг, беру небольшой и плохонький кошелечек, открываю его, а ярлык, большой, нахальный, проигнорировавший все и всяческие указания и распоряжения,— тут как тут. Может, давнее изделие? Ничего подобного: «III м-ц 1981 г.», что, видимо, значит: март сего года. Таким ярким ярлыком руководство Богородской кожгалантерейной фабрики Минлегпрома РСФСР отменило все указания о ярлыках? Не отстают и другие предприятия легкой и местной промышленности. Посмотрели на такую удобную практику комбинаты бытового обслуживания и тотчас переняли ее, тоже гонят хлопчатку на ярлыки. В Министерстве легкой промышленности СССР, похоже, забыли о своих приказах и распоряжениях, а Министерство торговли СССР и Госстандарт не заметили такой забывчивости.

Извините, но это непорядок.

К. БАРЫКИН

Первый выезд Огонькова на работу в № 5 журнала очень актуален. Слишком часто у нас жилые дома сдаются с недоделками, хотя есть приказы, распоряжения, постановления, запрещающие принимать такие здания. Почему в Олимпийской деревне все сделано, как говорится, без сучка без задоринки? Умеем же, значит, строить. Надо строже спрашивать и со строителей и с тех, кто принимает новый дом, чаще пробирать их в печати. Выполняй свою работу добросовестно — порядок обеспечен, и Огонькову нечего будет делать в новом доме.

А. ГЕТМАНОВ, ветеран войны и труда

Саратов.

5 6

К ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА»

Вчера я перешел на летнюю форму одежды,— сами видите, какую... Хочу, чтобы читатели «Огонька» знали: Огоньков готов к выполнению поручений, которые вы, читатели, хотите передать сейчас, когда приближается пора отпусков, когда возрос спрос на ту же летнюю одежду, когда у аэродромных и вокзальных касс становится все оживленнее, когда идешь по улице и ищешь глазами автомат с газированной водой, когда...

Словом, я жду от вас летних заданий. Готов отправиться на колхозное поле, в заводской цех, на швейную фабрику, на вокзал, в речной порт... Куда мне поехать, где побывать, чтобы рассказать о добрых делах, но и покритиковать недостатки; с кем встретиться, о чем узнать? Меня не смущают расстояния, но я для этого должен получить такое письмо, которое убедит меня: надо ехать! Тогда я возьму карандаш, бумагу, записную книжку или диктофон — и в путь, чтобы помочь исправить какие-то недостатки, чтобы поддержать что-то хорошее.

Намечайте маршруты, подсказывайте темы. Даю слово: внимательно прочту каждое письмо, выберу самые интересные.

Итак, я жду!

Ваш ОГОНЬКОВ

МОНОЛОГ СОВРЕМЕННИКА

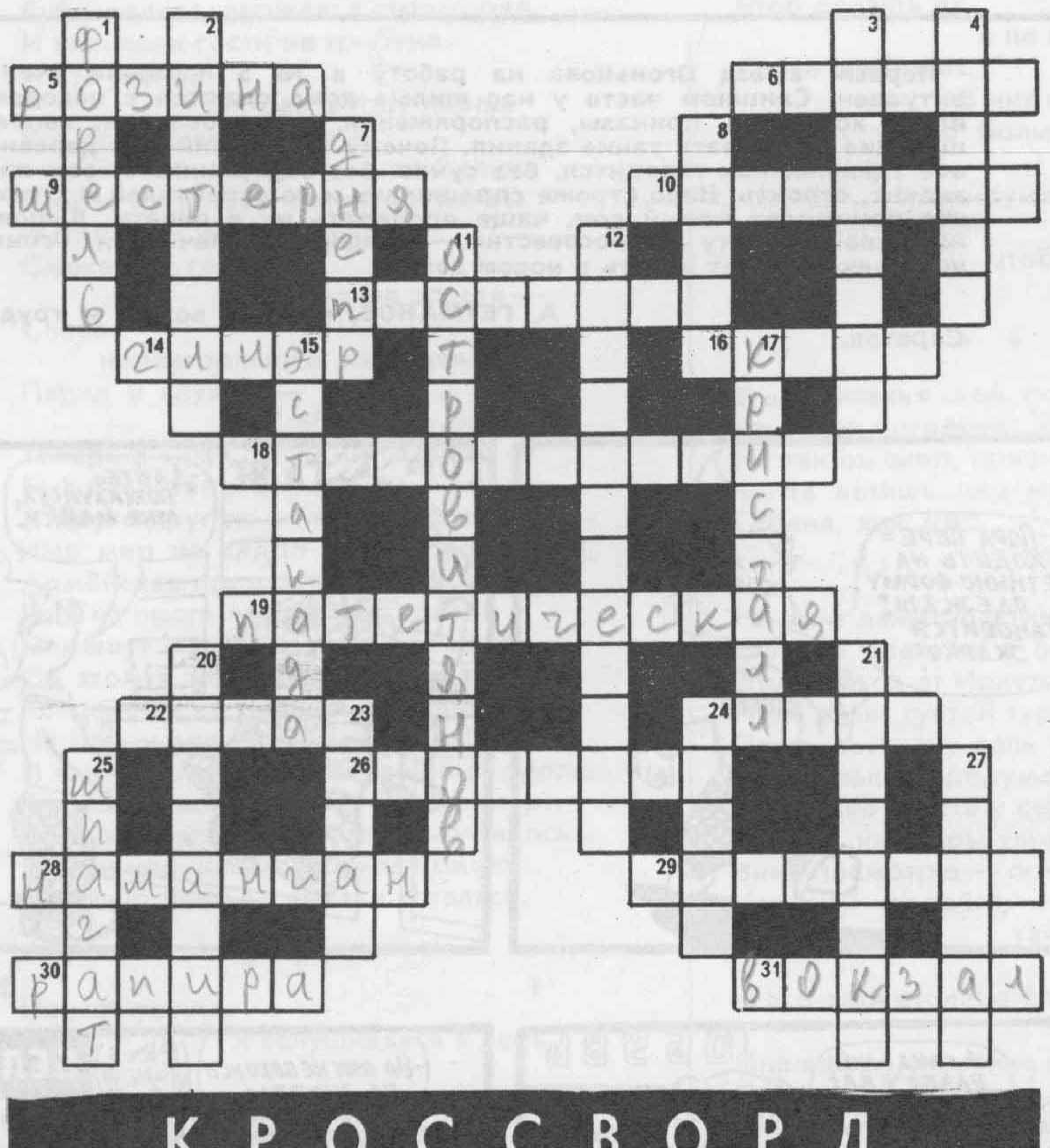
Среди последних работ творческой мастерской чтецов и сцен Москонцерта выделяется новая программа известного чтеца Г. Бальяна и режиссера В. Зубковой «Ваш выход, товарищ артист!». Это поэтическая композиция, которая составлена из произведений Р. Рождественского — поэмы «Двести десять шагов» и ряда его стихотворений. Строка одного из стихотворений и дала название программе.

Поэтическая публицистика Р. Рождественского нелегка для чтения с эстрады: она требует чуткости исполнителя и режиссера к слову, точной расстановки смысловых акцентов. Стихи поэта в исполнении Г. Бальяна обретают новизну, звучат особенно свежо и впечатляюще.

Программа слушается как большой монолог, пронизанный единой мыслью об ответственности человека за все, что происходит на земле. Публицистическая обнаженность режиссерского решения выявляет гражданскую позицию автора. Г. Бальян прекрасно владеет голосом, дикцией, он обаятелен и раскован. Но его контакт со зрительным залом достигается не только этим, а еще и большой самоотдачей, умением раскрыть и передать все то, что заложено в поэзии Р. Рождественского с ее гражданским пафосом и острой публицистичностью.

Это особенно сказалось при чтении поэмы «Двести десять шагов». Непринужденно ведет актер зрителей от главы к главе, освещая их светом своей личной заинтересованности, убежденности, исповедь поэта выглядит лирической исповедью самого актера. Поэтическая композиция «Ваш выход, товарищ артист!» никого не оставляет равнодушным в зрительном зале, находит в нем точный отклик, еще раз доказывая, что «театр одного актера», взыскательно работая над серьезным литературным материалом, всегда добивается успехов, что он нужен зрителям.

Г. ГОГОТИШВИЛИ
Фото В. Орлова

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 6. Пьеса М. Горького. 9. Зубчатое колесо. 10. Оперативное объединение военных кораблей. 13. Название серии космических грузовых кораблей. 14. Композитор, народный артист СССР. 16. Горный курорт в Узбекистане. 18. Раздел геологии. 19. Симфония П. И. Чайковского. 22. Промысловая рыба семейства карповых. 24. Лесная птица. 26. Декоративное растение, цветок. 28. Город в Ферганской долине. 29. Картина В. М. Васнецова. 30. Спортивное оружие. 31. Здание железнодорожной станции.

По вертикали: 1. Лососевая рыба. 2. Холодный ветер на юге Франции. 3. Стихотворение А. С. Пушкина. 4. Небольшая певчая птица. 7. Река в Европейской части СССР. 8. Героиня сказок-повестей Л. Кэрролла. 11. Советский философ, академик. 12. Луковичное растение семейства лилейных. 15. Мостовое сооружение для железнодорожного пути, прокладки коммуникаций. 17. Твердое вещество, имеющее естественную форму многогранника. 20. Химический элемент. 21. Философская наука. 23. Пушной зверь, обитающий в тропических лесах Америки. 24. Конструктор вертолетов, Герой Социалистического Труда. 25. Фигура в гимнастике. 27. Венгерский космонавт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали: 4. Здравница. 7. «Правонарушители». 9. Початок. 11. Анероид. 12. Афоризм. 13. Синоптик. 16. Стилобат. 18. Батальон. 21. Брамсель. 25. «Тропики». 26. Карпаты. 27. Йиглава. 30. Четырехугольник. 31. Клиницист.

По вертикали: 1. Дрена. 2. Гварнери. 3. Пикша. 5. Бартоло. 6. Ремесло. 7. Пачули. 8. Иволга. 10. Кастаньеты. 11. Амфибрахий. 14. Наст. 15. Кран. 16. Сляб. 17. Бове. 19. Андрич. 20. Атланта. 22. Снегина. 23. Ламарк. 24. Опекушин. 28. Дёмин. 29. Торий.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Инспектора дорожно-патрульной службы ГАИ Управления внутренних дел Ставропольского края Наталья Войтович и Светлана Дмитриева. (См. в номере материал «Семейный проспект»).

Фото Г. Копосова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Утро.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

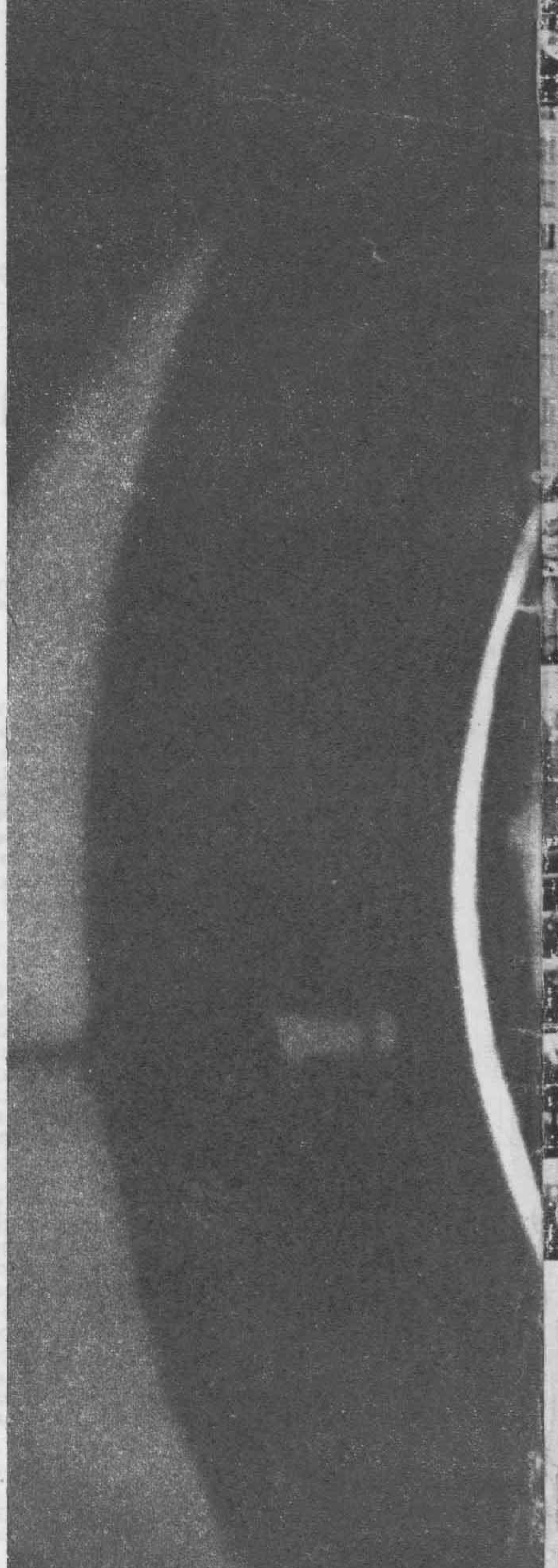
Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 25.05.81. Подписано к печати 09.06.81. А 00387. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1286. Заказ № 657.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Подводный мир задает человеку немало загадок. С давних пор люди пытались приоткрыть его тайны, хотели увидеть, что же там, под водой, на дне морском. Воображением великого писателя-фантаста был создан «Наутилус», подводный корабль, обитатели которого имели возможность наблюдать этот мир. Но тогда это были мечты. Сегодня — явь.

Сегодня множество своих земных дел человек продолжает под водой: прокладывает там телефонный кабель, газо- и нефтепроводы, ведет исследование морского дна, ищет полезные ископаемые... Да мало ли дел у человека на глубине! Только не каждому дано переступить черту, за которой начинается совсем иная жизнь — жизнь без воздуха и под огромным давлением. Для того и существуют водолазы.

Водолазов-профессионалов готовят в специальной школе. А если человеку по роду своей деятельности, например, биологу или кинооператору, лишь изредка надо спускаться на глубину? Без особой тренировки делать этого нельзя, как же тогда быть? Для подготовки именно таких водолазов-совместителей несколько лет назад Центральный морской клуб организовал специальные курсы.

Для теоретических занятий здесь есть хорошо оборудованный класс, а практические занятия проводятся в бассейне, при котором имеется башня двенадцатиметровой глубины, где водолазы получают первые навыки пребывания под водой.

Летом погружения проводятся на Химкинском водохранилище. Здесь есть своя станция и водолазный

1

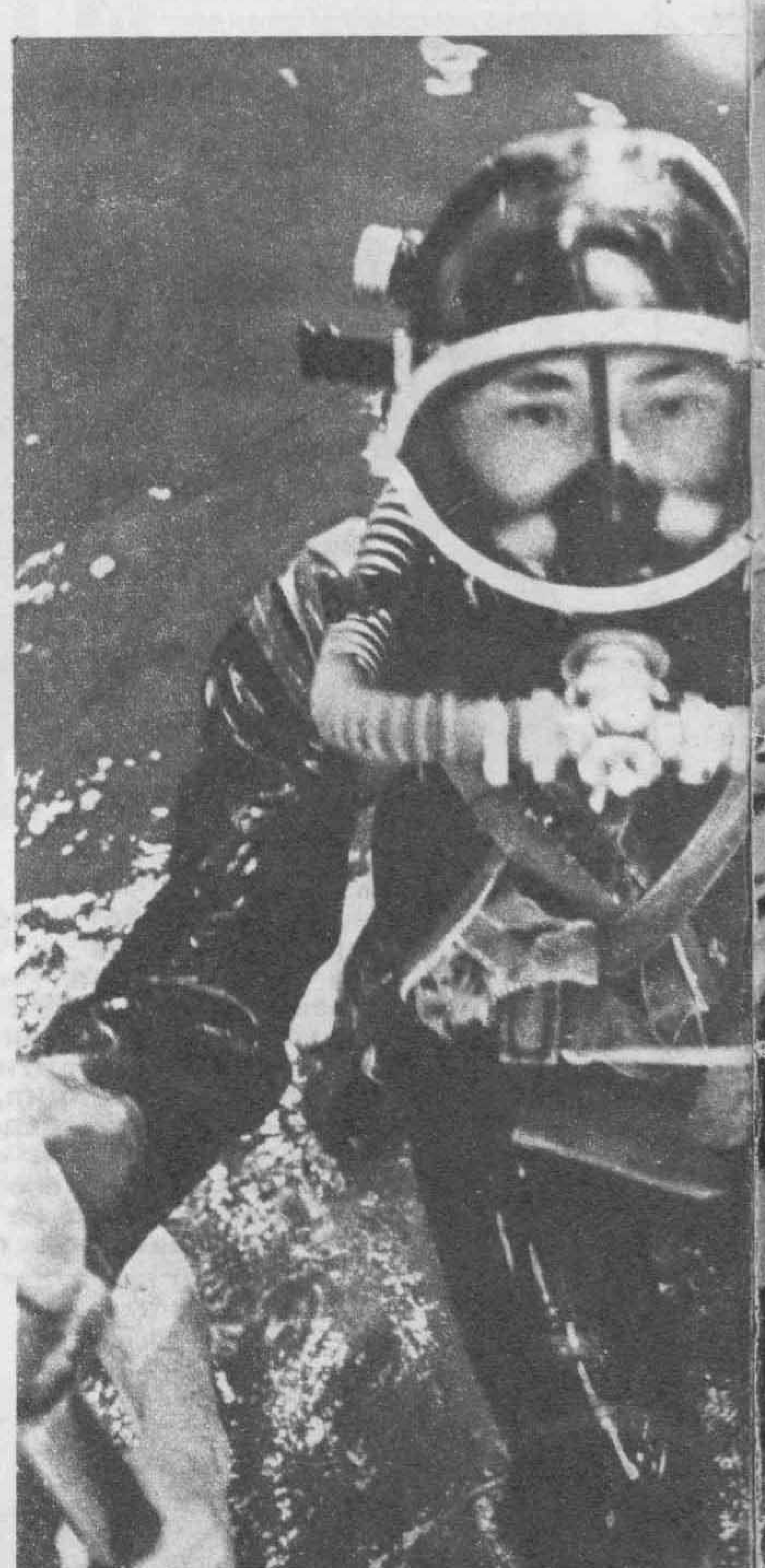
ВТОРАЯ П

бот, с которого совершается спуск под воду.

В Центральном морском клубе — опытные специалисты. Начальник курсов старший водолазный специалист Иван Николаевич Хаджи проработал под водой около пяти тысяч часов.

За время работы клуб выпустил уже почти тысячу человек, умеющих теперь ходить не только по земле, но и по дну.

И. СБИТНЕВ

1

Что там — в глубине?

2

Врач В. А. Зуев проводит занятия в рекомпрессионной камере.

3

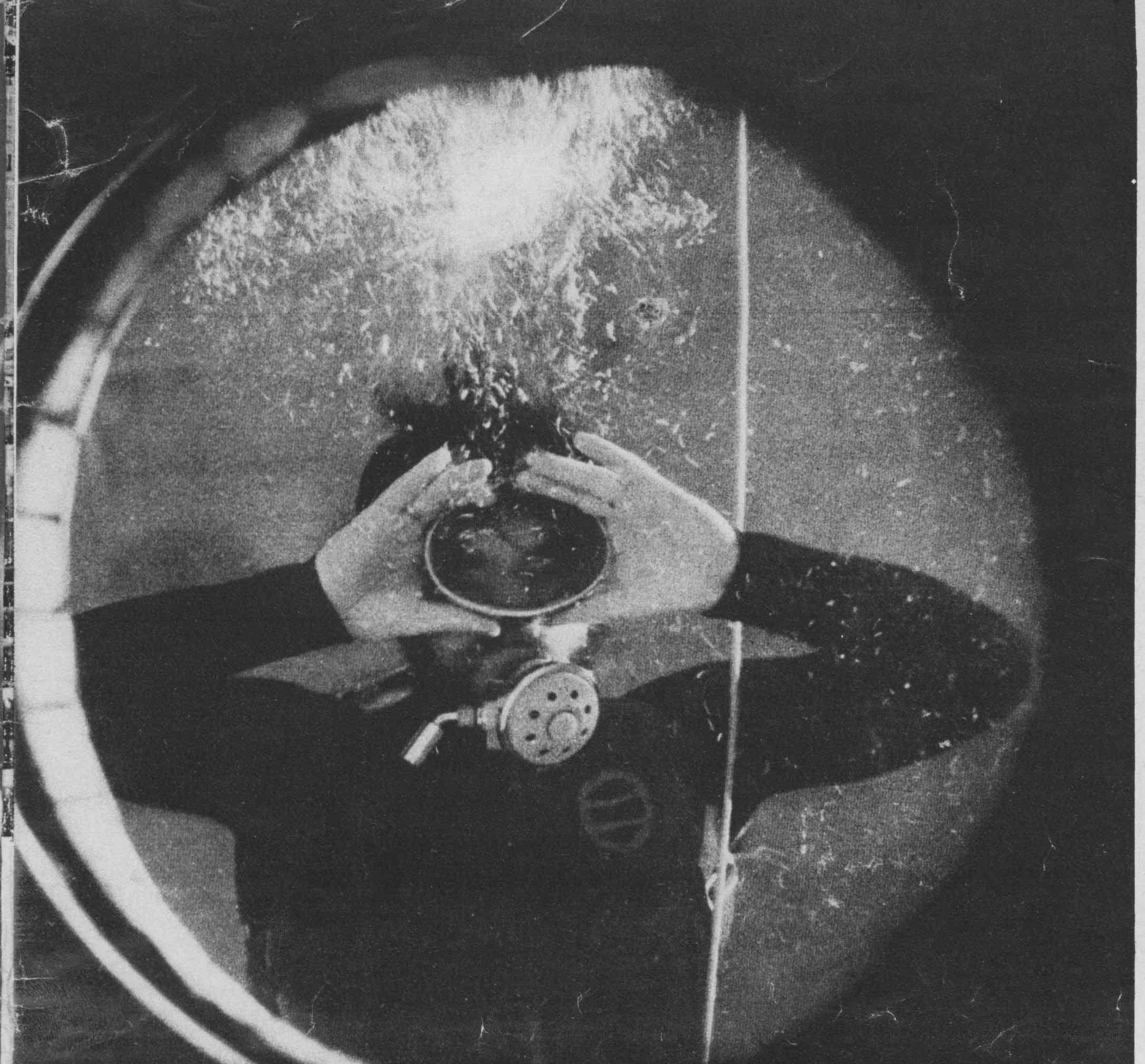
Последняя проверка перед экзаменами.

4

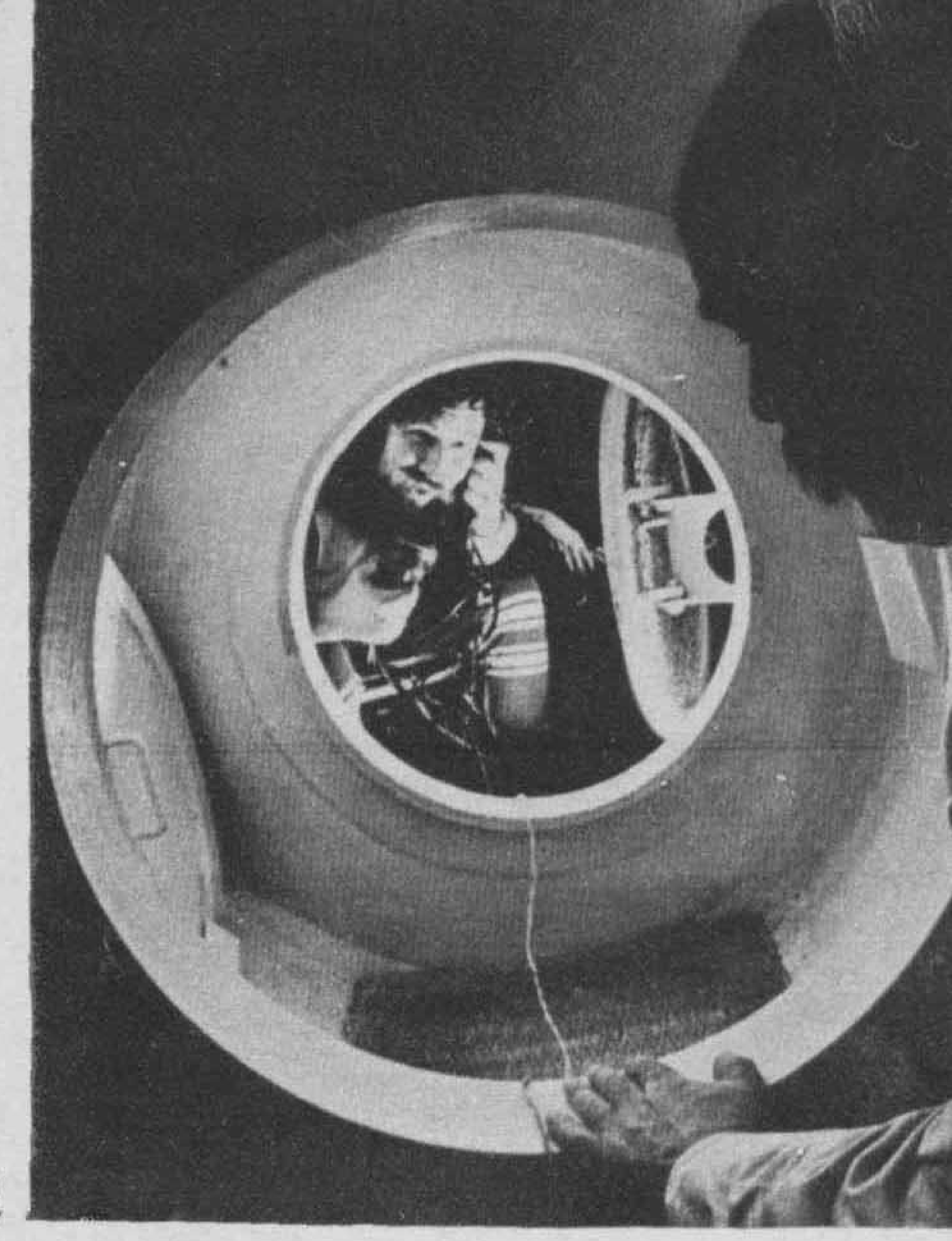
Курсант Н. Туркин задание выполнил.

5

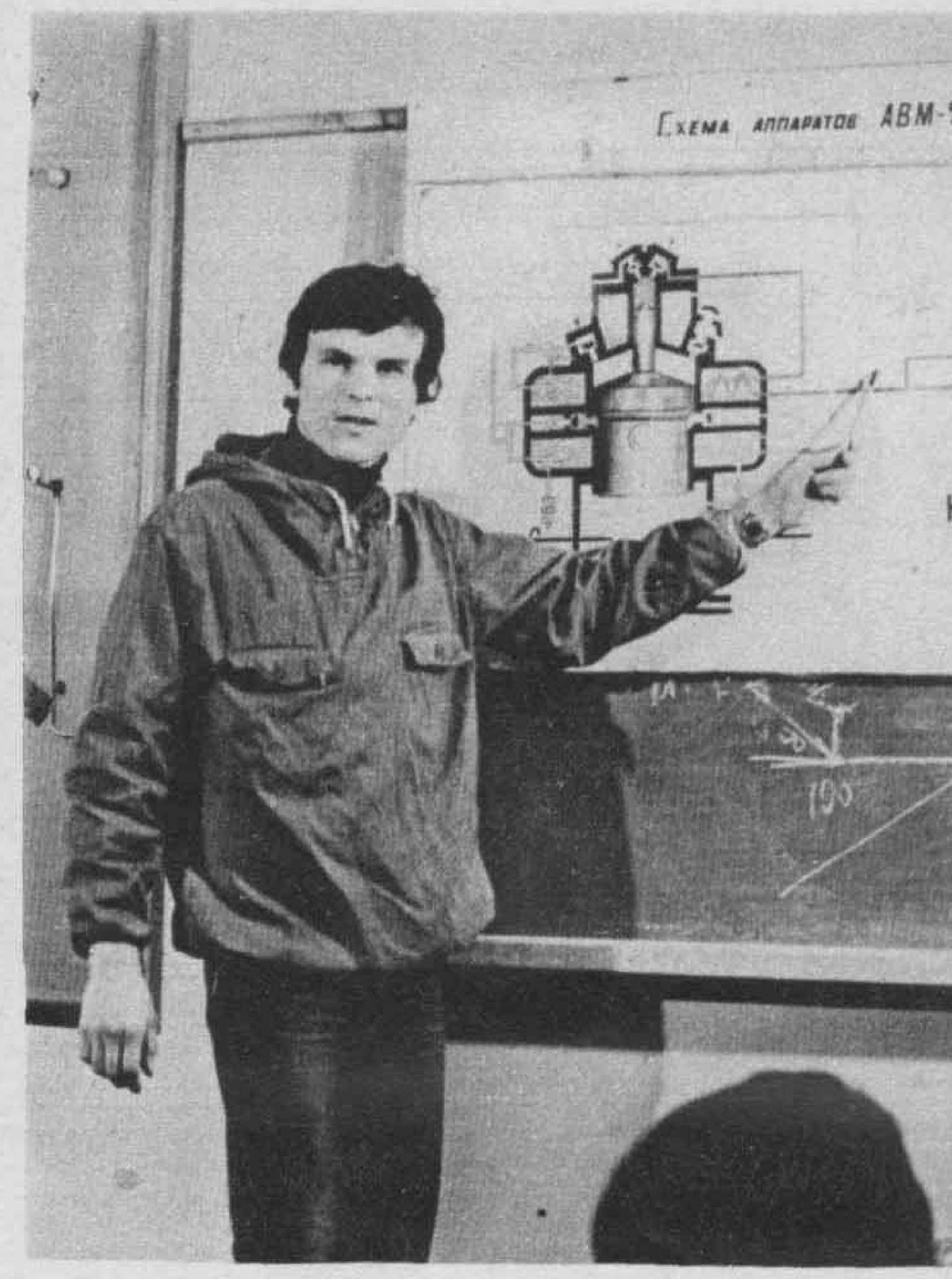
К погружению готовы.

2

3

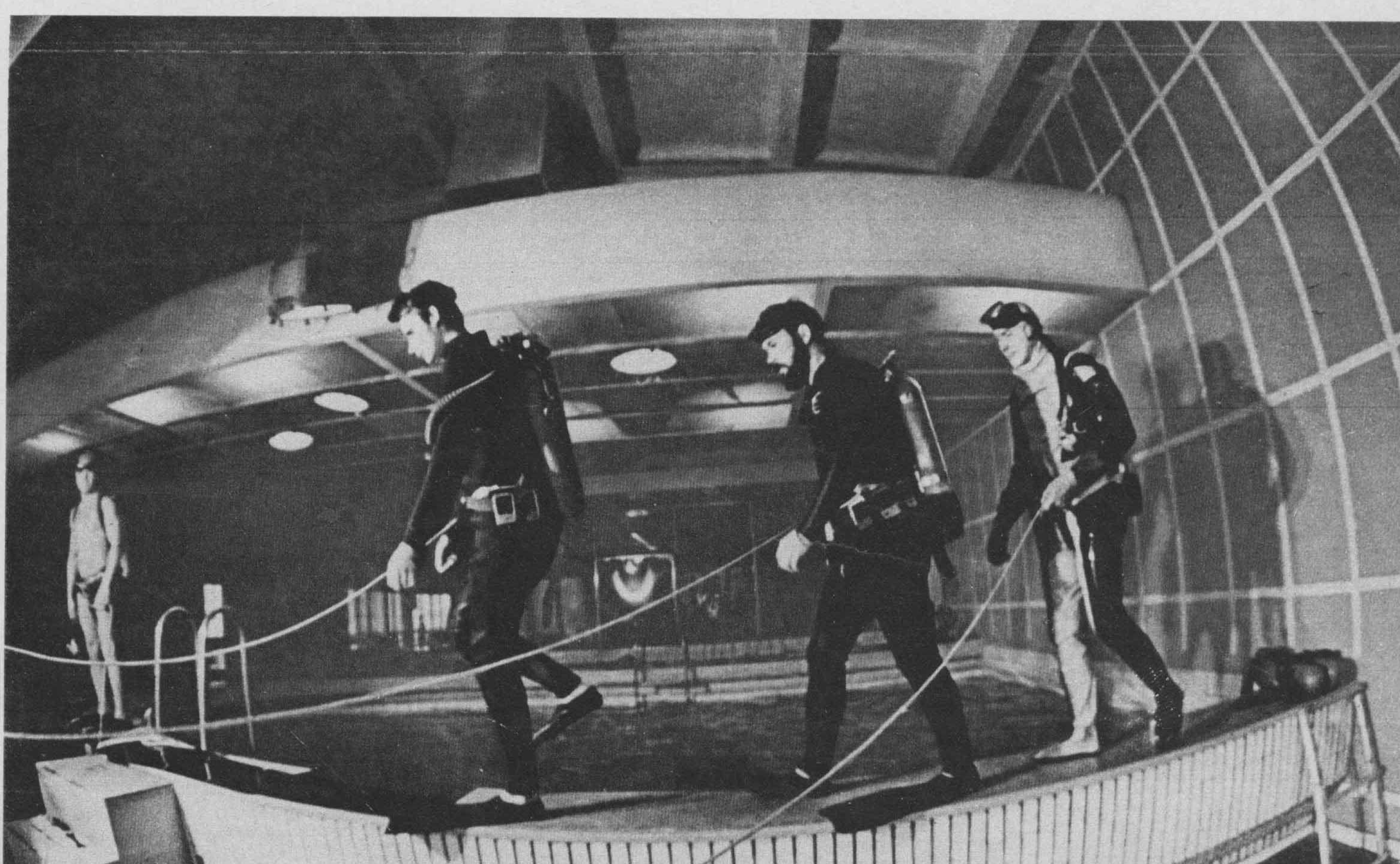

РОФЕССИЯ – ВОДОЛАЗ

4

5

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663